

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

**ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ**

2020 – № 2 (выпуск 40)

Научный журнал

Является продолжением серийного сборника
«Языки коренных народов Сибири»

Новосибирск

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Лингвистика

д-р филол. наук, проф. **Н. Н. Широбокова** (ИФЛ СО РАН) – главный редактор;
д-р филол. наук, проф. **И. Я. Селюгина** (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора;
канд. филол. наук **А. В. Байыр-оол** (ИФЛ СО РАН) – ответственный секретарь

Фольклористика

д-р филол. наук, проф. **Е. Н. Кузьмина** (ИФЛ СО РАН) – главный редактор;
канд. искусствоведения **Г. Е. Солдатова** (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора;
Т. В. Дайнеко (ИФЛ СО РАН) – ответственный секретарь

д-р филол. наук, проф. **А. С. Булдыбай** (Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан); д-р филол. наук, проф. **Н. Б. Кошкарёва** (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук **Н. Р. Ойноткинова** (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук, проф. **Ж. К. Орозобекова** (Институт манасоведения КГУ им. И. Арабаева, Кыргызстан); д-р филол. наук, доцент **В. Н. Соловар** (ОУИПИИР); канд. филол. наук **Е. В. Тюнтешева** (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук, проф. **Ф. Г. Хисамитдинова** (ИИЯЛ УФИЦ РАН); д-р филол. наук **А. Н. Чугунцова** (ИГИСАТ ХГУ им. Н. Ф. Катанова); канд. филол. наук **А. Э. Чумакаев** (НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Академик РАН **А. Е. Аникин** (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук, проф. **М. В. Бавуу-Сюрюн** (ТувГУ); д-р филол. наук, проф. **Б. В. Болдырев** (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук, проф. **Ф. Я. Вейсялли** (Азербайджанский университет языков, Азербайджан); д-р филол. наук **Л. С. Дампилова** (ИМБТ СО РАН); д-р филол. наук, академик Абхазской академии наук **З. Д. Джапуа** (Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии, Абхазия); чл.-кор. РАН **А. В. Дыбо** (ИЯз РАН); д-р филол. наук, проф. **В. В. Илларионов** (СВФУ им. М. К. Аммосова); д-р филол. наук **А. Н. Каксин** (ИГИСАТ ХГУ им. Н. Ф. Катанова); д-р филол. наук **В. Л. Кляус** (ИМЛИ им. А. М. Горького РАН); д-р искусствоведения, проф. **М. Г. Кондратьев** (ЧГИГН); д-р филол. наук, проф. **О. Т. Молчанова** (Щецинский университет, Польша); д-р филол. наук, проф. **С. Ю. Неклюдов** (РГГУ); д-р филол. наук, проф. **М. Олмез** (Политехнический университет Йылдыз, Турция); д-р филол. наук, проф. **Е. К. Скрибник** (Мюнхенский университет, Германия); д-р филол. наук, проф. **П. А. Слепцов** (ИГИиПМНС СО РАН); канд. искусствоведения, доцент **Г. Б. Сыченко** (Международная исследовательская группа по изучению музыки тюркоязычных народов при Международном совете по традиционной музыке, Италия); д-р филол. наук, проф. **Л. Харвилаhti** (Университет Хельсинки, Финляндия); д-р филол. наук, проф. **Л. А. Шамина** (ИФЛ СО РАН)

ISSN 2312-6337 (печатная версия)

ISSN 2712-9608 (сетевое издание)

Институт филологии СО РАН, ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090
yaz_fol_sibiri@mail.ru

Официальный сайт журнала: <http://www.philology.nsc.ru/journals/ykns/index.php>

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SIBERIAN BRANCH
INSTITUTE OF PHILOLOGY

**LANGUAGES AND FOLKLORE
OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA**

2020 – No. 2 (Issue 40)

Scientific Journal

A continuation of the collection of scientific articles
“Languages of Indigenous Peoples of Siberia”

Novosibirsk

LANGUAGES AND FOLKLORE
OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA. – 2020. – No. 2 (Issue 40)
Founded in 1995, the Journal is issued twice a year and published in Russian and English

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

EDITORIAL BOARD

Linguistics

N. N. Shirobokova, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology, SB RAS) – Editor-in-Chief;
I. Ya. Selyutina, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology, SB RAS) – Deputy Editor-in-Chief;
A. V. Bayyr-ool, Candidate of Philology (Institute of Philology, SB RAS) – Executive Secretary

Folkloristics

E. N. Kuzmina, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology, SB RAS) – Editor-in-Chief;
G. E. Soldatova, Candidate of Art Studies (Institute of Philology, SB RAS) – Deputy Editor-in-Chief;
T. V. Dayneko (Institute of Philology, SB RAS) – Executive Secretary

A. S. Buldybay, Doctor of Philology, Professor (Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan);
A. N. Chugunekova, Doctor of Philology (Institute for Humanities Studies and Sayan-Altai Turkology, N. F. Katanov Khakas State University); **A. E. Chumakaev**, Candidate of Philology (S. S. Surazakov Altaic Research Institute); **F. G. Khisamitdinova**, Doctor of Philology, Professor (Institute of History, Language and Literature of Ufa Scientific Center of the RAS); **N. B. Koshkareva**, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology of the SB RAS); **N. R. Oinotkinova**, Doctor of Philology (Institute of Philology of the SB RAS); **J. K. Orozbekova**, Doctor of Philology, Professor (Institute of Manas Science, Arabayev Kyrgyz State University, Kyrgyzstan); **V. N. Solovar**, Doctor of Philology, Associate Professor (Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development); **E. V. Tyuntesheva**, Candidate of Philology (Institute of Philology of the SB RAS)

EDITORIAL COUNCIL

A. E. Anikin, Academician of the Russian Academy of Sciences (Institute of Philology of the SB RAS); **M. V. Bavuu-Syurun**, Doctor of Philology, Professor (Tuva State University); **B. V. Boldyrev**, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology of the SB RAS); **L. S. Dampilova**, Doctor of Philology (Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB RAS); **A. V. Dybo**, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences); **Z. D. Dzhapua**, Doctor of Philology, Academician of the Abkhazian Academy of Sciences (D. I. Gulia Abkhazian Institute for Research in the Humanities, Abkhazia); **L. Harvilahti**, Doctor of Philology, Professor (University of Helsinki, Finland); **V. V. Illarionov**, Doctor of Philology, Professor (M. K. Ammosov North-Eastern Federal University); **A. N. Kaksin**, Doctor of Philology (Institute for Humanities Studies and Sayan-Altai Turkology, N. F. Katanov Khakas State University); **V. L. Klaus**, Doctor of Philology (A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS); **M. G. Kondratiev**, Doctor of Art Studies, Professor (Chuvash State Institute of Humanities); **O. T. Molchanova**, Doctor of Philology, Professor (The University of Szczecin, Poland); **S. Y. Neklyudov**, Doctor of Philology, Professor (Russian State University for the Humanities); **M. Olmez**, Doctor of Philology, Professor (Yildiz Technical University, Turkey); **E. K. Skribnik**, Doctor of Philology, Professor (University of Munich, Germany); **P. A. Sleptsov**, Doctor of Philology, Professor (The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the SB RAS); **G. B. Sychenko**, Candidate of Art Studies, Docent (International Research Group for the Study of Turkic-speaking Music at the International Council for Traditional Music, Italy); **L. A. Shamina**, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology of the SB RAS); **F. Y. Veysyalli**, Doctor of Philology, Professor (Azerbaijan University of Languages, Azerbaijan)

ISSN 2312-6337 (printed edition)
ISSN 2712-9608 (online publication)

Institute of Philology of the SB RAS, Nikolaeva st., 8, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
yaz_fol_sibiri@mail.ru

Official website: <http://www.philology.nsc.ru/journals/ykns/index.php>

СОДЕРЖАНИЕ

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Этномузыковедение

- Никольский А. В.* (Лос-Анджелес, «Браво Энтерпрайзис»)
Алексеев Э. Е. (Бостон, Международный институт Бостона)
Алексеев И. Е. (Якутск, СВФУ им. М. К. Аммосова)
Дьяконова В. Е. (Якутск, АГИКИ)
Как, где и когда складывались аутентичные варганные традиции Сибири и Дальнего Востока. Часть 2: Структурные, психо-акустические и историко-географические особенности формирования вокальной системы традиционной варганной музыки 9–24

Песенный фольклор

- Мухомлёва С. Д.* (Якутск, ИГИиПМНС СО РАН)
Халтанова А. Д. (Якутск, Высшая школа музыки Республики Саха (Якутия) (институт им. В. А. Босикова)
Музыкальные материалы к якутскому песенному тому 25–37
- Павлова Н. В.* (Якутск, ИГИиПМНС СО РАН)
Традиционные формулы в якутских народных песнях, записанных С. И. Боло и А. А. Саввиным 38–49

Повествовательный фольклор

- Яданова К. В.* (с. Кош-Агач, Республика Алтай, Управление территории традиционного природопользования и туризма Кош-Агачского района Республики Алтай)
Опыт систематизации фольклорных сюжетов о восхождении на священные горы (на материале фольклорной традиции кош-агачских теленгитов) 50–62

ЛИНГВИСТИКА

Фонетика

- Уртегешев Н. С.* (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Гласные: соответствие формант артикуляции 63–77

Морфология

- Ильина Л.А.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Грамматикализованная сенсорная эвиденциальность
как типологическая особенность языков Северной Азии 78–88
- Федина Н.Н.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Условное наклонение в чалканском языке 89–97

Лексикология

- Хисамитдинова Ф. Г.** (Уфа, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН)
Русские лексические заимствования в южном диалекте
башкирского языка 98–105
- Монгуш А. А., Бавуу-Сюрюн М. В.** (Кызыл, Тувинский государственный университет)
Лексические репрезентации концепта «Родина» в стихотворных
текстах тувинских писателей 106–117

РЕЦЕНЗИИ

- Исмагилова Е. И.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Музыкальная компаративистика фольклорных традиций народов По-
волжья. Рецензия на книгу: Кондратьев М. Г. Чувашская музыка в зер-
кале параллелей: к проблеме Волго-Уральской музыкальной цивилиза-
ции. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. 447 с.: ил. 118–127

ХРОНИКА

- Кузьмина Е. Н.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Талант – быть Человеком
(к 85-летию Светланы Павловны Рожновой) 128–132
- Рыжикова Т. Р.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Полвека – это много или мало?
(к 75-летию Ираиды Яковлевны Селютиной) 133–135
- Светлой памяти Натальи Николаевны Ширококовой
(28.01.1946 – 13.11.2020) 136–137

CONTENTS

FOLKLORISTICS

Ethnomusicology

Nikolsky A. V. (Los Angeles, "Braavo Enterprises")

Alekseyev E. Ye. (Boston, International Institute of Boston)

Alekseyev I. Ye. (Yakutsk, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University)

Dyakonova V. Ye. (Yakutsk, Arctic State Institute of Art and Culture)

How, where and when authentic traditions of Jaw Harp music of Siberia and the Far East have been forming. Part 2: Structural, psycho-acoustic, and historical-geographical features of the formation of the vocal system of traditional Jaw Harp music

9–24

Song Folklore

Mukhopleva S. D. (Yakutsk, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences)

Khaltanova A. D. (Yakutsk, The Higher School of Music of the Republic of Sakha (Yakutia) (Institute) named after V. A. Bosikov)

Musical materials for the Yakut song volume

25–37

Pavlova N. V. (Yakutsk, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences)

Traditional formulas in Yakut folk songs recorded S. I. Bolo and A. A. Savvin

38–49

Narrative Folklore

Yadanova K. V. (Kosh-Agach village, Altai Republic, Department of Traditional Nature Use Territory and Tourism of Kosh-Agach District of Altai Republic)

Experience of systematization of folklore texts about climbing the sacred mountains (based on Kosh-Agach Telengt folklore tradition data)

50–62

LINGUISTICS

Phonetics

Urtegeshev N. S. (Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences)

Vowels: matching of formants to articulation

63–77

Morphology

- Ilyina L. A.** (*Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*)
Grammaticalized sensory evidence as typological peculiarity of the North
Asian languages 78–88
- Fedina N. N.** (*Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*)
The conditional mood in the Chalkan language 89–97

Lexicology

- Hisamitdinova F. G.** (*Ufa, Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature
UFRC of the Russian Academy of Sciences*)
Russian lexical borrowings in the southern dialect of the Bashkir language 98–105
- Mongush A. A., Bavuu-Syuryun M. V.** (*Kyzyl, Tuvan State University*)
Lexical representations of the concept of Motherland
in poetic texts of Tuvan writers 106–117

REVIEWS

- Ismagilova E. I.** (*Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy
of Sciences*)
Musical comparative studies of the folklore traditions of Volga region peo-
ples. Book review: Kondratiev M. G. Chuvash music in the mirror of paral-
lels: on the problem of Volga-Urals musical civilization. Cheboksary, Chu-
vash publ. house, 2018, 447 p., ill. 118–127

CHRONICLE

- Kuz'mina E. N.** (*Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy
of Sciences*)
The talent of being Human
(on the 85th birthday of Svetlana Pavlovna Rozhnova) 128–132
- Ryzhikova T. R.** (*Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy
of Sciences*)
Half a century is it much or not?
(on the 75th birthday of Iraida Yakovlevna Selyutina) 133–135
- To the blessed memory of Natalia Nikolaevna Shirobokova
(28.01.1946 – 13.11.2020) 136–137

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

ЭТНОМУЗЫКОВЕДЕНИЕ

УДК 781.7:780+81'344.6(571.1/5)
DOI 10.25205/2312-6337-2020-2-9-24

Как, где и когда складывались аутентичные варганные традиции Сибири и Дальнего Востока. Часть 2: Структурные, психо-акустические и историко-географические особенности формирования вокальной системы традиционной варганной музыки

А. В. Никольский¹, Э. Е. Алексеев², И. Е. Алексеев³, В. Е. Дьяконова⁴

¹ «Браво Энтерпрайзис», Лос-Анджелес, США

² Международный институт Бостона, Бостон, США

³ Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия

⁴ Арктический государственный институт культуры и искусств, Якутск, Россия

Аннотация

В целом статья и ее очередная (вторая) часть посвящены специфической фонологии варганной игры, которая рассматривается в сравнении с фонологией пения и речи. В первой части статьи [Никольский и др., 2020, ч. 1] на основе теории гармонического остатка и теории гармонического шаблона была предложена модель фонологической классификации варганных артикуляций. Вскрывалась связь между механическими свойствами материала, из которого изготавливается варган, с акустическими свойствами варганного звука. Из их взаимосвязи выводилась типология спектральной фактуры и общая картина развития типов варганной фактуры по направлению от полифонической к гомофонической их организации. Данная часть статьи посвящена вопросам взаимодействия вокальных систем певческой и разговорной речи в формировании варганной вокальной системы и роли избирательной конфигурации наиболее громких гармоник в дифференциации разных варганных артикуляций. В заключительной (третьей) части статьи предполагается подробнее рассмотреть главные моменты эволюции аутентичной тоновой организации варганной музыки в контексте хронологии её географического распространения и развитие традиций варганного музицирования в ареале северо-восточной Евразии (Сибирь и российский Дальний Восток).

Ключевые слова

дивергенция музыкальных культур, спектральная фактура, полифония, гомофония, шаблоны гармоник, гармонический остаток, археология варгана, глобальная география распространения варгана, типология варганных конструкций, история металлургии, личная песня

Для цитирования

Никольский А. В., Алексеев Э. Е., Алексеев И. Е., Дьяконова В. Е. Как, где и когда складывались аутентичные варганные традиции Сибири и Дальнего Востока. Часть 2: Структурные, психо-акустические и историко-географические особенности формирования вокальной системы традиционной варганной музыки // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 2 (вып. 40). С. 9–24. DOI 10.25205/2312-6337-2020-2-9-24

© А. В. Никольский, Э. Е. Алексеев, И. Е. Алексеев, В. Е. Дьяконова, 2020

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 2 (вып. 40)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2020. No. 2 (iss. 40)

How, where and when authentic traditions of Jaw Harp music of Siberia and the Far East have been forming. Part 2: Structural, psycho-acoustic, and historical-geographical features of the formation of the vocal system of traditional Jaw Harp music

A. V. Nikolsky¹, E. Ye. Alekseyev², I. Ye. Alekseyev³, V. Ye. Dyakonova⁴

¹ "Braavo Enterprises", Los Angeles, United States of America

² International Institute of Boston, Boston, United States of America

³ M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

⁴ Arctic State Institute of Culture and Arts, Yakutsk, Russian Federation

Abstract

This article identifies the principal factors in the evolution of the tonal organization of traditional Jaw Harp music within the context of the chronology of its geographic distribution. The specificity of the vocal system of the Jaw Harp performance technique is analyzed in comparison with the vocal systems of verbal speech and singing. Based on the theories of residue pitch and harmonic templates, the article proposes a model of phonological classification of Jaw Harp articulations. These articulations are explained from the point of view of the interaction of mechanical properties of the material of Jaw Harp construction on the one hand, and the acoustic properties of the Jaw Harp sound on the other hand. Their interdependence is used to infer the general typology of spectral textures and to hypothesize the most likely scenario of their evolution in light of what we know about the history of technologies of manufacturing various materials across the world. The second part of the article is dedicated to matters of the interaction of vocal systems of verbal speech, singing, and Jaw Harp playing. The configuration of the most intense harmonics in harmonic profiles of the principal Jaw Harp vowel articulations is shown to determine the differentiation between various Jaw Harp articulations. The overview of the available archaeological evidence in conjunction with the geographic distribution of the indigenous traditions of Jaw Harp musicking throughout the area of north-eastern Eurasia draws a perspective on the most likely location of the genesis of Jaw Harp musicking. The concluding third part of this article will focus on the evolution of the authentic Jaw Harp traditional music within the geographic area of Siberia and the Russian Far East.

Keywords

divergence of musical cultures, spectral texture, polyphony, homophony, harmonic patterns, harmonic residue, archeology of the Jaw Harp, global geography of the Jaw Harp distribution, typology of Jaw Harp structures, history of metallurgy, personal song

For citation

Nikolsky A. V., Alekseyev E. Ye., Alekseyev I. Ye., Dyakonova V. Ye. Kak, gde i kogda skladyvalis' autentichnye vargannye traditsii Sibiri i Dal'nego Vostoka. Chast' 2: Strukturnye, psikhо-akusticheskie i istoriko-geograficheskie osobennosti formirovaniya vokal'noy sistemy traditsionnoy vargannoy muzyki [How, where and when authentic traditions of Jaw Harp music of Siberia and the Far East have been forming. Part 2: Structural, psycho-acoustic, and historical-geographical features of the formation of the vocal system of traditional Jaw Harp music]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2020, no. 2 (iss. 40), pp. 9–24. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2020-2-9-24

В первой части статьи была предложена модель фонологической классификации варганных артикуляций, типология спектральной фактуры и общая картина развития типов варганной фактуры. Очередная (вторая) часть статьи, представляемая ниже, посвящена вопросам изучения вокальной системы традиционной варганной музыки, её структурным, психо-акустическим и историко-географическим особенностям.

5. Гибридизация пения и говорения как секрет варганной кентавричности¹

Несмотря на недоступность спектрального остатка² для дискретного звуковысотного анализа, он может быть проанализирован иным способом – автокорреляцией по фазе нервных импульсов, активизированных обертонами [Licklider, 1951]. Вопреки его кажущейся сложности, такой анализ, осно-

¹ Для трех частей статьи используется сквозная нумерация подразделов.

² Спектральный остаток – это верхняя часть спектра звука, простирающаяся выше самых нижних 4-5 гармоник, которые различимы ухом среднего человека при вслушивании [Schouten, 1940].

ванный на идентификации периодических спектральных компонентов в слышимых звуках, весьма обычен даже для музыкально нетренированных слушателей [Moore, 2012, p. 217]. В отличие от автоматического характера дискретного анализа фундаментальных тонов (ФТ), анализ периодичности требует выучивания [Terhardt, 1974]. Отсюда следует, что слышание спектрального остатка – это культурный феномен. Разные слушатели могут прибегать к разным стратегиям анализа [Smoorenburg, 1970]. Одни могут следовать «аккордовой» модели транспозиции натурального звукоряда каждого из звуков мелодии, другие – «полифонической» модели голосоведения внутри голосов каждого из «аккордов». Такие стратегии могут смешиваться. Возможны и еще какие-то стратегии. Однако длительное следование избранной стратегии вызывает структурную перестройку мозга [Schneider et al., 2005]. Именно это, скорее всего, и происходит с пользователями тембровой музыки³. Они привыкают настраиваться на восприятие периодических вибраций, содержащихся в комплексном звуке, следуя культурно обусловленной стратегии гармонического анализа. Здесь можно говорить о традиции психоакустического восприятия, близкой культурам психологического восприятия перцептуальной действительности, идентифицированным Н. В. Абаевым [1989].

Варганная просодия полагается на монотонность для облегчения анализа спектрального остатка. Именно поэтому все попытки модернизировать традиционные конструкции варгана при помощи добавления дополнительных язычков или соединения нескольких варганов на одной подставке не закрепились среди варганистов, если только эти музыканты не решили повернуть от традиционных аутентических стилей игры к какому-то иному прототипу музыки. Западноевропейские варганисты, использующие многоязычковые инструменты, ориентируются на модель западноевропейской тональности, перенимаемую у классической музыки. Китайские варганисты, также практикующие многоязычковые конструкции, предпочли модель традиционной китайской музыкальной системы, основанной на *я-юэ* (*yaue*). Как и западная тональность, эта система является специальным видом тональности и издревле сложившейся формой звуковысотной музыкальной культуры, принципиально отличающейся по своему строю от традиционной музыки многих азиатских народностей, несмотря на кажущееся внешнее сходство их пентатонической основы [Maceda, 1990]. Музыкальный строй и теоретические правила создания китайской музыки были регламентированы приблизительно в то же время, что и древнегреческая музыкальная теория [Daniélou, 1995], включая и систему нотации [Bagley, 2005]. Эти обстоятельства и сильное влияние конфуцианства с его враждебным отношением к «варварской музыке», ничуть не слабее выраженным, чем в древнегреческой традиции [Garrison, 2012], ответственны за исторический вектор развития китайской цивилизации под углом отрицания культурного влияния со стороны «северных варваров» [Yü, 1967]. Соответственно, если монгольские и тунгусские «аутентические»⁴ варганские влияния на северокитайскую практику исполнения и имели место в бронзовом веке, то к расцвету династии Хань они совершенно определенно оказались замещены псевдочастотными ладами, созданными на основе санкционированной конфуцианскими авторитетами музыкальной теории.

В аутентической варганной музыке монотонный ФТ становится «фоном», а изменения в спектральном остатке составляют «передний план» в восприятии смен ступеней особых «тембровых ладов», созданных на основе смещения ступеней «артикуляционных гамм» и ономотопеистических имитаций. Творцы и слушатели такой музыки абстрагируются от фона и концентрируют свое внимание исключительно на переднем плане. Таким образом, варган использует принципы узнавания речи, но ограничивает их лишь передним планом варганной музыки. Кентаврическая природа варгана делает его просодию гибридной – музыкально-фонетической.

³ Следуя культурно обусловленной стратегии гармонического анализа, такие слушатели привыкают настраиваться на восприятие периодических вибраций, содержащихся в комплексном звуке. Здесь можно говорить о традиции психоакустического восприятия, близкой культурам психологического восприятия перцептуальной действительности [Абаев, 1989].

⁴ В отношении вопроса об аутентичности варганной музыки см.: Никольский А. В., Алексеев Э. Е., Алексеев И. Е., Дьяконова В. Е. О чем говорит «говорящий варган»: варган и личная песня как основание темброво-ориентированных музыкальных систем // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2019. № 1 (вып. 37). С. 5–32. DOI 10.25205/2312-6337-2019-1-5-32

Замещение вокальных связей язычком производит эффект, сходный с интегративным эффектом «певческой форманты», которая сплавляет Ф3, Ф4 и Ф5 воедино во всех гласных, выдерживая их регистровую позицию приблизительно на одном уровне. Варганная форманта в самом низу спектра подобным же образом является универсальной, притом для всех гласных артикуляций. Она приходится обычно на гармоники № 3–5. Спектральный остаток, напротив, характеризуется сменой звуковысотной позиции форманты для большинства из гласных. Те же гласные, которые мало отличаются по позиции от этой второй, более высокой по отношению к ФТ форманты, различаются конфигурацией четных и нечетных гармоник и шириной полос, задействованных формантой частот. Тем самым варганные гласные одновременно имеют много общего друг с другом в низу варганного спектра (напоминая певческие гласные) и существенно отличаются друг от друга в верху спектра (напоминая разговорные гласные). Именно это позволяет варгану легко переключаться от певческого стиля игры к разговорному – и даже совмещать пение с одновременным говорением, воспроизводя их параллельно. Тем самым варганная просодия оказывается **гибридной** в прямом смысле слова: верхний участок спектра варганного звука имеет несколько вокальных по природе формант, сконфигурированных по-разному у разных гласных, а нижний участок – единую инструментальную форманту (рис. 1).

<https://bit.ly/2Kye3eh>

Рис. 1. Спектральный контур восьми гласных якутского языка, исполненных на хомусе Эркином Алексеевым⁵.

Рисунок демонстрирует различия в спектральных контурах гласных: 1) [O], 2) [A], 3) [Ö], 4) [U], 5) [Y], 6) [Ä], 7) [Ü], 8) [I].

Номера отмечают гармоники: последовательно – для нижних двадцати, и по октавам – для верхних гармоник. Вертикаль показывает амплитуду, а горизонталь – частоту. (А) Якутский хомус (ФТ = 72 Гц). (Б) Камбоджийский *ангут* (ФТ = 85 Гц). Оба варгана имеют тенденцию к большему сохранению нижней, инструментальной, форманты по уровню звуковысотности всех гласных. Для (А) Ф1 занимает зону в 220–365 Гц, что соответствует 876 центам, тогда как Ф2 колеблется в пределах 950–1700 Гц, составляя 1007 центов. Таким образом, полоса звуковысотных колебаний Ф1 на 131 цент уже, чем Ф2. Для (Б) аналогичный показатель составляет 525 центов (1114 центов, если принимать пик на гармонике № 35 за Ф2, а не Ф3).

Вполне возможно, что в верхней, вокальной, части спектра имеют место не одна, а две (или даже более) форманты – Ф3 может быть выделена особенно явно в гласных верхнего подъема [I].

Барьер между вокальной и инструментальной частями спектра у большинства гласных проходит между гармониками № 5–8. Поэтому нижняя часть превышает ФТ, и становится целесообразным ввести новое понятие «гармонической основы» (“harmonic base”) в противоположность «гармоническому остатку» (“harmonic residue”). Гармоническая основа, как правило, составляется гармониками № 1–4, но на некоторых конструкциях может включать и верхние гармоники, вплоть до 7-й.

6. Особая роль гармоничности в вокальной системе варгана

Варганые форманты в целом заметно отличаются от речевых и песенных формант, что было замечено еще Лейппом [Leipr, 1967]. Варганная гласная включает в 6 раз больше «активных гармоник», чем певческая, и в 8 раз больше разговорного варианта той же самой гласной (рис. 2).

Под «активными» здесь понимаются гармоники, чья интенсивность превышает уровень шума. Такие гармоники должны иметь значение для восприятия – не обязательно в качестве отдельно замеченного гармонического компонента, но как составная часть гармонического комплекса, обогащающая его звучание. Окончательный ответ на то, где именно проходит граница человеческого восприятия присутствия или отсутствия верхних гармоник, может предоставить лишь целенаправленное экспериментальное исследование этого вопроса. На данный момент, применительно к восприятию гар-

⁵ Эркин Алексеев – научный сотрудник Международного центра варгана, активный участник наших акустических экспериментов.

моник в комплексных тонах, экспериментально доказано лишь избирательное узнавание вплоть до 10-й гармоники некоторыми индивидуумами [Hartmann, McAdams, Smith, 1990], для большинства людей – 5-7-и нижних гармоник [Plomp, Mimpen, 1968]⁶.

<https://bit.ly/2QriStx>

Рис. 2. Полный спектральный контур гласной [А] на хомусе, в пении и в речи Эркина Алексева.

(1) Хомус. Число активных гармоник достигает 145. Сильнейшая форманта приходится на гармонику № 9 (650 Гц). Другие форманты – на гармоники № 17 (1240 Гц), 64 (4600 Гц) и 93 (6800 Гц), если принять в качестве критерия пик, превышающий 10 дБ по отношению к базовому уровню волны. (2) Пение (басом). Число активных гармоник составляет 23. Сильнейшая форманта совпадает с ФТ (135 Гц). Остальные форманты приходятся на гармоники № 5 (680 Гц), 9 (1200 Гц), и 20 (2700 Гц). (3) Речь. Число активных гармоник всего 19. Сильнейшая форманта совпадает с ФТ (112 Гц). Остальные форманты приходятся на гармоники № 6 (680 Гц), 10 (1130 Гц) и 23 (2600 Гц).

Как видим, речевая и певческая версии [А] гармонически гораздо ближе между собой, чем с хомусной [А] по числу активных гармоник, их расположению ниже по тесситуре, выделению ФТ и по абсолютным уровням высоты Ф2, Ф3 и Ф4. Сюда же можно добавить еще два принципиальных отличия. Ширина полосы частот гармоник намного шире для пения и речи, чем для хомуса. А степень зашумления спектра хомусной [А] – видная на рисунках 2-2 и 2-3 как «шероховатость» контурной линии – намного меньше для хомуса. Контурные линии и пения, и речи выглядят «пушисто» по сравнению с прямыми линиями хомуса – особенно для гармоник выше 7-й. Совершенно очевидно, что хомус значительно повышает гармоничность спектра по сравнению с пением, и еще больше – по сравнению с речью.

Гармоничность определенно играет куда большую роль в варганной просодии, чем в просодии речи и пения. Очень вероятно, что антитеза гармоничности / негармоничности образует определяющую ось в распознавании варганных артикуляций. Привычные к варгану люди должны иметь высокую чувствительность к гармоническому составу звука. И действительно, известно, что нанайцы верят, что всё, спетое в тайге, наверняка будет услышано духами, в то время как сказанное вслух не достигает их ушей [Булгакова, 2000]. Чувствительность к гармоникам объясняет это различие.

Гибридная натура варганной просодии ставит вопрос: произошла ли она от речи как граммелот⁷, от пения как казу⁸, или же она является прототипом как для пения, так и для вокальных систем языков, родных для последователей аутентических варганных традиций?

7. К установлению времени и места появления варганной традиции

Археологические данные указывают на Монголию как эпицентр распространения варганов по направлению к северо-западу, северо-востоку и югу (рис. 3).

<https://bit.ly/2NUVGCu>

Рис. 3. География археологических находок варганов до XIV в., а также артефактов, изображающих «поющие лики» 3000–100 гг. до н. э.

⁶ 12-я и 13-я гармоники не различаются как таковые, но их присутствие или отсутствие ощутимо на слух [Houtsma, Smurzynski, 1990]. Однако имеющиеся данные позволяют полагать, что ухо чувствительно и к более высоким гармоникам. Слушатели способны расценить изменения спектра певческого звука по меньшей мере до 8 кГц как изменения по полноте, ясности и блеску звука [Monson, 2011].

⁷ Граммелот – тип сценической речи, сформировавшийся в рамках итальянской *commedia dell'arte* в качестве пародии на непонятную иностранную речь [Jaffe-Berg, 2001].

⁸ Казу (*kazoo*) – это народный инструмент юго-восточных американских штатов, мембранофон типа мирли-тона (родственен сибирским жужжалкам), получивший популярность до такой степени, что сложился особый репертуар музыки для казу, исполняемый профессиональными «казуистами». Особенность техники исполнения на казу состоит в приеме «мычания» с закрытым ртом, время от времени сменяемого особыми слогами.

XIV век открывает эпоху быстрой диссеминации варгана по всей Европе, это начало его массового производства, включения в торговый оборот и последующего широкого экспорта в европейские колонии и зависимые государства. Карта отражает распространение варгана по Евразии до этого времени. Мелкие черные цифры показывают датировку кластера. Большие полые цифры нумеруют хронологический порядок датированных археологами варганов. Соответствующие источники публикаций перечислены в Таблице 2. Большие полые стрелки показывают предполагаемые пути распространения варганов. Овалы окружают кластеры находок. Сплошной овал означает варганы, сделанные из органических материалов, точечный овал – из металлических, а штриховой – смешанные по материалам изготовления (включает и металлические, и органические).

Древнейший район составляет Внутренняя Монголия. Следующий по очереди – южный Китай, в котором все археологические находки варганов также представляют исключительно органические инструменты. Далее следует регион Алтай, где тоже были распространены варганы из органических материалов. Старейшим смешанным ареалом является уральско-волжский кластер. Там, видимо, и произошло освоение первых металлических варганов. Раскопки во всех более западных районах обнаружили исключительно металлические варганы, определенно более поздние по происхождению по сравнению с варганами из органических материалов, обнаруженными на более восточных территориях. Манчжурия и Япония образуют восточный кластер, который близок по времени к украинскому, и, как и Урал, включает смешанные материалы.

Черная картинка маски отмечает местоположение археологических находок изображений человеческого лица с открытым ртом и определенным выражением (см. рис. 4), либо сделанных в виде петроглифов, либо керамических [Архипов, 1989; Бродянский, 1978; Дэвлет, Дэвлет, 2011; Дэвлет, 1976; Кочмар, 1994; Леонтьев, 1978; Окладников, 1968, 1971, 1974; Окладников, Запорожская, 1972; Окладников, Мазин, 1976]. Наиболее древние из этих изображений (амурские) предшествуют большинству раскопанных варганов и совпадают по времени лишь с древнейшим Шуйцуанским варганом. Узкие черные стрелки обозначают предполагаемые пути распространения традиции ликов на основании их датировки и географического расположения.

Местоположения ликов и варганов совпадают в двух регионах: тувинском и приморском. Тувинские лики [Дэвлет, 1976, с. 27–43] по крайней мере на тысячелетие младше амурских [Окладников, 1971, с. 83–89]. Поскольку хронологически лики и там, и там предшествуют варганам, логично предположить, что варганные артикуляции откристиллизовывались из вокальных, вероятнее всего, имеющих отношение к институту личной песни. Отсутствие ликов во Внутренней Монголии можно объяснить недостатком внимания со стороны китайских археологов и их неосведомленностью относительно значения таких ликов, этого же рода проблемы отмечались в отношении варганов, найденных в Китае [Kolltveit, 2016; Шульга, 2015]. С другой стороны, отсутствие археологических находок варганов в районах якутских и камчатских писаниц с ликами, скорее всего, объясняется повышенной влажностью, затрудняющей сохранение органических материалов.

Древнейший варган относится к нижней сяцзядяньской культуре, 2146–1029 гг. до н.э. [Kolltveit, 2016]. Ее близость к маньчжурским памятникам неолитического искусства «поющих ликов» [Окладников, 1971] заставляет предполагать, что варганные артикуляции произошли от тембрового пения (рис. 5). «Поющие лики» всегда подчеркивают конфигурацию рта, носа и глаз на одном лице, опуская тело, – в противоположность мотивам изображения зверей в соседних сибирских культурах [Окладников, Мазин, 1979, с. 86]. Каждый лик изображает избранную вокальную артикуляцию, наполненную определенной эмоциональной выразительностью, что, возможно, составляет тотемический атрибут [Шейкин, 2002, с. 259]⁹.

<https://bit.ly/2NW7DYn>

Рис. 4. «Поющие лики» Сикачи-Аляна, Амур, около 3000 лет до н. э. [Окладников, 1971, с. 83–89].

⁹ Чрезвычайно похоже на черепообразные лики Сикачи-Аляна раскрашивают лица погребальных идолов для удержания мертвых душ современные нанайцы, которые подкрепляют эти изображения мифами о Черепнаезднике [Окладников, 1979]. Ареал проживания нанайцев захватывает Маньчжурию, и варган остается их первостепенным музыкальным инструментом. Артикуляция гласных императивна для игры на варгане.

(А) Девять изображений были отобраны Ю. И. Шейкиным [2002, с. 270] для демонстрации артикуляций гласных; они, по его мнению, были предназначены для увековечивания моделей артикуляции каждой из этих гласных в рамках культа предков и в качестве тотемического атрибута. Подобные лики были обнаружены по течению Среднего и Нижнего Амура, отделяющего современную Россию от Китая, и концентрацией на человеческих лицах они заметно отличаются от типичных изображений животных в окружающих сибирских культурах. В «поющих ликах» подчеркнута конфигурация открытого рта, а общее эмоциональное выражение каждого лика выполнено в индивидуализированной манере – таким образом, что ни одно найденное изображение не воспроизводит другое [Окладников, 1971, с. 85]. Это можно интерпретировать так, что лица использовались в качестве определенного рода маркеров. Сходные по стилю лики находятся в окрестностях Байкала, на востоке Приморья и на севере, в Якутии и на Камчатке [Андреева, 1987]. (Б) Эта зарисовка показывает местоположение лика № 1 в нижней части скалы на побережье Амура [Окладников, 1971, табл. 5].

Целью создания «поющего лика» могло быть запечатление символического значения отдельной артикуляции и приписывание ее «голоса» определенной фигуре предка – наподобие приписывания зова животного тотемическому предку рода. Тюркские народы сохранили воинские кличи – «ураны», используемые для различения рода (например, якутский клич «уруй!») и сохранявшиеся до XIX в. [Сагалаев, Октябрьская, 1990, с. 21]. Такие кличи наделялись сверхъестественными свойствами. Они могли проникать и в повседневную музыку – взять, скажем, якутский возглас *«һым-тыа!»*.

Фонемическое правило сингармонизма гласных, характеризующее практически все тюркские языки [Гаджиева, 1997], включая и якутский [Антонов, 1997], как и большинство языков алтайской общности [Ko, Joseph, Whitman, 2014], считается палеолингвистами чертой и прототюркского [Тенишев, 1984], и прототунгусского языков [Ard, 1983]. А приблизительное время существования праалтайского языка, который, по оценке специалистов, обладал палатальным сингармонизмом [Черкасский, 1965], предшествует времени создания «поющих ликов»: самые древние из них датируются не ранее 3000 лет до н. э. [Окладников, 1971, с. 83–89]. Признанные лингвистические исследования датируют период распада алтайского праязыка 8000–10 000 гг. до н. э. [Андреев, Суник, 1982], 7000 до н. э. [Старостин, 1991] или 5000 до н. э. [Robbeets, 2015, p. 506], что соответствует эпохе палеолита в Сибири.

Сингармонизм заставляет все слоги одного слова воспроизвести одну и ту же гласную. Если сингармонизм уже существовал в языке создателей «поющих ликов», обитавших на той же территории, что и нынешние сингармонические языки, то любое слово в принципе можно было «подсказать» при помощи изображения гласной артикуляции. В таких условиях выражение «поющего лика» определяется не только фоническим символизмом определенной гласной, но также и лексическим значением подразумеваемого сингармонического слова, такого, к примеру, как якутское «уруй!» (восклицание, обычное для шаманских заклинаний, выражающее мольбу о благополучии, клич радости, заговор против зла, призыв, угрозу либо ознаменование завершения / победы) [Пекарский, 1959, т. 3, стб. 3070]. Посредством сингармонизма отдельная гласная фонема приобретает формообразующее значение в генезисе интонационной культуры тунгусо-манчжурских народов – включая и речевую, и песенную, и варганную просодии.

Север Дальнего Востока оказался культурно изолированным начиная с бронзового века и сохранял неолитические черты в своих культурах вплоть до российской колонизации в XVII в. [Андреева, 1987]. «Поющие лики» распространились по Амуру, Уссури, Байкалу, Лене и Алдану, с общими датировками порядка 3000–100 гг. до н. э. [Дэвлет, Гирия, 2011; Дэвлет, 1976, 1980; Леонтьев, 1978; Окладников, 1974; Окладников, Запорожская, 1972]. Эта область распространения практически совпадает с местоположением древнейших археологических находок варгана, а также с современными зонами наивысшей популярности этого инструмента.

Поющие лики также изображены на малышевской керамике 2000 до н. э. [Окладников, 1968, с. 50]. Сходные по виду неолитические каменные и глиняные маски были обнаружены в Приморье [Бродянский, 1978]. В енисейских захоронениях возле Саян найдены погребальные маски из глины, изготовленные на рубеже эр и воспроизводящие, скорее всего, несохранившиеся более ранние прототипы из легко разрушающихся материалов, таких как береста или кожа [Дэвлет, Дэвлет, 2011, с. 310–312]. Сюда же следует отнести маски, использовавшиеся ненецкими, хантыйскими, мансийскими,

эвенкийскими, удэгейскими, кумандинскими, бурятскими и шорскими шаманами до 1920-х гг. Довольно близки к шаманским маски цама – театрализованного танца, традиционно исполнявшегося в ламаистских монастырях Бурятии, Тувы, Тибета, Непала и Бутана [Там же, с. 335–337]. Каждая маска выражает особую эмоцию для различения героев представления – с поддержкой музыкальным сопровождением, где каждое действующее лицо получает свою мелодию и ритм. Шаманы тоже сопровождают ношение маски вокальной и театрализованной имперсонацией злых и добрых духов [Заболоцкая, 2011]. Тувинские шаманы вместо масок надевают маскоиды – небольшие маскообразные платки, вмонтированные в головные уборы либо вышитые на них спереди или сзади и называемые тувинцами «человеческим лицом» [Дэвлет, Дэвлет, 2011, с. 313]. Маскоиды обычно воспроизводили лицевые маски и представляли духов предков, долженствующих охранять обладателя маскоида [Авдеев, 1960]. Функция оберега делает маски и маскоиды сходными с варганом. Шаманы тоже использовали и маски, и варганы. Маски охраняли шамана от злых духов [Иванов, 1975].

Поющие лики, должно быть, принадлежали к неолитической / мезолитической конфедерации культур, простиравшейся от Волги до Тибета и Китая через череду культурных контактов [Леонтьев, Капелько, Есин, 2008]. Ее влияние могло распространяться еще дальше – в Юго-Восточную Азию и Океанию [Окладников, 1968, с. 52–64]. По всему этому громадному региону бамбуковый и деревянный варганы, бесспорно, являлись представительными музыкальными инструментами.

Суждения о растительных истоках варгана подкрепляются археологическими данными. Фактически почти все находки варганов, датированных до н. э., кроме разве что найденных в Пермском районе, случались в Азии (табл. 2). Варган пересек Урал около 200 лет до н. э. [Александрова, 2017] и, видимо, через тюркские культуры (особенно болгарскую) добрался до Украины и Венгрии. Финно-угорские народности могли доставить его в Северную Европу.

В таблице 2 нумерация отражает хронологический порядок. Колонка «Тип варгана» показывает материал изготовления, тип конструкции и число найденных варганов. В колонке «Источник» представлены ссылки на публикации, описывающие найденные изделия. Хронология ограничена XIII–XIV вв. – до начала массового производства варганов в европейских городах для экспорта в европейские колонии и зависимые от европейских доминионов страны.

Таблица 2

Наиболее ранние конструкции варганов, найденные археологами

№	Тип варгана	Местонахождение	Страна	Датировка	Источник
1	Костяной идиоглоти́ческий (2)	Шуйцюань, Цзяньпин, Ляонин	Китай	2146–1029 гг. до н. э.	[Kolltveit, 2016]
2	Костяной идиоглоти́ческий (1)	Сяцзядянь, Чифэн	Китай	1200–600 гг. до н. э.	[Honeychurch, 2015]
3	Бамбуковый идиоглоти́ческий (4)	Яньцин, Пекин	Китай	770–403 гг. до н. э.	[Tadagawa, 2016]
4	Бамбуковый идиоглоти́ческий (5)	Юхуанмяо, Сычуань	Китай	700–600 гг. до н. э.	[Шульга, 2015]
5	Костяной идиоглоти́ческий (4)	Чжуньдушань, Хэбэй	Китай	700–500 гг. до н. э.	[Honeychurch, 2015]
6	Бамбуковый футляр (1)	Баоцзянь, Шэньси	Китай	576–536 гг. до н. э.	[Tadagawa, 2017]
7	Костяной идиоглоти́ческий (1)	Дубровинский Борок, Кольванский район, Новосибирская область	Россия	300–100 гг. до н. э.	[Бородовский, 2007]
8	Костяной идиоглоти́ческий (1)	Морин Тогой, Алтанбулаг Соум, Тув Аймаг	Монголия	300 г. до н. э.–100 г. н. э.	[Honeychurch, 2015]
9	Костяной идиоглоти́ческий (4)	Черемшанка и Чултуков, Алтай	Россия	300 г. до н. э.–600 г. н. э.	[Бородовский, 2017]
10	Костяной идиоглоти́ческий (1)	Аймырлыг XXXI, Тува	Россия	200 г. до н. э.	[Tadagawa, 2016]
11	Костяной идиоглоти́ческий (1)	Махонинское, Чагинский район, Пермский край	Россия	200 г. до н. э.–300 г. н. э.	[Александрова, 2017]
12	Медный идиоглоти́ческий (1)	Усть-брыкинский, Лаишевский район, Татарстан	Россия	300–500 гг. н. э.	[Александрова, 2017]

13	Костяной (7), бронзовый (22) идио-глотические	Прикамье, Удмуртия, Башкорстан; Кировский район, Пермский край	Россия	300–1300 гг.	[Голубкова, Иванов, 1997]
14	Костяной идио-глотический (2)	Сахар, Хакасия	Россия	400–500 гг.	[Tadagawa, 2016]
15	Железный идио-глотический (1)	Андрианов Ключ, Партизанский район, Приморский край	Россия	500–600 гг.	[Лещенко, Прокопцев, 2015]
16	Железный идио-глотический (3)	Николаевское, Шайгинское и Смольнинское, Михайловский район, Приморский край	Россия	698–926 гг.	[Лещенко, Прокопцев, 2015]
17	Железный гетероглотический (2)	Храм Хикава, Омия, Сайтама	Япония	900–950 гг.	[Tadagawa, 2007]
18	Серебряный идио-глотический (1)	Иделбаевские Курганы, Салаватский район, Башкорстан	Россия	900–1000 гг.	[Мажитов, 1981]
19	Железный гетероглотический (1)	Екимауцы, Резинский район	Молдова	900–1000 гг.	[Фёдоров, 1954]
20	Костяной (2), бронзовый (2) идио-глотические	Танкеевский, Болгарский Некрополь, Спасский район, Татарстан	Россия	900–1100 гг.	[Александрова, 2017]
21	Железный гетероглотический (1)	Глухов, Сумская область	Украина	XIII в.	[Пашковский, 2012]
22	Железный гетероглотический (1)	Упсала	Швеция	XIII в.	[Kolltveit, 2006]
23	Медный гетероглотический (5)	Рига, Сканор, Рибе, Грейсвальд, Гамбург	Латвия, Швеция, Германия	XIII–XIV вв.	[Kolltveit, 2009]

Находки разбиваются на шесть кластеров: Монголия → Китай, Монголия → Байкал, Байкал → Урал / Волга, Волга → Украина, Манчжурия → Япония, Западная Европа. Два старейших кластера характеризуются только бамбуковыми и костяными варганами. Урал / Волга и Манчжурия / Япония комбинируют их с металлическими. Европейские варганы только металлические. Это разделение по материалам чрезвычайно важно! Металлические и органические варганы значительно отличаются по спектральной фактуре: их гармонический остаток и гармоническая основа в зависимости от материала изготовления структурированы по-разному.

Продолжение исследования будет представлено в третьей (последней) части статьи в следующем номере журнала (№ 1 за 2021 г.). Заключительная часть посвящена вопросу о том, как различные факторы: материалы, из которых изготавливаются инструменты, доступность этих материалов, становление технологий изготовления варганов, – влияют на акустические свойства инструментов и, соответственно, на тоновую организацию создаваемой музыки.

Список литературы

- Абаев Н. В. Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае. Новосибирск: Наука, 1989. 272 с.
- Авдеев А. Д. Маска. Опыт типологической классификации по этнографическим материалам // Сборник Музея антропологии и этнографии / Под ред. Л. П. Толстова. М.; Л.: Музей антропологии и этнографии, 1960. С. 39–110.
- Александрова Н. Пластинчатые варганы в археологических памятниках междуречья Камы и Вятки // Вопросы инструментоведения: Сб. статей / Под ред. И. В. Мациевского. СПб.: Рос. ин-т истории искусств, 2017. Вып. 10. С. 83–91.
- Андреев Н. Д., Суник О. П. О проблеме родства алтайских языков и методах ее решения // Вопросы языкознания. 1982. Т. 2. С. 26–35.
- Андреева Ж. В. Бронзовый век Дальнего Востока // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Под ред. Б. А. Рыбакова. Москва: Наука, 1987. С. 351–357.
- Антонов Н. К. Якутский язык // Языки мира: Тюркские языки / Под ред. Э. Р. Тенишева. Бишкек: Кыргызстан, 1997. С. 17–34.
- Архипов Н. Д. Древние культуры Якутии. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1989. 188 с.

Бородовский А. П. Древний резной рог Южной Сибири (эпоха палеометалла). Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2007. 176 с.

Бородовский А. П. Костяные варганы и их заготовки гунно-сарматского времени на территории Северного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий / Под ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодина. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. С. 279–283.

Бродянский Д. Л. Еще одна область неолитического искусства на Дальнем Востоке // У истоков творчества. Первобытное искусство / Под ред. Р. С. Васильевского. Новосибирск: Наука, 1978. С. 133–141.

Булгакова Т. Д. Традиционные представления нанайцев о музыке // Музыкальная этнография тунгусо-маньчжурских народов: Тезисы докладов и сообщений междунар. конф. / Под ред. Ю. И. Шейкин. Якутск: Ин-т проблем малочисленных народов Севера, 2000. С. 36–37.

Гаджиева Н. З. Тюркские языки // Языки мира: Тюркские языки / Под ред. Э. Р. Тенишева. Бишкек: Кыргызстан, 1997. С. 17–34.

Голубкова А. Н., Иванов А. Г. Древние варганы Прикамья // Вестн. Удмурт. ун-та. 1997. Т. 8. С. 93–107.

Дэвлет Е. Г., Гиря Е. Ю. «Изобразительный пласт» в наскальном искусстве и исследование техники выполнения петроглифов Северной Евразии // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д. Г. Савинова. Труды САИПИ / Под ред. В. В. Боброва. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. С. 186–201.

Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А. Сокровища наскального искусства Северной и Центральной Азии. Москва: ИА РАН, 2011. 382 с.

Дэвлет М. А. Петроглифы Улуг-Хема. Москва: Наука, 1976. 119 с.

Дэвлет М. А. Петроглифы Мугур-Саргола. Москва: Наука, 1980. 269 с.

Заболоцкая П. Е. Шаманские маски народов Сибири // Сибир. филол. журн. 2011. Т. 3. С. 24–34.

Иванов С. В. Маски народов Сибири. Ленинград: Аврора, 1975. 32 с.

Кочмар Н. Н. Писаницы Якутии. История и культура Востока Азии. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии РАН, 1994. 263 с.

Леонтьев Н. В. Антропоморфные изображения окуневской культуры // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла. Новосибирск: Наука, 1978. С. 88–118.

Леонтьев Н. В., Капелько В. Ф., Есин Ю. Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2008. 236 с.

Лещенко Н. В., Прокопец С. Д. Средневековые музыкальные инструменты (по материалам памятников Приморья) // Россия и АТР. 2015. Т. 4. С. 222–235.

Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. Москва: Наука, 1981. 160 с.

Никольский А. В., Алексеев Э. Е., Алексеев И. Е., Дьяконова В. Е. Как, где и когда складывались аутентичные варганские традиции Сибири и Дальнего Востока. Часть 1: Определения музыки, тембровой музыки и варганной артикуляционной системы // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 1 (вып. 39). С. 9–32. DOI 10.25205/2312-6337-2020-1-9-32

Окладников А. П. Лики древнего Амура. Новосибирск: Зап.-сиб. кн. изд-во, 1968. 123 с.

Окладников А. П. Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука, 1971. 343 с.

Окладников А. П. Петроглифы Байкала – памятники древней культуры народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. 123 с.

Окладников А. П. Сибирская археология на современном этапе // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1979. С. 5–29.

Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Средней Лены. Ленинград: Наука, 1972. 286 с.

Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы реки Олёмки и Верхнего Приамурья. Новосибирск: Наука, 1976. 189 с.

Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы бассейна реки Алдан. Новосибирск: Наука, 1979. 151 с.

Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. М.: АН СССР, 1959. 705 с.

Сагалаев А. М., Октябрьская И. В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск: Наука, 1990. 208 с.

Старостин С. А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. Москва: Наука, 1991. 190 с.

Тенишев Э. Р. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М.: Наука, 1984. 488 с.

Фёдоров Г. Б. Итоги трехлетних работ в Молдавии в области славяно-русской археологии // Крат-

кие сообщения Института истории материальной культуры. 1954. Т. 56. С. 8–23.

Черкасский М. А. Тюркский вокализм и сингармонизм. Опыт историко-типологического исследования. М.: Наука, 1965. 143 с.

Шейкин Ю. И. История музыкальной культуры народов Сибири: Сравнительно-историческое исследование / Под общ. ред. Е. С. Новик; Нотография Т. И. Игнатьевой. М.: Вост. лит., 2002. 718 с.

Шульга П. И. Могильник Юйхуанмяо в Северном Китае (VII–VI века до нашей эры). Новосибирск: ИА ЭТ СО РАН, 2015. 304 с.

Пашковский О. Дримби XIII – початку XVII ст. за археологічними знахідками // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. 2012. Т. 12. № 2. С. 248–253. (на укр. яз.).

Ard J. A sketch of vowel harmony in the Tungus languages. *Paper in Linguistics*. 1983, vol. 16, no. 3-4, pp. 23–43. DOI 10.1080/08351818309370594

Bagley R. The Prehistory of Chinese Music History. In: Marshall P. J., ed. *Proceedings of the British Academy*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2005, vol. 131, pp. 41–90. DOI 10.3923/ijscmp.2011.224.231

Daniélou A. *Music and the Power of Sound: The Influence of Tuning and Interval on Consciousness*. Rep Sub ed. Rochester, Vt: Inner Traditions, 1995.

Garrison J. The social value of ritual and music in classical chinese thought. *Teorema*. 2012, vol. 31, no. 3, pp. 209–222.

Hartmann W. M., McAdams S., Smith B. K. Hearing a mistuned harmonic in an otherwise periodic complex tone. *The Journal of the Acoustical Society of America*. 1990, vol. 88, no. 4, pp. 1712–1724. DOI 10.1121/1.400246

Honeychurch W. *Inner Asia and the Spatial Politics of Empire: Archaeology, Mobility, and Culture Contact*. New York, NY: Springer New York, 2015. DOI 10.1007/978-1-4939-1815-7

Houtsma A. J. M., Smurzynski J. Pitch identification and discrimination for complex tones with many harmonics. *The Journal of the Acoustical Society of America*. 1990, vol. 87, no. 1, pp. 304–310. DOI 10.1121/1.399297

Ko S., Joseph A., Whitman J. B. Comparative consequences of the tongue root harmony analysis for proto-Tungusic, proto-Mongolic, and proto-Korean. In: Robbeets M., Bisang W., eds. *Paradigm Change: In the Transeurasian Languages and Beyond*. Amsterdam: John Benjamins, 2014, vol. 161, pp. 141–176. DOI 10.1075/slcs.161.13ko

Kolltveit G. *Jew's Harps in European Archaeology*. Oxford UK: Archaeopress, 2006.

Kolltveit G. Jew's Harps of Bone, Wood and Metal How to Understand Construction, Classification and Chronology. In: Eichmann R., Fang J., Koch L.-C., eds. *Studien Zur Musikarchäologie*. Rahden, Westfalia: Verlag Marie Leidorf GmbH, 2016, vol. 10, pp. 63–73.

Kolltveit G. The Jew's Harp in Western Europe: Trade, communication, and innovation, 1150–1500. *Yearbook for Traditional Music*. 2009, vol. 41, pp. 42–61. DOI 10.2307/25735478

Leipp É. La Guimbarde. *Bulletin du Groupe d'Acoustique Musical, Faculte des Sciences Paris*. 1967, vol. 25 (January), p. 25.

Licklider J. C. R. A duplex theory of pitch perception. *Experientia*. 1951, vol. 7, no. 4, pp. 128–134. DOI 10.1007/BF02156143

Maceda J. In search of a source of pentatonic hemitonic and anhemitonic scales in Southeast Asia. *Acta musicologica*. 1990, vol. 62, no. 2-3, pp. 192–223.

Monson B. B. *High-frequency energy in singing and speech*. 2011. URL: <https://search.proquest.com/openview/13a88f1d066d55422d4cd182f8c07793>.

Moore B. C. J. *An Introduction to the Psychology of Hearing*. Bingley, UK: Emerald Group Publishing; 2012. 6th ed.

Plomp R., Mimpen A. M. The Ear as a Frequency Analyzer. II. *The Journal of the Acoustical Society of America*. 1968, vol. 43, no. 4, pp. 764–767. DOI 10.1121/1.1910894

Robbeets M. *Diachrony of Verb Morphology: Japanese and the Transeurasian Languages*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2015.

Schneider P., Sluming V., Roberts N., et al. Structural and functional asymmetry of lateral Heschl's gyrus reflects pitch perception preference. *Nature Neuroscience*. 2005, vol. 8 no. 9, pp. 1241–1247.

DOI 10.1038/nn1530

Smoorenburg G. F. Pitch Perception of Two-Frequency Stimuli. *The Journal of the Acoustical Society of America*. 1970, vol. 48, no. 4B, pp. 924–942. DOI 10.1121/1.1912232

Tadagawa L. Asian Excavated Jew's Harps: A Checklist (1) – Lamellate Jew's Harps (1). *Institute of Ethnomusicology Bulletin of Tokyo College of Music*. 2016, vol. 5, pp. 57–70.

Tadagawa L. Asian Excavated Jew's Harps: A Checklist (2) – Lamellate Jew's Harps (2). *Institute of Ethnomusicology Bulletin of Tokyo College of Music*. 2017, vol. 6, pp. 57–68.

Tadagawa L. Asian Excavated Jew's Harps: A Checklist. *Journal of the International Jew's Harp Society*. 2007, vol. 4, pp. 5–11.

Terhardt E. Pitch, consonance, and harmony. *The Journal of the Acoustical Society of America*. 1974, vol. 55, no. 5, pp. 1061–1069. DOI 10.1121/1.1914648

Yü Y. *Trade and Expansion in Han China: A Study in the Structure of Sino-Barbarian Economic Relations*. Berkeley, CA: University of California Press, 1967.

References

Abaev N. V. *Chan'-buddizm i kul'turno-psikhologicheskie traditsii v srednevekovom Kitae* [Chan-Buddhism and cultural psychological traditions in medieval China]. Novosibirsk, Nauka, 1989, 272 p. (In Russ.).

Aleksandrova N. Plastinchatye vargany v arkhеologicheskikh pamyatnikakh mezhdurech'ya Kamy i Vyatki [Frame-shaped Jew's harps in archeological monuments at the Kama and Vyatka interfluve]. In: *Voprosy instrumentovedeniya: Sb. statey* [Problems of organology: Coll. of art.]. I. V. Matsievskiy (Ed.). St. Petersburg, Russian Institute of Art History, 2017, iss. 10, pp. 83–91. (In Russ.).

Andreeva Zh. V. Bronzovyy vek Dal'nero Vostoka [The Bronze Age in the Far East]. In: *Arkheologiya SSSR. Epokha bronzy lesnoy polosy SSSR* [Archaeology of the USSR. The Bronze Age in the forest zone of the USSR]. B. A. Rybakov (Ed.). Moscow, Nauka, 1987, pp. 351–357. (In Russ.).

Andreev N. D., Sunik O. P. O probleme rodstva altayskikh yazykov i metodakh ee resheniya [On the problem of relationship between Altaic languages and methods of its solution]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 1982, vol. 2, pp. 26–35. (In Russ.).

Antonov N. K. Yakutskiy yazyk [Yakut language]. In: *Yazyki mira: Tyurkskie yazyki* [Languages of the world: Turkic language]. Ye. R. Tenishev (Ed.). Bishkek, Kyrgyzstan, 1997, pp. 17–34. (In Russ.).

Ard J. A sketch of vowel harmony in the Tungus languages. *Paper in Linguistics*. 1983, vol. 16, no. 3-4, pp. 23–43. DOI 10.1080/08351818309370594

Arhipov N. D. *Drevnie kul'tury Yakutii* [Ancient cultures of Yakutia]. Yakutsk, Yakut. kn. izd., 1989, 188 p. (In Russ.).

Avdeev A. D. Maska. Opyt tipologicheskoy klassifikatsii po etnograficheskim materialam [Mask. The experiment in typological classification according to ethnographic data/ethnographic materials]. In: *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [Collection of works of the Museum of Anthropology and Ethnography]. L. P. Tolstov (Ed.). Moscow, Leningrad, Muzei antropologii i etnografii, 1960, pp. 39–110. (In Russ.).

Bagley R. The Prehistory of Chinese Music History. In: Marshall P. J. (Ed.). *Proceedings of the British Academy*. Oxford, UK, Oxford University Press, 2005, vol. 131, pp. 41–90. DOI 10.3923/ijscmp.2011.224.231

Borodovskiy A. P. *Drevniy rezhnoy rog Yuzhnoy Sibiri (epokha paleometalla)* [The ancient carved horn from Southern Siberia from the Paleometallic Age]. Novosibirsk, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, 2007, 176 p. (In Russ.).

Borodovskiy A. P. Kostyanye vargany i ikh zagotovki gunno-sarmatskogo vremeni na territorii Severnogo Altaya [Bone Jaw Harps and their workpieces from the Hunno-Sarmatian period in the North Altai region]. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. A. P. Derevyanko, V. I. Molodin (Eds). Novosibirsk, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, 2017, pp. 279–283. (In Russ.).

Brodyanskiy D. L. Eshche odna oblast' neoliticheskogo iskusstva na Dal'nem Vostoke [Another field of Neolithic art in the Far East]. In: *U istokov tvorchestva. Pervobytnoe iskusstvo* [At the origins of creativity.

- Primitive art]. R. S. Vasil'evskiy (Ed.). Novosibirsk, Nauka, 1978, pp. 133–141. (In Russ.).
- Bulgakova T. D. Traditsionnye predstavleniya nanaytsev o muzyke [Traditional views of the Nanai on music]. In: *Muzykal'naya etnografiya tunguso-man'chzhurskikh narodov: Tezisy dokladov i soobshcheniy mezhdunar. konf.* [Musical Ethnography of Tungus-Manchu peoples: Theses of reports and speeches of the intern. conf.]. Yu. I. Sheykin (Ed.). Yakutsk, Institute of Indigenous Studies of the North, 2000, pp. 36–37. (In Russ.).
- Cherkasskiy M. A. *Tjurkskiy vokalizm i singarmonizm. Opyt istoriko-tipologicheskogo issledovaniya* [Turkic vocalism and vowel harmony. The attempt of historic-typological investigation]. Moscow, Nauka, 1965, 143 p. (In Russ.).
- Daniélou A. *Music and the Power of Sound: The Influence of Tuning and Interval on Consciousness*. Rep Sub ed. Rochester, Vt: Inner Traditions, 1995.
- Devlet E. G., Devlet M. A. *Sokrovishcha naskal'nogo iskusstva Severnoy i Tsentral'noy* [Treasures of rock art in Northern and Central Asia]. Moscow, IA RAN, 2011, 382 p. (In Russ.).
- Devlet E. G., Giryu E. Yu. "Izobrazitel'nyy plast" v naskal'nom iskusstve i issledovanie tekhniki vypolneniya petroglifov Severnoy Evrazii [A "Fine Art Layer" in the Rock Art and the research of the execution techniques of the North Eurasian Petroglyphs]. In: *Drevnee iskusstvo v zerkale arkheologii. K 70-letiyu D. G. Savinova. Trudy SAIPI* [Ancient art in the mirror of archaeology. To the 70-th birthday of D. G. Savinov. Proceedings of the SAIPI]. V. V. Bobrov (Ed.). Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 2011, pp. 186–201. (In Russ.).
- Devlet M. A. *Petroglify Mugur-Sargola* [Petroglyphs of Mugur-Sargol]. Moscow, Nauka, 1980, 269 p. (In Russ.).
- Devlet M. A. *Petroglify Ulug-Khema* [Petroglyphs of Ulug-Khem]. Moscow, Nauka, 1976, 119 p. (In Russ.).
- Fedorov G. B. Itogi trekhletnikh rabot v Moldavii v oblasti slavyano-russkoy arkheologii [The results of the three-year work in Moldova in the field of Slavic-Russian archaeology]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [Short reports of the Institute of History of Material Culture]. 1954, vol. 56, pp. 8–23. (In Russ.).
- Gadzhieva N. Z. Tyurkskie yazyki [Turkic languages]. In: *Yazyki mira: Tyurkskie yazyki* [Languages of the world: Turkic language]. Ye. R. Tenishev (Ed.). Bishkek, Kyrgyzstan, 1997, pp. 17–34. (In Russ.).
- Garrison J. The social value of ritual and music in classical Chinese thought. *Teorema*. 2012, vol. 31, no. 3, pp. 209–222.
- Golubkova A. N., Ivanov A. G. Drevnie vargany Prikam'ya [Ancient Jaw harps of the Kama region]. *Bulletin of Udmurt University*. 1997, vol. 8, pp. 93–107.
- Hartmann W. M., McAdams S., Smith B. K. Hearing a mistuned harmonic in an otherwise periodic complex tone. *The Journal of the Acoustical Society of America*. 1990, vol. 88, no. 4, pp. 1712–1724. DOI 10.1121/1.400246
- Honeychurch W. *Inner Asia and the Spatial Politics of Empire: Archaeology, Mobility, and Culture Contact*. New York, NY: Springer New York, 2015. DOI 10.1007/978-1-4939-1815-7
- Houtsma A. J. M., Smurzynski J. Pitch identification and discrimination for complex tones with many harmonics. *The Journal of the Acoustical Society of America*. 1990, vol. 87, no. 1, pp. 304–310. DOI 10.1121/1.399297
- Ivanov S. V. *Maski narodov Sibiri* [Masks of the peoples of Siberia]. Leningrad, Avror, 1975, 32 p. (In Russ.).
- Kochmar N. N. *Pisanicy Yakutii. Istoriya i kul'tura Vostoka Azii* [Petroglyphs of Yakutia. History and culture of the East of Asia]. Novosibirsk, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, 1994, 263 p. (In Russ.).
- Ko S., Joseph A., Whitman J. B. Comparative consequences of the tongue root harmony analysis for proto-Tungusic, proto-Mongolic, and proto-Korean. In: Robbeets M., Bisang W. (Eds). *Paradigm Change: In the Transeurasian Languages and Beyond*. Amsterdam: John Benjamins, 2014, vol. 161, pp. 141–176. DOI 10.1075/slcs.161.13ko
- Kolltveit G. *Jew's Harps in European Archaeology*. Oxford UK: Archaeopress, 2006.
- Kolltveit G. Jew's Harps of Bone, Wood and Metal How to Understand Construction, Classification and Chronology. In: Eichmann R., Fang J., Koch L.-C., eds. *Studien Zur Musikarchäologie*. Rahden, Westfalia:

Verlag Marie Leidorf GmbH, 2016, vol. 10, pp. 63–73.

Kolltveit G. The Jew's Harp in Western Europe: Trade, communication, and innovation, 1150–1500. *Yearbook for Traditional Music*. 2009, vol. 41, pp. 42–61. DOI 10.2307/25735478

Leipp É. La Guimbarde. *Bulletin du Groupe d'Acoustique Musical, Faculte des Sciences Paris*. 1967, vol. 25 (January), p. 25.

Leont'ev N. V. Antropomorfnye izobrazheniya okunevskoy kul'tury [Anthropomorphic images of the Okunev culture]. In: *Sibir', Tsentral'naya i Vostochnaya Aziya v drevnosti. Neolit i epokha metalla* [Siberia, Central and Eastern Asia in Antiquity: the Neolithic and the Age of Metal]. Novosibirsk, Nauka, 1978, pp. 88–118. (In Russ.).

Leont'ev N. V., Kapel'ko V. F., Esin Ju. N. *Izvayaniya i stely okunevskoy kul'tury* [Statues and stelae of the Okunev culture]. Abakan, Khakas. kn. izd., 2008, 236 p. (In Russ.).

Leshchenko N. V., Prokopets S. D. Srednevekovye muzykal'nye instrumenty (po materialam pamyatnikov Primor'ya) [Medieval musical instruments (based on the data on the Primorye monuments)]. *Russia and the Pacific*. 2015, vol. 4, pp. 222–235. (In Russ.).

Licklider J. C. R. A duplex theory of pitch perception. *Experientia*. 1951, vol. 7, no. 4, pp. 128–134. DOI 10.1007/BF02156143

Maceda J. In search of a source of pentatonic hemitonic and anhemitonic scales in Southeast Asia. *Acta musicologica*. 1990, vol. 62, no. 2–3, pp. 192–223.

Mazhitov N. A. *Kurgany Yuzhnogo Urala 8–12 vv.* [Burial mounds of the Southern Urals of the 8th–12th centuries]. Moscow, Nauka, 1981, 160 p. (In Russ.).

Monson B. B. *High-frequency energy in singing and speech*. 2011. URL: <https://search.proquest.com/openview/13a88f1d066d55422d4cd182f8c07793>.

Moore B. C. J. *An Introduction to the Psychology of Hearing*. Bingley, UK: Emerald Group Publishing, 2012, 6th ed.

Nikol'skiy A. V., Alekseev E. E., Alekseev I. E., D'yakonova V. E. Kak, gde i kogda skladyvalis' autentichnye vargannye traditsii Sibiri i Dal'nego Vostoka. Chast' 1: Opredeleniya muzyki, tembroyoy muzyki i vargannoy artikulyatsionnoy sistemy [How, where and when authentic traditions of Jaw Harp music of Siberia and the Far East have been forming. Part 1: Defining music, timbral music and Jaw Harp's articulatory system]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2020, no. 1 (iss. 39), pp. 9–32. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2020-1-9-32

Okladnikov A. P. *Liki drevnero Amura* [Representation of faces in the ancient Amur region]. Novosibirsk, Zap.-sib. kn. izd., 1968, 123 p. (In Russ.).

Okladnikov A. P. *Petroglify Bajkala – pamjatniki drevney kul'tury narodov Sibiri* [Petroglyphs of Lake Baikal – monuments of the ancient culture of Siberian peoples]. Novosibirsk, Nauka, 1974, 123 p. (In Russ.).

Okladnikov A. P. *Petroglify Nizhnego Amura* [Petroglyphs of the Lower Amur]. Leningrad, Nauka, 1971, 343 p. (In Russ.).

Okladnikov A. P. Sibirskaya arheoloriya na sovremennom yetape [Siberian archaeology at present]. In: *Novoe v arheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka* [The new in archaeology of Siberia and the Far East]. Novosibirsk, Nauka, 1979, pp. 5–29. (In Russ.).

Okladnikov A. P., Mazin A. I. *Pisanicy basseiyna reki Aldan* [Petroglyphs of the Aldan river valley]. Novosibirsk, Nauka, 1979, 151 p. (In Russ.).

Okladnikov A. P., Mazin A. I. *Pisanicy reki Oljokmy i Verhnego Priamur'ya* [Petroglyphs of the Olekma river and the Upper Amur region]. Novosibirsk, Nauka, 1976, 189 p. (In Russ.).

Okladnikov A. P., Zaporozhskaya V. D. *Petroglify Sredney Leny* [Petroglyphs of the Middle Lena]. Leningrad, Nauka, 1972, 286 p. (In Russ.).

Pashkovskiy O. Drimbi 13 – pochatku 17 st. za arheologichnimi znakhidkami [Jaw harps of the 13th – early 17th centuries in archaeological finds]. In: *Novi doslidzhennya pam'yatok kozats'koi dobi v Ukraini* [New studies of monuments of the Cossack era in Ukraine]. 2012, vol. 12, no. 2, pp. 248–253. (In Ukr.).

Pekarskiy E. K. *Slovar' yakutskogo yazyka* [Dictionary of the Yakut language]. Moscow, AN SSSR, 1959, 705 p. (In Russ.).

Plomp R., Mimpfen A. M. The Ear as a Frequency Analyzer. II. *The Journal of the Acoustical Society of America*. 1968, vol. 43, no. 4, pp. 764–767. DOI 10.1121/1.1910894

- Robbeets M. *Diachrony of Verb Morphology: Japanese and the Transeurasian Languages*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2015.
- Sagalaev A. M., Oktyabr'skaya I. V. *Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Znak i ritual* [The traditional worldview of Turks of Southern Siberia. Sign and ritual]. Novosibirsk, Nauka, 1990, 208 p. (In Russ.).
- Schneider P., Sluming V., Roberts N., et al. Structural and functional asymmetry of lateral Heschl's gyrus reflects pitch perception preference. *Nature Neuroscience*. 2005, vol. 8, no. 9, pp. 1241–1247. DOI 10.1038/nn1530
- Sheykin Ju. I. *Istoriya muzykal'noy kul'tury narodov Sibiri: Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie* [History of music culture of Siberian ethnicities: a comparative historic investigation]. E. S. Novik (Ed). Moscow, Vost. lit., 2002, 718 p. (In Russ.).
- Shul'ga P. I. *Mogil'nik Yuykhuanmyao v Severnom Kitae (7–6 veka do nashey ery)* [Yuhuangmiao burial ground in Northern China (7th–6th centuries BC)]. Novosibirsk, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, 2015, 304 p. (In Russ.).
- Smootenburg G. F. Pitch Perception of Two-Frequency Stimuli. *The Journal of the Acoustical Society of America*. 1970, vol. 48, no. 4B, pp. 924–942. DOI 10.1121/1.1912232
- Starostin S. A. *Altayskaya problema i proishozhdenie yaponskogo yazyka* [The Altaic problem and the origins of Japanese language]. Moscow, Nauka, 1991, 190 p.
- Tadagawa L. Asian Excavated Jew's Harps: A Checklist (1) – Lamellate Jew's Harps (1). *Institute of Ethnomusicology Bulletin of Tokyo College of Music*. 2016, vol. 5, pp. 57–70.
- Tadagawa L. Asian Excavated Jew's Harps: A Checklist (2) – Lamellate Jew's Harps (2). *Institute of Ethnomusicology Bulletin of Tokyo College of Music*. 2017, vol. 6, pp. 57–68.
- Tadagawa L. Asian Excavated Jew's Harps: A Checklist. *Journal of the International Jew's Harp Society*. 2007, vol. 4, pp. 5–11.
- Tenishev Je. R. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Fonetika* [Comparative historical grammar of the Turkic languages. Phonetics]. Moscow, Nauka, 1984, 488 p. (In Russ.).
- Terhardt E. Pitch, consonance, and harmony. *The Journal of the Acoustical Society of America*. 1974, vol. 55, no. 5, pp. 1061–1069. DOI 10.1121/1.1914648
- Yü Y. *Trade and Expansion in Han China: A Study in the Structure of Sino-Barbarian Economic Relations*. Berkeley, CA: University of California Press, 1967.
- Zabolotskaya P. E. Shamanskije maski narodov Sibiri [Shamanic masks of Siberian peoples]. *Siberian Journal of Philology*. 2011, vol. 3, pp. 24–34. (In Russ.).

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
26.01.2020

Сведения об авторах

Никольский Алексей Викторович – технический директор фирмы «Braavo Enterprises» (Лос-Анджелес, США), ассоциированный редактор научных журналов «Frontiers in Psychology», «Frontiers in Neuroscience» (Лозанна, Швейцария)

E-mail: alekseynikolsky@gmail.com
ORCID 0000-0001-5572-9438

Алексеев Эдуард Ефимович – доктор искусствоведения, член Главной редакционной коллегии академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», академик Академии духовности Республики Саха (Российская Федерация), сотрудник Международного института Бостона (International Institute of Boston) (Бостон, США)

Веб-сайт: eduard.alekseyev.org; e-mail: eduard.alekseyev@gmail.com
ORCID 0000-0002-4226-9855

Алексеев Иван Егорович–Хомус Уйбаан – доктор филологических наук, профессор Института языков и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации и заведующий лабораторией экспериментальной филологии Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, президент Международного центра хомусной (варганной) музыки и Музея и центра хомуса (trump) народов мира (Якутск, Россия)

E-mail: khomusujb@mail.ru

ORCID 0000-0002-0853-0116

Дьяконова Варвара Егоровна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры искусствоведения и заведующая аспирантурой Арктического государственного института культуры и искусств (Якутск, Россия)

E-mail: dvaryae2012@mail.ru

ORCID 0000-0003-3470-5474

Information about the Authors

Aleksey V. Nikolsky – Technical Director of “Braavo Enterprises” (Los Angeles, USA), Associate Editor of the scientific journals “Frontiers in Psychology” and “Frontiers in Neuroscience” (Lausanne, Switzerland)

E-mail: aleksey@braavo.org

ORCID 0000-0001-5572-9438

Eduard Ye. Alekseyev – Doctor of Art Studies, member of the Chief Editorial Board of the academic series “Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East”, Academician of the Academy of Spirituality of the Sakha Republic (Russian Federation), Employee of the International Institute of Boston (Boston, USA)

Website: eduard.alekseyev.org; e-mail: eduard.alekseyev@gmail.com

ORCID 0000-0002-4226-9855

Ivan Ye. Alekseyev–Khomus Ujbaan – Doctor of Philology, Professor of the Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation and the Head of the Department of Experimental Philology at the M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, President of the Museum and the Center of the Khomus (trump) Music of the Peoples of the World (Yakutsk, Russian Federation)

E-mail: The concluding third part of this article will focus on the evolution of the authentic Jaw Harp traditional music within the geographic area of Siberia and the Russian Far East.

ORCID 0000-0002-0853-0116

Varvara Ye. Dyakonova – Candidate of Art Studies, Associate Professor of the Department of Art Studies and the Director of the Postgraduate Studies at the Arctic State Institute of Arts and Culture (Yakutsk, Russian Federation)

E-mail: dvaryae2012@mail.ru

ORCID 0000-0003-3470-5474

ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР

УДК 398.8 (=512.157)
DOI 10.25205/2312-6337-2020-2-25-37

Музыкальные материалы к якутскому песенному тому

С. Д. Мухоплёва¹, А. Д. Халтанова²

¹ *Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия*

² *Высшая школа музыки Республики Саха (Якутия) (институт) им. В. А. Босикова, Якутск, Россия*

Аннотация

Авторы выносят на обсуждение две проблемы комплексной публикации якутских народных песен в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Первая из них связана с необходимостью нарушения принципа комплексности в целях представления в томе ранних образцов народной песни, зафиксированных письменно. Вторая проблема – вопрос подачи полевых аудиозаписей без купюр. В статье дается характеристика первого научного издания якутских народных песен, описывается история работы над академическим изданием народных песен в целом и над составом музыкального материала, а также предлагаются возможные пути решения насущных проблем, с которыми столкнулся авторский коллектив, работая над томом.

Ключевые слова

издание фольклора, якутские народные песни *ырыа*, *тойук*, комплексный подход, серия «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»

Благодарности

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, грант 18-412-140012 «Подготовка корпуса текстов тома “Якутские народные песни” академической двуязычной серии “Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока”».

Для цитирования

Мухоплёва С. Д., Халтанова А. Д. Музыкальные материалы к якутскому песенному тому // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 2 (вып. 40). С. 25–37. DOI 10.25205/2312-6337-2020-2-25-37

Musical materials for the Yakut song volume

Mukhopleva S. D.¹, Khaltanova A. D.²

¹ *Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the SB RAS, Yakutsk, Russian Federation*

² *The Higher School of Music of the Republic of Sakha (Yakutia) (Institute) named after V. A. Bosikov, Yakutsk, Russian Federation*

Abstract

The work on the volume “Yakut Folk Songs” began in 1984. During this period, Yakut folklorists presented two versions of the volume for consideration by the Main Editorial Board of the academic bilingual series “Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East”, which were not approved. The third version is being prepared. The volume compilers first encountered the problem of the antithesis “Handwritten archival text of a folk song / Audio recording of a folk song”. The authors of the previous two versions of the volume had only audio materials from the integrated expedition of 1986, 1987. Therefore, their versions of volumes were a revised version of

© С. Д. Мухоплёва, А. Д. Халтанова, 2020

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 2 (вып. 40)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2020. No. 2 (iss. 40)

the first scientific publication of folk songs of 1976–1983 with new handwritten texts and ineditis. The third version audio samples were selected from different audio collections of the 50–60s of the 20th century, 1986, 1987, and 21st century. These audio materials were recorded not only by folklorists, philologists, ethnomusicologists but also by radio workers. In this regard, two questions arose. The first was the issue of including handwritten texts of folk songs. Many samples have been “numbing” for centuries (samples of the song system of an early period). The second issue was filing the expeditionary materials. The authors have analyzed one sample. A conclusion was drawn that the pauses and errors of the performer should be considered in the context of the execution environment.

Keywords

folklore edition, *ырыа* and *тойук* Yakut folk songs, integrated approach, series “Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East”.

Acknowledgements

The work was supported by the grant of RFBR (Russian Foundation for Basic Research) 18-412-140012 r-a “Preparation of the body of texts of the volume “Yakut Folk Songs” of the academic bilingual series “Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East””.

For citation

Mukhopleva S. D., Khaltanova A. D. Muzykal’nye materialy k yakutskomu pesennomu tomu [Musical materials for the Yakut song volume]. *Yazyki i fol’klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2020, no. 2 (iss. 40), pp. 25–37. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2020-2-25-37

Введение. Решением редакционной коллегии в состав серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (далее – Серия) были включены шесть томов якутского фольклора. Из них на сегодняшний день увидели свет пять томов [Кыыс Дэбиллийэ..., 1993; Предания, легенды и мифы саха..., 1995; Якутский героический эпос..., 1996; Обрядовая поэзия саха..., 2003; Якутские народные сказки, 2008]. Издания ждет том «Якутские народные песни». Подготовка этого тома началась в 1984 г. и все еще продолжается. Первый этап работы завершился составлением только филологического корпуса в связи с переездом в другую страну составителей-музыковедов. Машинопись коллективного отчета о научно-исследовательской работе (НИР) по филологическому корпусу тома объемом 28 а. л. был сдан на рассмотрение редколлегии Серии в 1989 г. Рукопись тома была подготовлена под руководством Н. В. Емельянова фольклористами-филологами в следующем составе: П. Н. Дмитриев, С. Д. Мухоплёва, В. М. Никифоров, С. П. Ойунская, Л. Ф. Рожина.

Первое научное издание народных песен. Как известно, у якутских фольклористов-филологов был опыт научного издания текстов якутских народных песен *ырыа* и *тойук* с переводом на русский язык, примечаниями и комментариями [Якутские народные песни, 1976–1983]. Четырехтомный сборник подготовил авторский коллектив во главе с Г. У. Эргисом. В основу систематизации текстов были положены разные принципы: тематический, исторический, жанровый. В первую книгу «Песни о природе» вошли тексты якутских народных песен о мироздании, растительном и животном мире, о родных местах. Вторая книга под заглавием «Песни о труде и быте» состояла из текстов о любви, браке, семейной жизни, о труде и быте, песен социального протеста, праздника ысыах и хороводных танцев. В первых двух частях сборника тексты были изданы без разделения на обрядовые и необрядовые песни. Третья книга была всецело посвящена песням советского периода. В ней тексты были распределены по следующим тематическим группам: песни о революции и гражданской войне, о колхозной нови, бытовые песни первых лет советской власти, песни о молодежи, о колхозной жизни, о Великой Отечественной войне, о Советской Родине и коммунизме, о Ленине и коммунистической партии [Якутские народные песни, 1980, ч. 3, с. 5]. В завершающей четвертой книге «Якутские народные поэмы-тойуки» были представлены семь образцов народных песен-*тойуков*. Составителем сборника С. П. Ойунской эти тексты были определены как образцы отдельного жанра – народных поэм-*тойуков*, возникших в XIX в. и отражавших общественную жизнь якутов того времени [Ойунская, 1983]. Идеино-художественное содержание, манера исполнения, художественная форма, средний объем (по сравнению с олонхо) народных песенных поэм-*тойуков*, обладавших законченным сюжетом, – все это в совокупности показывало, что песенный фольклор народа исторически развивался, возникали новые лирико-эпические жанры социально-бытового и драматического характера, типологически близкие народным новеллам и балладам других этносов.

Вышедший в свет в конце 1970-х – начале 1980-х годов четырехтомный сборник, безусловно, стал знаменательным событием, завершившим научное издание образцов якутского фольклора, которое было предпринято под руководством Г. У. Эргиса. Введение в научный оборот столь большого корпуса текстов народных песен, которые были собраны в XIX – начале XX в. плеедой российских дореволюционных и советских собирателей, – это огромный вклад в фольклористику. По сути, это было первое столь обширное издание рукописных фиксаций народных песен, ранее опубликованных в недоступных для читателей изданиях или хранящихся в архивах. Издание текстов народных песен в целом позволило читателям ознакомиться с песенным составом фольклора, который существовал на стыке двух столетий, был зафиксирован исследователями или хранился в памяти истинных носителей традиции. Нужно еще учесть, что для публикации были отобраны лучшие образцы из рукописной коллекции, которая хранится в Архиве Якутского научного центра. Между тем, если смотреть с высоты сегодняшнего дня, становится очевидно, что первый опыт издания народных песен имел неизбежные недостатки, связанные с малоизученностью темы, а также отсутствием комплексного подхода к музыкальному фольклору.

История подготовки тома. Рукопись тома «Якутские народные песни» 1989 г. сибирской Серии была подготовлена с учетом опыта первого научного издания якутских народных песен, описанного выше. В первую очередь редколлегией было принято решение отдельно выделить обрядовые якутские песни (*алгыс*, *ырыа*, *тойук*, *осуохай*) и издать их в томе «Обрядовая поэзия саха (якутов)» [2003]. Кроме того, в состав тома не были введены народные поэмы-*тойуки*, определенные как лирико-эпический жанр социально-бытового и драматического характера. Следуя принципам Серии [Принципы и порядок подготовки томов серии..., 2003], в подготовленный том 1989 г. филологами были включены не только рукописные тексты народных песен, но и 12 расшифрованных текстов фонозаписей. Аудиоматериалы были отобраны из записей, собранных во время комплексных экспедиций 1986, 1987 гг., специально организованных для подготовки томов якутского корпуса Серии. Однако рукопись, подготовленная без участия музыковедов, разумеется, не была принята Главной редколлегией.

В 2011 г. работа над томом была возобновлена; в итоге новым коллективом составителей – филологов и музыковедов – на базе отчета 1989 г. о НИР по тому была подготовлена рукопись объемом 45 а.л. Корпус текстов 1989 г. в целом не был тронут, но его дополнили 11 текстами песен, расшифрованными с аудиозаписей, записанных в Верхоянском районе во время экспедиции 1987 г. Второй вариант тома имел музыковедческий раздел, был снабжен тремя статьями: вступительной статьей «Якутская народная песня *ырыа* как исторический феномен» филолога С. Д. Мухоплёвой, коллективной статьей «О принципах подачи песенного материала и публикуемых текстах», которая была написана на основе статьи 1989 г., а также статьей «Музыка якутских народных песен» музыковеда А. С. Ларионовой. Главная редколлегия, ознакомившись с представленной рукописью, в 2013 г. предложила провести еще целый ряд дополнительных работ, в том числе обогатить том звучащим материалом. Цель добора звучащих текстов – раскрытие особенностей региональных и локальных песенных традиций.

Проблемы комплексного издания якутских народных песен. Комплексная публикация – когда фольклорный материал следует представить в словесной, нотной записи, в звуке, с переводом, атрибуцией и комментариями, – весьма сложная задача, решение которой требует не только времени, но и финансового обеспечения, о чем уже давно пишут члены редакционной коллегии Серии и составители томов в своих публикациях [Кузьмина, 2013, 2017; Сагалаев, 2017; Солдатова, 2007]. В нашем случае еще надо было своевременно осознать и принять действительность. Речь идет об имеющемся расхождении между рукописными архивными текстами и аудиозаписями народных песен, сделанными во время комплексной экспедиции 1986 и 1987 гг. Разница между рукописными и звуковыми материалами была выявлена после комплексных экспедиций в центральные, вилюйские и северные районы Якутии, специально организованных для снабжения томов Серии звучащими и иллюстративными материалами. Собранный богатый аудиоматериал 1986, 1987 гг. в целом показал текущее состояние народной песенной традиции и мог служить лишь стилевым образцом в целях общего иллюстрирования традиционной интонационной культуры народа. Фактический материал этой экспедиции четко и ясно обнаружил, что жанровая система якутских народных песен, зафиксированная на

бумажных носителях в XIX в. – 50–60 гг. XX в., рухнула, и образцы звучащих песен того времени ушли в небытие вместе с последним поколением традиционных певцов, таких как Сергей Зверев (Сунтарский улус, вилюйский регион), Устин Нохсоров (Амгинский улус, центральный регион), Прокопий Слепцов (Абыйский улус, северный регион) и многие другие, которые были носителями традиционного песенного репертуара.

Итак, первые два варианта тома «Якутские народные песни» были подготовлены на базе рукописных материалов, записанных начиная с дореволюционного периода, которые отражали состояние песенного репертуара народных певцов начала и середины XX в. В силу этого звуковые материалы комплексной экспедиции 1986, 1987 гг., сами по себе являющиеся бесценным материалом, могли быть использованы в томе только частично. Эти материалы, как говорят археологи, были в основном артефактами другого культурного среза – времени после коллективизации, когда традиционная жизнь народа, в том числе и песенная культура, была в корне изменена.

Музыкальные материалы к новому варианту тома: архивные записи 50–60-х гг. XX в. В настоящее время, благодаря оцифровке аудиозаписей с бобин и аудиокассет, в музыкальную часть тома «Якутские народные песни» стало возможным включение материалов, собранных по крупницам начиная с 50-х гг. XX в. и хранящихся в фондах Фонограммархива Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, отдела фольклора и литературы Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (ранее – Институт гуманитарных исследований Академии наук Республики Саха (Якутия)) и Национальной вещательной компании «Саха». Песни были зафиксированы на технические носители во время полевых исследований этномузыковедом Э. Е. Алексеевым [Ларионова, 2017; Татарина, 2015] и якутскими фольклористами [Татарина, 2013, с. 23, 24]. Кроме полевых записей к тому привлечены студийные записи от известных народных певцов, которые использовались для текущих программ Якутского радио и были бережно сохранены. Репрезентативность всех этих архивных звуковых материалов для песенных образцов XIX в. – 50–60 гг. XX в. не вызывает сомнений, поскольку они были зафиксированы из уст носителей песенной традиции, которые были очевидцами традиционного образа жизни народа в период до коллективизации и поселкования, начиная с 1929 г. по 1940 г.

Музыкальные материалы к новому варианту тома: аудиозаписи экспедиции 2002 г. Фольклорная экспедиция Института гуманитарных исследований Академии наук Республики Саха (Якутия) 2002 г. была посвящена изучению состояния фольклора заречной зоны районов. В качестве объектов наблюдения были выбраны 15 населенных пунктов, которые являются очагами традиционной культуры якутов. Во время экспедиции был собран большой фактический материал. Записи были сделаны на бытовой магнитофон и видеокамеру. По реестру оцифрованных материалов 2018 г. видно, что во время экспедиции было собрано всего 53 единицы интонируемых текстов разных жанров и разных исторических эпох. Среди них есть традиционные интонируемые жанры. Это 11 народных традиционных лирических песен, обозначенных как *ырыа*, *хосуйуу*, *туойуу*; 3 скороговорки-чабыргах с интонируемым началом; 3 текста *ырыа*, которые информантами были декламированы как стих. Экспедиция показала, что в культурном пространстве якутского села в советское время бытовал такой заимствованный у русских песенный жанр, как частушка (10 ед.). Она была записана не только в пограничном Амгинском районе (с. Абага – 4 ед.), но и в местах традиционного проживания якутов: Мегино-Кангаласском (с. Табага – 1 ед.) и Таттинском (с. Чёркёх – 3 ед., с. Томтор – 2 ед.) районах. Кроме того, большое распространение в обследованных местах получили песни мелодистов¹, которые информантами воспринимались как традиционные песни. Во время экспедиции были записаны 18 таких песен. Среди информантов были зафиксированы 6 авторских песен, которые исполнялись ими в рамках своего региона среди близкого окружения. Итак, в 2002 г. в культурном пространстве сельских поселений Якутии песенное творчество было представлено разновременными жанрами устного и письменного происхождения. При этом доля народных традиционных интонируемых жанров, как показывает приблизительный подсчет, составляет 30 %, частушек – 18 %, песен комрозиторов-мелодистов – 33 %, авторских песен информантов – 11 %.

¹ Мелодистами в Якутии называют композиторов-песенников без специального образования.

Традиционные песенные жанры: исчезнувшие и живые. Как нами уже отмечено, вариант тома «Якутские народные песни» 1989 г. был подготовлен на базе рукописных материалов, записанных начиная с дореволюционного периода, и он в целом отражал состояние песенного репертуара народных певцов начала и середины XX в. В томе тексты были распределены по тематическому принципу: «Песни о мироздании, временах года и явлениях природы», «Песни о родных местах, растительном и животном мире», «Песни о человеке, о его горестях и недостатках», «Песни о любви». Из этих тематических разделов, как показывает материал, во время экспедиции 2002 г. были на аудио- и видеозаписи зафиксированы песни только третьей и четвертой групп, т. е. песни о человеке и его чувствах. «Песни о мироздании, временах года и явлениях природы», «Песни о родных местах, растительном и животном мире» ушли в небытие вместе с носителями традиции. Они остались увековеченными только в рукописном виде и в ранних аудиозаписях, их не удалось зафиксировать на аудио и во время комплексных экспедиций 1986, 1987 гг.

Как показывает анализ собранных материалов в памяти носителей народной песни актуализируются в первую очередь общеизвестные традиционные песни, бытующие в среде самодеятельных коллективов и распространяемые через радио и телевидение. Кроме того, бытуют песни, исполненные певцами, которые жили в недавнем прошлом и которые помнит сам информант. Таким образом, анализ собранных в 2002 г. материалов позволяет констатировать, что исчезли те песенные жанры, которые бытовали благодаря институту народных певцов *ырыасыт*, хранителей «праздничной» культурной памяти народа (термин Яна Ассмана [Ассман, 2004]), песни которых удалось зафиксировать в 50–70-х гг. XX в. В памяти информантов XXI в., с которыми нам удалось работать, остались песенные жанры так называемой «коммуникативной» или «повседневной» памяти, связанные с недавним прошлым. Сегодня мы ставим вопрос о включении их в новый вариант тома.

«Песня Чулбука» как экспедиционная запись. Фонозаписи подразделяются на студийные, концертные и экспедиционные. Сегодня перед нами стоит вопрос о том, как подать экспедиционные аудиозаписи. Как известно, во время экспедиционной аудиозаписи информант часто останавливается, забывает слова, исправляет сам себя, да еще вкрапляются слова собирателя. Подать их в таком виде без редакции, или же отредактировать, как при студийной записи?

В качестве примера остановимся на анализе текста «Песни Чулбука по пути к Варваре» («*Чулбуук Балбааратыгар баран иһэр ырыата*») в исполнении Ивана Николаевича Новикова, уроженца Эмиского наслега Амгинского улуса Республики Саха (Якутия)². Песня записана в с. Амга Амгинского улуса С. Д. Мухоплёвой во время фольклорной экспедиции 2002 г. Полный вариант этой песни будет включен в основной корпус тома «Якутские народные песни» Серии. В данной же статье рассмотрим ее короткий вариант, записанный во время той же экспедиции от одного и того же информанта (см. табл. и Приложение). Этот вариант песни состоит из 28 строк, где каждая строка строится на основе семисложника 4+3 и организована в рамках восьми музыкальных времен. На первые шесть слогов приходится по одному времени (восьмые длительности), а последний, седьмой, слог включает два музыкальных времени (четвертная длительность). Песни на основе такой формулы относятся к стилю *дэгэрэн ырыа* и идентичны со строением строк якутского кругового танца *оһуохай* [Ларионова, Халтанова, 2019]. Кроме семисложников встречаются восьми- (4+4, 5+3) и девятисложники (6+3). В этих строках музыкальное время сохраняется, дроблению подвергаются нечетные доли (первая, третья и пятая).

Общее время звучания 1 минута 45,7 секунд с учетом двух пауз. Паузы составляют 9,2 секунд (первая – 4,8 секунд, вторая – 4,9 секунд). В паузах есть комментарии певца И. Н. Новикова, а также собирателя С. Д. Мухоплёвой. Информант сообщает, что он делает купюры, пропуская часть песен. В песне также есть две ошибки при исполнении. Первый раз певец ошибается за три строки до первой паузы, второй раз – за две строки до второй паузы. Видимо, в этих моментах информант забывает текст и / или решает пропустить часть песни. После каждой паузы начинается новый раздел песни. Это отражается не только в сюжетной линии песни, но и в изменении букв вертикальной аллитерации: 1–14 строки – «У, Ы, С», 15–20 строки – «К» (см. табл.).

² Филологический анализ данной песни см. в статье: [Мухоплёва, Павлова, 2019].

Словесный текст «Песни Чулбука по пути к Варваре» с переводом на русский язык³

№ строки песни	Текст на якутском языке	Перевод на русский язык
1	« <i>Урун кунум анныгар</i>	«Под белым солнцем
2	<i>Урунуктуур тулдурум,</i>	Белеющая пуночка моя,
3	<i>Ыбай сирим айаҕан<р></i>	У ворот райской земли
4	<i>Ырыганчай Балбааран<м></i>	Тонкая (Худющая?) Варвара твоя
5	<i>Ыраах, быдан дойдуттан</i>	Из самой дальней земли
6	<i>Ыгырар-угуйар буолаҕа.</i>	Зовёт-манит меня,
7	<i>Сорсуйдарбын даҕаны</i>	Хоть я и пожилой,
8	<i>Суохтуур-ахтар ахан дуо?</i>	Тоскует, скучает по мне, что ли?
9	<i>Соҕотохчой доҕорбор</i>	Одинокой подруге,
10	<i>Солооһуннаах суол устун</i>	По проселочной дороге
11	<i>Суһал, түргэн сырыынан</i>	Срочной, быстрой ездой
Ошибка 1	[Субур]	
12	<i>Сонобоччой [чэ] аптынан</i>	На молодом коне
13	<i>Субурутан, суксутан</i>	Прискакав, примчавшись,
14	<i>Субу кэлэн олоробун», – диир.</i>	Вот, прибыв, сижу», – говорит.
	МСД: – Ноо!	МСД: – Ноо! ⁴
	НИН: – Чэ, итиннэ, бээ, сорхотун көтүттүм.	НИН: – Ну, я тут часть пропустил.
	МСД: – Ааһа.	МСД: – Ага.
	НИН: – Тохтоо, бээ.	НИН: – Подожди-ка.
15	<i>«Кинээс-тойон саҕаттан</i>	«Со времен князей-тойонов
16	<i>Кириэстээхтээн<х> эбээбэр</i>	В местности Кириэстэх
17	<i>Кии-хара буолбутум;</i>	Стал человеком;
18	<i>Кэтэхэхтиир доҕорбор</i>	К ожидающейся подруге,
Ошибка ка 2	[Кэм]	
19	<i>Кэһии-тутуу тиэнэммин</i>	Погрузив на сани гостинцы-подарки ⁵ ,
20	<i>Кэлээхэйдээн истэҕим», – диир, сөп диэ?</i>	Еду, покачиваясь», – говорит, верно?
	МСД: – Сөөп.	МСД: – Да.
	НИН: – Чэ, итиннэ эмиз көттө, эмиз.	НИН: – Ну, тут тоже пропустил.
	МСД: – Чээрэ, өссө.	МСД: – Ну-ка, еще раз.
	НИН: – Сөп диэ.	НИН: – Скажем, да.
21	<i>«Айан суолун кытыытан</i>	«У проезжей дороги
22	<i>Хаччаахылаан эбэҕкэм</i>	В местности Хачахылан
23	<i>Атыһыт Дьөгүөр оҕохон</i>	У купца молодца Егора
24	<i>Ачыгыһкаан сааспыттан</i>	С малых лет
25	<i>Арыгыга тииспитим,</i>	Пристрастился к спиртному,
26	<i>Айдаан бөҕөнү таптытым,</i>	Столько шума я поднял,
27	<i>Хаартыларын оонньооммун</i>	Играя на картах,
28	<i>Харчылары сүүйбүтүм», – диир. Сөп?</i>	Выигрывал деньги», – говорит. Верно?

³ Перевод на русский язык С. Д. Мухоплёвой. В таблице реплики исполнителя обозначены аббревиатурой НИН, собирателя – МСД.

⁴ Междометие, выражает одобрение и желание слушать дальше.

⁵ Точнее: «взяв с собой гостинцы, положив их на сани и привязав, чтобы не упали».

После пауз и бесед с собирателем И. Н. Новиков продолжает петь на той же высоте f-g-a. В 15 и 21 строках примерно на 0,2 секунды увеличивается продолжительность звучания, но потом устанавливается типичная продолжительность – примерно 3,6–3,2 секунды. Последние строки перед паузами увеличиваются на одну четверть, вместо восьмивременных построений образуются десятивременные. Это достигается в первом случае за счет конечного слога на слове «диир» («говорит»), во втором случае – за счет несмыслового слога «хм» также в конце строки. Заметим, что последняя строка песни также заканчивается словами «диир. Сеп?» («говорит. Верно?»). Дополнительное время музыкально не интонируется, информант переходит в разговорную речь. Внутри песни, помимо этих строк, четыре раза встречаются строки с дополнительной долей в конце, где певец берет дыхание (см. нотную запись в Приложении).

Сокращение фольклорного образца певцом при аудиозаписи – явление не редкое. Об этом, например, писал Э. Е. Алексеев в монографии «Фольклор в контексте современной культуры» [1988]. Это связано с временными регламентами, которые были вызваны техническими характеристиками аудиозаписывающих устройств доцифровой эпохи и попыткой «адаптировать» фольклор для представителя иной культуры. «Идя ему (собирателю. – С. М., А. Х.) навстречу, фольклорные музыканты могут, не задумываясь, пойти на “адаптацию” общеизвестных в их среде музыкальных образцов, что, как правило, совершенно исключается, когда они выступают перед аудиторией истинных ценителей и знатоков своего искусства» [Алексеев, 1988, с. 124.]. Проанализировав несколько реальных жизненных ситуаций, связанных с записью фольклора, исследователь приходит к выводу, что «чем ближе к реальным условиям, в которых фиксируется музыка, тем достовернее и ценнее получается запись» [Там же, с. 127]. Пожалуй, этот подход применим и к изданию ранее зафиксированных аудиозаписей. Исследовательская работа должна включать не только анализ непосредственно самого образца фольклора, но и особенностей фиксации. Данная информация поможет определить / понять: что же собой представляет образец? В каких условиях он записывался? Можно ли считать запись полностью аутентичной или ее следует воспринимать с оговорками?

Если задавать себе эти вопросы, то, на первый взгляд, ошибки исполнителя, а также технические паузы во время пения начинают восприниматься совсем в ином ключе. Становится понятно, что перед нами не законченное фольклористическое (концертное) исполнение песни Чулбука, а камерный «черновой» вариант для собирателя фольклора. Исходя из содержания образца и схожести его с песнями *туойсуу ырыата*, осмелимся предположить, что песни Чулбука исполнялись в камерной обстановке, не для широкого круга слушателей. Немаловажную роль в композиционной структуре играют паузы. Возможно, подобные паузы были характерны для традиционного исполнения: после каждой из них начинается следующая тирада с использованием нового звука для вертикальной аллитерации. Своего рода маркировкой завершения тирады могут служить «ошибки», за счет которых певец понимает, что он исчерпал потенциал вертикальной аллитерации. Так, при издании данного образца имеет смысл сохранить все паузы и ошибки, не вырезая их из трека и вербального и нотного текстов. Это позволяет адекватно оценить особенности записи образца, который является частью диалога информанта с фольклористом. Как пишет в вышеупомянутой книге Э. Е. Алексеев, «такой способ подачи народной музыки, близкий к так называемому радиofilmу, может оказаться оптимальной и даже единственной возможной формой, способной донести до слушателя грампластинки не только фольклорный материал, но и атмосферу его бытования» [Там же, с. 137].

Подача материала с ремарками исполнителя и собирателя отвечает также принципам и порядку подготовки томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Во-первых, это отражает «факт живого бытования фольклора», во-вторых, показывает «устойчивость и движение устной традиции», и в-третьих, текст представляется в более достоверном варианте, «без какого-либо “литературного редактирования”» [Принципы и порядок подготовки томов серии..., 2003, с. 3].

Заключение. Итак, в новом, третьем, варианте тома «Якутские народные песни» звуковые образцы, представляющие традиционный якутский песенный фольклор, подобраны из разных аудиокolleкций, собранных с 50-х гг. XX в. до начала XXI в. не только фольклористами-филологами, этномузыковедами, но и записанных в студийных условиях работниками радио. Все эти записи являются основой тома. В качестве сопоставительного материала будут привлекаться нотные расшифровки, введенные в научный оборот аудиозаписи, а также одна экспедиционная

запись без купюр. Кроме того, в томе будет представлен немалый объем рукописных текстов народных песен, «онемевших» на века, представляющих собой образцы песенной системы раннего периода времени. Этот пласт текстов народных песен, как допускают составители тома, исполнялся в рамках традиционной интонационной культуры народа, которая представлена звуковыми образцами.

Список литературы

- Алексеев Э. Е. Фольклор в контексте современной культуры. М.: Советский композитор, 1988. 237 с.
- Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 363 с.
- Кузьмина Е. Н. О ходе подготовки томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»: Очередные задачи, проблемы, пути их решения // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2013. № 1 (вып. 24). С. 56–59.
- Кузьмина Е. Н. Основные научные принципы публикации фольклорных произведений (на материале томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока») // Сибирский филологический журнал. 2017. № 1. С. 5–12.
- Кыыс Дэбилийэ: якутский героический эпос. Новосибирск: Наука, 1993. 330 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 4). (На якут. и рус. яз.).
- Ларионова А. С. Особенности полевых исследований в Якутии ведущего российского этномузыковеда Э. Е. Алексеева // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 5А. С. 280–287.
- Ларионова А. С., Халтанова А. Д. Якутская песенная традиция Мегино-Кангаласского улуса // Вестник музыкальной науки. 2019. № 2 (24). С. 91–103.
- Мухомлёва С. Д., Павлова Н. В. Личные песни в традиционной культуре народа саха (на материале фольклорной экспедиции 2002 г.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019. Т. 12, №3. С. 418–422.
- Обрядовая поэзия саха (якутов). Новосибирск: Наука, 2003. 512 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 24). (На якут. и рус. яз.).
- Ойунская С. П. Якутские народные песни и поэмы-тойуки // Якутские народные песни = Саха народнай ырыалара: В 4 ч. / Науч. ред. Н. В. Емельянов, П. Е. Ефремов. Якутск: Кн. изд-во, 1983. Ч. 4: Якутские народные поэмы-тойуки = Саха народнай тойуктар / Сост. С. П. Ойунская. С. 6–30. (На якут. и рус. яз.).
- Предания, легенды и мифы саха (якутов). Новосибирск: Наука, 1995. 400 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 9). (На якут. и рус. яз.).
- Принципы и порядок подготовки томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Новосибирск, 2003. 2-е изд., перераб. и доп. 21 с.
- Сагалаев К. А. Комплексный подход к публикации фольклора: опыт издания томов «Памятники фольклора народов // Сибирский филологический журнал. 2017. № 4. С. 18–28.
- Солдатова Г. Е. Музыкальные материалы к кетскому фольклорному тому // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 3. С. 52–54.
- Татаринова А. Д. Аудиоматериалы П. Е. Ефремова: к новым перспективам изучения фольклора коренных народов Якутии и Таймыра // Коренные народы Северо-Западной Якутии и Таймыра: фольклорное наследие и проблемы этнокультурной идентичности. Якутск: Изд-во ИГиИПМНС СО РАН, 2013. С. 23–26.
- Татаринова А. Д. Исследовательское творчество Э. Е. Алексеева и якутский круговой танец *оһуохай* // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2015. № 1 (вып. 28). С. 97–105.
- Якутские народные сказки. Новосибирск: Наука, 2008. 462 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 27). (На якут. и рус. яз.).
- Якутские народные песни = Саха народнай ырыалара: В 4 ч. / Науч. ред. Н. В. Емельянов, П. Е. Ефремов. Якутск: Кн. изд-во, 1976. Ч. 1: Песни о природе = Айылба туһунан ырыалар. 232 с.; 1977. Ч. 2: Песни о труде и быте = Улэ-хамнас, олох-дьаһах туһунан ырыалар / Изд. подгот. Г. У. Эргис и др. 421 с.; 1980. Ч. 3: Песни советского периода = Советскай кэмнээҕи ырыалар / Изд.

подгот. Г. У. Эргис и др. 296 с.; 1983. Ч. 4: Якутские народные поэмы-тойуки = Саха народнай тойуктар / Сост. С. П. Ойунская. 280 с. (На якут. и рус. яз.).

Якутский героический эпос «Могучий Эр Соготох». Новосибирск: Наука, 1996. 440 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 10). (На якут. и рус. яз.).

References

Alekseyev E. Ye. *Fol'klor v kontekste sovremennoy kul'tury* [Folklore in the context of modern culture]. Moscow, Sovetskiy kompozitor, 1988, 237 p. (In Russ.).

Assman Ya. *Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory. Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Moscow, LRC Publishing House, 2004, 363 p. (In Russ.).

“*Kyys Debiliye*”: *Yakutskiy geroicheskiy epos* [Kyys Debiliye: Yakut heroic epos]. Novosibirsk, Nauka, 1993, 330 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Fol'klora of the Peoples of Siberia and the Far East]. Vol. 4). (In Yakut, in Russ.).

Kuz'mina E. N. O khode podgotovki tomov serii “Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka”: Ocherednye zadachi, problemy, puti ikh resheniya [On the preparation of volumes of the series “Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East”: Immediate Tasks, Problems, Ways of Their Solution]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of the Indigenous Peoples of Siberia]. 2013, no. 1 (iss. 24), pp. 56–59. (In Russ.).

Kuz'mina E. N. Osnovnye nauchnye printsipy publikatsii fol'klornykh proizvedeniy (na materiale tomov serii “Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka”) [The main scientific principles of publication of folk texts (based on the series “Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East”)]. *Siberian Journal of Philology*. 2017, no. 1, pp. 5–12. (In Russ.).

Larionova A. S. Osobennosti polevykh issledovaniy v Yakutii vedushchego rossiyskogo etnomuzykoveda E. Ye. Alekseyeva [Features of field research of the leading Russian ethnomusicologist E. Ye. Alekseyev in Yakutia]. *Culture and Civilization*. 2017, vol. 7, no. 5A, pp. 280–287. (In Russ.).

Larionova A. S., Khaltanova A. D. Yakutskaya pesennaya traditsiya Megino-Kangalasskogo ulusa [Yakut song tradition of Megino-Kangalassky ulus]. *Journal of Musical Science*. 2019, no. 2 (24), pp. 91–103. (In Russ.).

Mukhopleva S. D., Pavlova N. V. Lichnye pesni v traditsionnoy kul'ture naroda sakha (na materiale fol'klornoy ekspeditsii 2002 g.) [Personal songs in the sakha traditional culture (by the material of 2002 folklore expedition)]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2019, vol. 12, no. 3, pp. 418–422. (In Russ.).

Obryadovaya poeziya sakha (yakutov) [Ritual poetry of Sakha (Yakuts)]. Novosibirsk, Nauka, 2003, 512 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Fol'klora of the Peoples of Siberia and the Far East. Vol. 24]). (In Russ.).

Oyunskaya S. P. Yakutskie narodnye pesni i poemy-toyuki [Yakut folk songs and poems-toyuki]. In: *Yakutskie narodnye pesni: V 4 ch.* [Yakut folk songs: In 4 pts]. Yakutsk, Yakut. Publ. House, 1976–1983. 1983, Pt. 4: *Yakutskie narodnye poemy-toyuki* [Yakut folk poems-toyuki]. S. P. Oyunskaya (Comp.). pp. 6–30. (In Yakut, in Russ.).

Predaniya, legendy i mify sakha (yakutov) [Historical legends and stories, legends and myths of Sakha (Yakuts)]. Novosibirsk, Nauka, 1995, 400 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Fol'klora of the Peoples of Siberia and the Far East]. Vol. 9). (In Yakut, in Russ.).

Printsipy i poryadok podgotovki tomov serii “Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka” [Approaches and the way of editing the volumes of the series “Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East”]. Novosibirsk, 2003, 2nd ed., 21 p. (In Russ.).

Sagalaev K. A. Kompleksnyy podkhod k publikatsii fol'klora: opyt izdaniya tomov “Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka” [An integrated approach to the publication of folklore: the experience of publishing the volumes of “Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East”]. *Siberian Journal of Philology*. 2017, no. 4, pp. 18–28. (In Russ.).

Soldatova G. E. Muzykal'nye materialy k ketskomu fol'klornomu tomu [Musical Materials in Addition to the Volume of the Ket folklore]. *Humanitarian sciences in Siberia*. 2007, no. 3, pp. 52–54. (In Russ.).

Tatarinova A. D. Audiomaterialy P. E. Efremova: k novym perspektivam izucheniya fol'klora korennykh narodov Yakutii i Taymyra [Audio materials of Efremov: to new perspectives on the study of folklore of the indigenous peoples of Yakutia and Taimyr]. In: *Korennyye narody Severo-Zapadnoy Yakutii i Taymyra: fol'klornoe nasledie i problemy etnokul'turnoy identichnosti* [Indigenous peoples of North-West Yakutia and Taimyr: folklore heritage and problems of ethnocultural identity]. Yakutsk, IHRISN SB RAS Publ. House, 2013, pp. 23–26. (In Russ.).

Tatarinova A. D. Issledovatel'skoe tvorchestvo E. Ye. Alekseyeva i yakutskiy krugovoy tanets ohuokhay [The scientific creative work of E. Ye. Alekseyev and the Yakut round dance ohuokhai]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of the Indigenous Peoples of Siberia]. 2015, no. 1, (iss. 28), pp. 97–105. (In Russ.).

Yakutskie narodnye skazki [Yakut folk tales]. Novosibirsk, Nauka, 2008, 462 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Fol'klora of the Peoples of Siberia and the Far East. Vol. 27]). (In Yakut, in Russ.).

Yakutskie narodnye pesni: V 4 ch. [Yakut folk songs: In 4 pts]. N. V. Emel'yanov, P. E. Efremov (Eds). Yakutsk, Yakut. Publ. House, 1976–1983. 1976, Pt. 1: Pesni o prirode [Songs about nature]. 232 p.; 1977, Pt. 2: Pesni o trude i byte [Songs about work and life]. G. U. Ergis et al. (Comps). 421 p.; 1980, Pt. 3: Pesni so-vetskogo perioda [Songs of the Soviet period]. G. U. Ergis et al. (Comps). 296 p.; 1983, Pt. 4: Yakutskie narodnye poemy-toyuki [Yakut folk poems-toyuki]. S. P. Oyunsкая (Comp.). 280 p. (In Yakut, in Russ.).

Yakutskiy geroicheskiy epos "Moguchiy Er Sogotokh" [Yakut heroic epos "Moguchiy Er Sogotokh"]. Novosibirsk, Nauka, 1996, 440 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Fol'klora of the Peoples of Siberia and the Far East]. Vol. 10). (In Yakut, in Russ.).

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
28.04.2020*

Приложение
Appendix

Песня Чулбука по пути к Варваре
Chulbuuk's song on the way to Varvara

Записала С. Д. Мухоплёва 21 ноября 2002 г. в с. Амга Амгинского улуса Республики Саха (Якутия). Исполнитель – Иван Николаевич Новиков, уроженец Эмиского наслега Амгинского улуса Республики Саха (Якутия). Нотная расшифровка А. Д. Халтановой.

1. Ү - рүҥ кү - нүм ан - ны - гар 3,6 с 2. Ү - рү - нүк - түүр тул - лу - гум 3,3 с

3. Ы - ҕай си - рим а - ҕа - ҕа(һ) 3,6 с 4. Ы - ры - ган - чай Бал - баа - ран 3,1 с

5. Ы - раах бы - дан дой - дут - тан 3,3 с 6. Ы - ны - рар - у - гу - йар буол - ла - ҕа. 3,6 с

7. Сор - буй - тар - бын да - ҕа - ны 3,3 с 8. [Т]Суох - туур - ах - тар а - хан дуо? 3,2 с

9. Со - [һ]ҕо - тох - чой до - ҕор - бор 3,8 с 10. Со - лоо - хун - наах суол ус - тун 3,4 с

11. Су - [х]һал - түр гэн сы ры - нан 3,5 с 12. Су - буур 4,3 с Со - но - ҕоч - чой чэап пы - нан

13. Су - бу - ру - тан соп - су - тан 3,1 с 14. Су - бу кэ - лэн о - ло - ро - бун, - диир. 3,3 с

Исполнитель говорит, что пропускает часть песни. Диалог с собирателем длится 4,8 с.

15. Ки - нээс то - йон са - ьат - тан 16. Ки - ризс - тээх - тээн э - бээ - бэр

17. Ки - хи - ха - ра буол-бу - тум. 18. Кэ - тэ - нээ-тиир до - ьор - бор

19. Кэм чэ [Чэ]Кэ-[чии]һии-ту-туу тиэ- нэм - мин 20. Тиэ тэ - йээх-тээн ис - тэ - ьим хм

Исполнитель снова пропускает часть песни. Диалог с собирателем длится 4,9 с.

21. А - йан суо - лун кы - ты - [тан]тын 22. Аач - ча - кыы-лаах даэ - бэ - тим

23. А-тыы-һыт Дьө-гүөр [оол]о- [оо]ло - [ьон]ьун 24. Ач - чы - гый-каан саас- пыт - тан

25. А - ры - гы - га тиис - пи - тим 26. Ай-даан бө-ьө-түн тар - пы - тым

27. Хаар-ты - ла - ры оон-ньоом - мун 28. Хар-чы - ла - ры сүүй-бү - түм, диир, сөп?

Сведения об авторах

Мухоплёва Светлана Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск, Россия)

E-mail: muhopleva@mail.ru

ORCID 0000-0001-8577-7239

Халтанова Александра Дмитриевна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории и теории музыки Высшей школы музыки Республики Саха (Якутия) (института) имени В. А. Босикова (Якутск, Россия)

E-mail: sasha.sakha@mail.ru

ORCID 0000-0002-9849-2503

Information about the Authors

Svetlana D. Mukhopleva – Candidate of Philology, Docent, Senior Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russian Federation)

E-mail: muhopleva@mail.ru

ORCID 0000-0001-8577-7239

Alexandra D. Khaltanova – Candidate of Art Studies, Associate Professor at the Department of history and theory of music, The Higher School of Music of the Republic of Sakha (Yakutia) (Institute) named after V. A. Bosikov (Yakutsk, Russian Federation)

E-mail: sasha.sakha@mail.ru

ORCID 0000-0002-9849-2503

УДК 398.8 (=512.157)
DOI 10.25205/2312-6337-2020-2-38-49

Традиционные формулы в якутских народных песнях, записанных С. И. Боло и А. А. Саввиным

Н. В. Павлова

*Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия*

Аннотация

В данной статье подвергаются анализу тексты семи песен, включенных в состав рукописи тома «Якутские народные песни», готовящейся для издания в многотомной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». При анализе текстов использовался принцип классификации традиционных формул народных сказок. В результате применения данной систематизации автором выявлено в каждой отдельной песне наличие формул инициальной и медиальной категорий. Помимо этого, автором определены некоторые специфические отличия формульного пласта якутских народных песен, зафиксированных исследователями С. И. Боло и А. А. Саввиным в 1937–1938 гг.

Ключевые слова

традиционные формулы, инициальные формулы, медиальные формулы, финальные формулы, якутские народные песни, якутские народные сказки.

Благодарности

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, грант 18-412-140012 «Подготовка корпуса текстов тома “Якутские народные песни” академической двуязычной серии “Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока”».

Для цитирования

Павлова Н. В. Традиционные формулы в якутских народных песнях, записанных С. И. Боло и А. А. Саввиным // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 2 (вып. 40). С. 38–49. DOI 10.25205/2312-6337-2020-2-38-49

Traditional formulas in Yakut folk songs recorded S. I. Bolo and A. A. Savvin

N. V. Pavlova

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the SB RAS, Yakutsk, Russian Federation

Abstract

The paper presents the results of the study of Yakut folk songs, with the principle of classification of traditional formulas of folk tales applied. The study focused on the songs included in the manuscript of the volume “Yakut folk songs” 2012 of the series “Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East”. The author draws several conclusions. All the songs under consideration contain some categories of medial formulas. Besides having the categories of medial formulas, the songs with their own plot contain some groups of initial formulas (“Song of the broom”, “Sippie”, “Ann with candy”). Three songs lack categories of initial formulas (“The song about cuckoo”, “The bull’s Song”, “The pedestrian’s Song”), all of them having only the categories of medial formulas. All these songs have the following medial formulas:

© Н. В. Павлова, 2020

formulas defining the characters' image, formulas describing the characters' actions, formulas included in the dialogue (typical characters' phrases). There are no categories of final formulas in these songs. While the categories of initial formulas in Yakut folk tales are used once, in folk songs, as in Olonkho, they can be repeated several times. Whereas the medial formulas in folk tales are found in the middle of the story, in folk songs, they can be found in all parts of the text.

Keywords

traditional formulas, initial formulas, medial formulas, final formulas, Yakut folk songs, Yakut folk tales

Acknowledgements

The work was supported by the grant of RFBR (Russian Foundation for Basic Research) 18-412-140012 r-a "Preparation of the body of texts of the volume "Yakut Folk Songs" of the academic bilingual series "Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East".

For citation

Pavlova N. V. Traditsionnye formuly v yakutskikh narodnykh pesnyakh, zapisannykh S. I. Bolo i A. A. Savvinym [Traditional formulas in Yakut folk songs recorded S. I. Bolo and A. A. Savvin]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2020, no. 2 (iss. 40), pp. 38–49. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2020-2-38-49

В серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (далее – Серия) было запланировано издание якутского фольклорного корпуса, состоящего из шести томов, в которых представлены крупные фольклорные жанры: героический эпос олонхо, сказки, обрядовая поэзия, несказочная проза, народные песни. К настоящему моменту опубликованы два тома олонхо: «Кыыс Дэбилийэ» (1993), «Могучий Эр Соготох» (1996, т. 10), а также «Предания, легенды и мифы саха (якутов)» (1995), «Обрядовая поэзия саха (якутов)» (2003, т. 24), «Якутские народные сказки» (2008, т. 27). Готовится к изданию том «Якутские народные песни», в состав которого вошли 125 песен. В 2012 г. рукопись тома была представлена в сектор фольклора народов Сибири – научно-координационный центр подготовки сибирской Серии, после рецензирования рукопись вернулась к авторскому коллективу для восполнения корпуса текстов недостающими материалами из коллекций фольклорно-этнографических экспедиций, специально проведенных на территории Якутии для подготовки томов Серии. В центре нашего исследовательского поля находятся семь песен из материалов С. И. Боло и А. А. Саввина, собранных во время Вилюйской экспедиции (1938) и в Чурапчинском улусе (1937). Эти песни включены в состав готовящегося тома, поэтому мы будем опираться на рукопись «Якутские народные песни» 2012 г. (далее сокращенно – ЯНП, 2012)¹. В данной статье мы рассмотрели наличие в этих семи песнях традиционных формул. В качестве эксперимента применили к текстам песен категории традиционных формул народных сказок, опираясь на известные работы [Рошияну, 1974; Алиева, 1986; Коровина, 2013; Горяева, 2011 и др.].

- Песня «Сипшир ырыата (Песня веника)» была записана А. А. Саввиным в 1937 г. от известного певца-олонхосута И. П. Кононова (Платонова)–Ырыа Ылдьаа, 62 лет, уроженца Чакырского наслега Чурапчинского района (ЯНП, 2012, № 39).

Текст песни состоит из 150 строк. Поется песня от первого лица – веника. Сюжет песни: в начале воспевается красивый кустарник, который растет, чтобы быть украшением земли (Там же, стк. 1–60), завязкой действия является приход мужчины саха, который ломает его и уносит домой (Там же, стк. 61–72); развитие действия – мужчина изготавливает веник (Там же, стк. 73–85); кульминация – старуха метет мусор в доме этим веником, страдание веника (Там же, стк. 86–129); развязка – господин повелевает домочадцам сжечь веник вместе с мусором (Там же, стк. 130–142); эпилог – веник вместе с мусором сжигают, причитание веника (Там же, стк. 143–150).

В этой песне мы обнаружили следующие категории инициальных и медиальных формул: 1) формулы, определяющие причину существования героя (ПС); 2) топографические формулы (ТФ) [Рошияну, 1974]; 3) формулы существования героя (ФС) [Коровина, 2013; Герасимова, 1978]; 4) формулы, опреде-

¹ К сожалению, автор переводов текстов семи песен из материалов С. И. Боло и А. А. Саввина неизвестен. В необходимых случаях мы уточнили перевод текстов и внесли коррективы в их оформление (в частности, все строки песен на русском языке даются с прописной буквы). В настоящее время работа по составлению тома продолжается; возможно, тексты некоторых песен будут заменены на другие.

ляющие образ персонажей (ОО) [Рошияну, 1974]; 5) формулы, определяющие действия персонажа (ДП) [Там же]; 6) формулы, входящие в диалог (типичные выражения персонажей) (Д) [Там же].

Приведем примеры из песни «*Сиппиир ырыата*» (ЯНП, 2012, № 39).

1. Формулы, определяющие причину существования героя (ПС):

«Сэттэ иилээх-сабалаах Сир ийэм Сибиكتэтин ситэрээри Сир дойду симэбин Ситэрдэбим диэн...» (стк. 1–5)	«Чтоб хвоей прибавить Семикрайней, семиободной Земли-матери, Украшениями землю Дополнить...» (стк. 1–5)
--	--

2. Топографические формулы (ТФ):

«...Сизги үрэх Сис добуунугар...» (стк. 6–7)	«...Травянистой речки На возвышенных берегах...» (стк. 6–7)
--	---

3. Формулы существования героя (ФС):

«...Ситэн сэргэйдэн олороохтоотум...» (стк. 9)	«...Созрев, раскинув ветки, поживал я...» (стк. 9)
«...ыарба буолан Айгыраан олодум...» (стк. 27–28)	«...Ерником называясь, Расстроившись, жил я...» (стк. 27–28)

4. Формулы, определяющие образ персонажей (ОО):

«...Абыр-табыр мутуктаах Айылгы унаар сэбирдэхтээх Адаар...» (стк. 25–26)	«...С редкими ветвями, С продолговатыми листьями, взерошенным...» (стк. 25–26)
«...Элээмэ этэрбэстээх, Илбикэй сутуруолаах, Иддьыккэй ырбаахылаах Эмэн эмээхсин дьахтар...» (стк. 86–89)	«...В стоптанных торбасах, В наколенниках из отрепья, В изодранном платье Старуха...» (стк. 86–89)

5. Формулы, определяющие действия персонажа (ДП):

«... Сиик хаһын түһэн Сиигирдэн, тонгорон баран, Сибилегин бэйэлээх сэбирдэхтин Сишинэй сипсир сипсир Сизэрэнсийэн-хаддарытан баран, Сиргэ-буорга Сиидэлээн кэбистэ...» (стк. 10–17)	«...Из-под светло-серого неба Влажные заморозки, выпав, Увлажнив и заморозив мои листья, От ветров сильных и бурных Поблекли и пожелтели, На землю Просеялись, словно через сито...» (стк. 10–17)
«...Арахпакка ардаан баран, Атыыр хаһын түһэн Айылгы сэбирдэхтин Арабастыта хагдарыптытын, Аймалбаннаах тыалым Арааран үүрэн кэбистэ...» (стк. 30–35)	«...Дожди, беспрестанно поливая, Заморозки сильные, выпадая, Родные мои листья Увянуть и пожелтеть заставили, Ветры беспокойные, Сорвав, [их] унесли прочь...» (стк. 30–35)

б. *Формулы, входящие в диалог (типичные выражения персонажей) (Д)*. Данная песня содержит много слов, причитаний, выражающих недовольство, боль и обиду:

«...Эгэлгэ мутугум элэйдэ –
Эрэйдэмминпин дии оҕолоор!»
(стк. 97–98)

«...Множество сучьев моих поистерлось –
О, как страдал же я, ребята!»
(стк. 97–98)

«...Абырбал төнгүргэс сиптиир буолан
Ааппыттан туоруурум кэлэн,
Аран суолга анаммытын диэн
Абатын эбитин!..»
(стк. 117–120)

«...Стать остатком веника из сухих сучьев,
Зная, что приходит черед,
На горькую судьбу жалуясь,
О, как досадовал (я)!..»
(стк. 117–120)

Песня содержит три категории инициальных формул (ПС + ТФ + ФС) и три категории медиальных формул (ОО + ДП + Д). Категории финальных формул, которые наличествуют в народных сказках, в этой песне отсутствуют. Структура песни выглядит следующим образом: начало (ПС + ФС + ОО), завязка действия (ОО + ДП + Д), развитие действия (ОО + ПД), кульминация (ОО + ДП + Д), развязка (ОО + ДП + Д), эпилог (ОО + ДП + Д). В песне особо доминируют две категории медиальных формул: формулы, определяющие образ персонажей (ОО), и формулы, входящие в диалог (типичные выражения персонажей) (Д).

- Песня «**Кэбэ ырыата (Песня про кукушку)**» была записана А. А. Саввиным в 1938 г. в Вилуйском районе от неизвестного лица (ЯНП, 2012, № 48). Текст и ноты песни были ранее уже изданы [ЯНП, 1976, с.180–183; Саха ырыаларын нуоталара, 1927, с. 6].

Объем песни составляет 45 строк. Песня была спета от третьего лица. Сюжетного действия не содержит: в ней восхваляется прекрасное пение кукушки в честь наступающего лета. Певец красиво описывает лето, солнце, кукушку. В описании наличествуют: 1) формулы, определяющие образ персонажей или описывающие принадлежащие им предметы (ОО) [Рошияну, 1974]; 2) формулы, входящие в диалог (типичные выражения отдельных сказочных персонажей) (Д) [Там же]. Помимо формул певец использует звукоподражательные слова (ЗС) «кук-куу», имитируя пение птицы.

Приведем примеры из песни «*Кэбэ ырыата*» (ЯНП, 2012, № 48) по указанным категориям формул.

1. *Формулы, определяющие образ персонажей или описывающие принадлежащие им предметы (ОО):*

«Кэлэбэйдиир куоластаах
Кэбэлиирэ кыыларым...»
(стк. 1–2)

«Прерывистым* голосом
Кукующая птица моя...»
(стк. 1–2)

*букв.: заикающимся

«...Күлүбүрдэс күннэрдээх,
Көңүлүктүүр олохтоох
Күөхтүүрүгэ сайыммыт...»
(стк. 10–12)

«...О ярко вспыхнувших днях,
О свободной жизни
Дарящего зелень лета...»
(стк. 10–12)

2. *Формулы, входящие в диалог (типичные выражения персонажей) (Д)*, в данном случае используются слова восхваления, восхищения:

«...Кэрэлиирэ сайыммыт
Кэлээхтиирин кэпсиирэ
Кэрэкэтин эбитин...»
(стк. 4–6)

«...О прекрасного лета
Наступлении рассказывает
До чего красиво...»
(стк. 4–6)

«...Күөгэлдьийэ олорон,
Күүгүнүүрэ күндүтүн...»
(стк. 14–15)

«...Плавно раскачиваясь,
Как прекрасно говорит...»
(стк. 14–15)

Песня вся состоит только из медиальных формул (ОО + Д + ЗС). ЗС «жук-куу!» повторяются трижды через каждые шесть строк. Категории инициальных и финальных формул отсутствуют. Песня богата формулами, описывающими образ персонажей (ОО), и формулами, входящими в диалог (Д).

- Песня «**Обус ырыата (Песня быка)**» записана С. И. Боло в 1938 г. в Быраканском наслеге Верхневилуйского района от Ф. И. Суханова, 55 лет. Исполнитель услышал эту песню от жителя наслега Оросу, олонхосута и певца того времени Кыннары Байыыла (ЯНП, 2012, № 61). Текст песни ранее был издан [ЯНП, 1977, с. 28–33].

Объем песни – 110 строк. Она была спета от первого лица – быка. Сюжет: в начале песни бык рассказывает о своем рождении и имени (ЯНП, 2012, № 61, стк. 1–9), завязкой действия является сообщение о том, как народ саха обуздал его (Там же, стк. 10–19), развитие действия – наступление зимы (Там же, стк. 20–26), кульминация – описание мучительной долгой и холодной зимы (Там же, стк. 27–57), развязка – наступление весны, пробуждение природы (Там же, стк. 58–97), эпилог – наступление лета, радость свободы, изобилие (Там же, стк. 98–110).

В песне мы обнаружили следующие категории формул: 1) формулы, описывающие образ персонажей или описывающие принадлежащие им предметы (ОО) [Рошияну, 1974]; 2) формулы, входящие в диалог (типичные выражения персонажей) (Д) [Там же]; 3) формулы, описывающие действия персонажей (ДП) [Там же]. Как и в предыдущей песне, певец использует звукоподражательные слова (ЗС), в этом случае песня завершается мычанием быка «моо-моо!».

Приведем примеры из песни «*Обус ырыата*» (ЯНП, 2012, № 61).

1. *Формулы, описывающие образ персонажей (ОО):*

«...Өнөр унуохтанан
Күүстээх көрүҥнээх,
Модьу боруодалаах
Дуулаба угус...»
(стк. 6–9)

«...Быстро в рост пошел,
На вид сильный,
Могучей породы,
Всемогущий силач-бык...»
(стк. 6–9)

«...Ньиччэбэй эттээх,
Икки харахтаах,
Игээльдүйэн хаамар икки атахтаах,
Салт-малт тыллаах саха омук...»
(стк. 10–13)

«...Но жидкой плотью обладающий,
с двумя глазами,
шатко ходящий, двуногий,
косноязычный якутский народ...»
(стк. 10–13)

2. *Формулы, входящие в диалог (типичные выражения персонажей) (Д).* В этой песне наличествует много междометий, которые выражают удивление, возмущение, испуг и т.д.

«...Үиэт татай!..»
(стк. 17)

«...О горе мне!..»
(стк. 17)

«...Аай-буу, оҕолоор!!!»
(стк. 92)

«...Ай же, ребятушки!!!»
(стк. 92)

«...Ала дуурай кыһын обургу
Аргыара алыһыан!..»
(стк. 33–34)

«...О, как сильно обдувая холодным ветром!..»
(стк. 34)

3. *Формулы, описывающие действия персонажа (ДП):*

«...Сибиз дьаарай систин сир кынна,
Ардьы буурай арбаспын ат кынна...»
(стк. 18–19)

«...Спину мою сделал местом для сиденья,
Хребет превратил в верхового коня...»
(стк. 18–19)

Таким образом, песня содержит категории медиальных формул (ОО + ДП + Д) и звукоподражательные слова (ЗС). Структура песни выглядит примерно так: начало (ОО + ДП), завязка (ОО + ДП + Д), развитие действия (Д + ОО + ДП), кульминация (ОО + Д + ДП), развязка действия (Д + ДП + ОО), эпилог (ОО + ДП + Д). Песня также особо изобилует формулами, описывающими образ персонажей

(ОО) и формулами, входящими в диалог (Д). Категории инициальных и финальных формул в этой песне нами не обнаружены.

- Песня «Сатыы киһи ырыата (Песня пешего)» была записана А. А. Саввиным в 1938 г. во II Ситтинском наслеге Кобяйского района от С. И. Иванова, 76 лет (ЯНП, 2012, № 64 (65)). Песня ранее была издана [ЯНП, 1977, № 64 (65), с. 204–209].

Объем составляет 46 строк. Была спета от первого лица – от имени обездоленного человека. Текст можно разделить на три части: начало – о наступлении времени тяжелого пути (ЯНП, 2012, № 64 (65), стк. 1–21)), вторая часть – о муках пешего путника, его причитания (Там же, стк. 22–33), третья часть – о несчастной доле бедняка (Там же, стк. 34–46).

Песня содержит следующие категории медиальных формул: 1) формулы, описывающие образ персонажей или описывающие принадлежащие им предметы (ОО) [Рошияну, 1974]; 2) формулы, входящие в диалог (типичные выражения отдельных сказочных персонажей) (Д) [Там же]; 3) формулы, описывающие действия персонажей (ДП) [Там же].

Приведем примеры из песни «Сатыы киһи ырыата» (ЯНП, 2012, № 64 (65)).

1. Формулы, описывающие образ персонажей или описывающие принадлежащие им предметы (ОО):

«Түүлээх айан суолун төргүүлэнэммин, Тобус токутардаах тойон суолун Тобукпунан тобуламмын, Абыс ангаалык таахайан суолун...» (стк. 1–4)	«Неся в тороках мохнатую проезжую дорогу, Большую дорогу с девятью изгибами Коленями своими пробивая, С восемью засохшими лиственницами проез- жую дорогу...» (стк. 1–4)
---	---

2. Формулы, входящие в диалог (типичные выражения отдельных сказочных персонажей) (Д). Песня характеризуется как плач несчастного обездоленного человека, поэтому содержит слова причитания, жалобу.

«...Оо, татай, оҕолор...» (стк. 24)	«...О, горе, ребята...» (стк. 24)
«...О, аһыахха ас көстүбэт, Танһыахха тангас көстүбэт...» (стк. 32–33)	«...О, нет еды, чтобы поесть, Нет одежды, чтобы одеться...» (стк. 32–33)

3. Формулы, описывающие действия персонажа (ДП):

«...Абыс ангаалыктаах айан суолун Атахпын анарыйаммын, Сэттэ эрдэбэстээх тэргэн суолун Дьылбэкпинэн тэлэйэммин...» (стк. 4–7)	«...С восемью засохшими лиственницами про- езжую дорогу Ногами своими проторяя, С семью изгибами главную дорогу Проторяя коленями...» (стк. 4–7)
«...Ити кыйаттаах аанһал Үөһэ олорон ойоҕолоон аастылар, Муус чомпо тайахтанан истэхтинэ...» (стк. 42–44)	«...Вот, на крылатых ангелах Сидя верхом, пронеслись мимо, Когда я шел, опираясь на заледеневшую трость...» (стк. 42–44)

Песня состоит только из категорий медиальных формул. Структура песни выглядит примерно так: первая часть (ОО + ДП), вторая часть (ДП + Д), третья часть (ДП + Д). Песня богата формулами, входящими в диалог (типичные выражения персонажей) (Д). Категории инициальных и финальных формул в этой песне отсутствуют.

- Песня «Сиппиэ» была записана А. А. Саввиным в 1938 г. в с. Тюбуй-Жархан Сунтарского района от С. А. Зверева, 38 лет (ЯНП, 2012, № 65 (66)). Текст песни нигде ранее не был опубликован.

Объем составляет 110 строк. В комментариях рукописи тома 2012 г. составители отметили следующее: «Жалобная песня человека, потерпевшего бедствие. Информатор, ссылаясь на старцев, сообщил, что песня когда-то была спета шестнадцатилетней девушкой-заикой, которая вышла к вилюйским якутам, спасаясь от “тунгусов”, перебивших якутов, живших у оз. Ессей. “Сиппиз” – звукоподражательное слово, по всей видимости, воспроизводящее всхлипывание» (Там же).

Песня была спета от первого лица, от имени девушки. Сюжет о судьбе девушки: начало – воспевается спокойная и счастливая жизнь девушки (Там же, стк. 1–44), в завязке действия сообщается, как ее раньше звали, и чья она была дочь (Там же, стк. 45–48), развитие действия – рассказ о жестоком убийстве ее семьи (Там же, стк. 49–67), кульминация – причитание, плач девушки (Там же, стк. 68–79), развязка – воспоминание о родной местности Ессей (Там же, стк. 80–104), эпилог – утверждение, что для девушки нет места красивее и лучше, чем Ессей (Там же, стк. 105–110).

Песня содержит следующие категории формул: 1) топографические формулы (ТФ) [Рошияну, 1974]; 2) формулы, описывающие образ персонажей или описывающие принадлежащие им предметы (ОО) [Там же]; 3) формулы существования (ФС) [Там же]; 4) формулы, входящие в диалог (типичные выражения отдельных сказочных персонажей) (Д) [Там же]; 5) формулы, описывающие действия персонажей (ДП) [Там же].

Приведем примеры из песни «Сиппиз» (ЯНП, 2012, № 65 (66)).

1. Топографические формулы (ТФ):

«Сиппиз, Сиппиз, Дьэһизэй, Дьэһизэй эбэкэм,
Сиппиз, Сиппиз, дьэнкир ыраас уутуттан,
Сиппиз, Сиппиз, сизэркиллэннэн
күөлүттэн...» (стк. 1–3)

«Сиппиз, Сиппиз, Ессей, Ессей, бабушка моя,
Сиппиз, Сиппиз, с кристально чистых вод,
Сиппиз, Сиппиз, с озера зеркального...» (стк. 1–3)

2. Формулы, описывающие образ персонажей или принадлежащие им предметы (ОО):

«...Сиппиз, Сиппиз, хара саарба аатырар,
Сиппиз, Сиппиз, халын хара тыатыгар...» (стк. 4–5)

«... Сиппиз, Сиппиз, [как] прославленный черный соболь,
Сиппиз, Сиппиз, в густом темном лесу...» (стк. 4–5)

«...Сиппиз, Сиппиз, адаар мураан муостар-
даах,
Сиппиз, Сиппиз, айгыр уһун атахтаах,
Сиппиз, Сиппиз, адаар алтан өгнөрдөөх
Сиппиз, Сиппиз, атыыр лөкөй атастаах
Сиппиз, Сиппиз, арнай хара талабар...» (стк. 22–26)

«...Сиппиз, Сиппиз, с раскидистыми рогами,
Сиппиз, Сиппиз, с длинными ногами,
Сиппиз, Сиппиз, с узором медного цвета,
Сиппиз, Сиппиз, с другом самца-лөкөй*,
Сиппиз, Сиппиз, ветвистом чернотале...» (стк. 22–26)
*лөкөй – матерый самец лося [БТСЯЯ, т. 6, с. 129]

3. Формулы существования (ФС):

«...Сиппиз, Сиппиз, халын хара тыатыгар
Сиппиз, Сиппиз, саһан сааран олобутум...» (стк. 5–6)

«...Сиппиз, Сиппиз, в густом темном лесу,
Сиппиз, Сиппиз, спрятавшись, боясь, жила я...» (стк. 5–6)

«...Сиппиз, Сиппиз, салгыннаахха таххыбак-
ка
Сиппиз, Сиппиз, саһан кыбыллан сыпты-
тым...» (стк. 43–44)

«... Сиппиз, Сиппиз, не выходя в ветреный день,
Сиппиз, Сиппиз, прячась, в тесноте лежала я...» (стк. 43–44)

4. Формулы, входящие в диалог (типичные выражения отдельных сказочных персонажей) (Д). Песня характеризуется как плач несчастного обездоленного человека, поэтому содержит слова причитания.

«...Сиппиэ, Сиппиэ, абалаах сатам эбитин!..»
(стк. 59)

«... Сиппиэ, Сиппиэ, о, какая досада, горечь!..»
(стк. 59)

«... Сиппиэ, Сиппиэ, ыйдаабар ордук мычальыйарыан!..»
(стк. 87)

«...Сиппиэ, Сиппиэ, как она улыбалась, лучше луны!..»
(стк. 87)

5. Формулы, описывающие действия персонажа (ДП):

«...Сиппиэ, Сиппиэ, аат аймабын уолаттара Сиппиэ, Сиппиэ, хара хааммытын табаардылар,
Сиппиэ, Сиппиэ, халыг тириибитин хайыттылар...»
(стк. 52–54)

«...Сиппиэ, Сиппиэ, сыны адского племени, Сиппиэ, Сиппиэ, выпустили нашу черную кровь,
Сиппиэ, Сиппиэ, распороли нашу толстую кожу...»
(стк. 52–54)

Структура песни выглядит следующим образом: начало (ТФ + ОО + ФС + ДП), завязка действия (ТФ + ФС), развитие действия (ОО + ДП + Д), кульминация (ДП + Д), развязка (ТФ + ДП + Д), эпилог (ТФ + ДП + Д). В этой песне присутствуют только категории инициальных и медиальных формул. Песня особо богата топографическими формулами (ТФ) и формулами, описывающими образ персонажей (ОО). Категории финальных формул в этой песне нами не обнаружены.

- Песня «Хампыттаах Аанка (Аанка с конфеткой)» была записана А. А. Саввиным в 1938 г. в Тогусском наслеге Вилюйского района от С. И. Еремеева, 74 лет (ЯНП, 2012, № 70 (71)). Текст песни нигде ранее не был опубликован.

Песня содержит 195 строк. Была исполнена от первого лица. Имеет сюжетную линию: начало – повествуется о том, как отец девушки Петр кормил, растил, баловал дочку, затем, когда ей исполнилось десять лет, стал руководить станцией (Там же, стк. 1–24), завязка действия – отец оформил девушку на станции поваром (Там же, стк. 25–41), развитие действия – девушку привозит на станцию, она осматривает местность, разные путники останавливаются, пристают к девушке (Там же, стк. 42–128), кульминация – начало разгульной жизни (Там же, стк. 129–189), развязка – девушка даже одежду не застегивает (Там же, стк. 190–193), эпилог – разгульная жизнь (Там же, стк. 194–195).

Песня содержит следующие категории формул: 1) топографические формулы (ТФ) [Рошияну, 1974]; 2) формулы, описывающие образ персонажей или описывающие принадлежащие им предметы (ОО) [Там же]; 3) формулы, входящие в диалог (типичные выражения отдельных сказочных персонажей) (Д) [Там же]; 4) формулы, описывающие действия персонажей (ДП) [Там же].

Приведем примеры из песни «Хампыттаах Аанка» (ЯНП, 2012, № 70 (71)).

1. Топографические формулы (ТП):

«...Эркин балабаныгар иштэн,
Туруору балабаныгар торолутан,
Сытыары балабаныгар сынньатан,
Ампаар дьэтигэр аттахтатан...»
(стк. 7–10)

«...Растущая в балагане со стенами,
Окрепнувшая в балагане из стоячих бревен,
Отдыхавшая в балагане из наклонно поставленных бревен,
Баловал в амбаре...»
(стк. 7–10)

2. Формулы, описывающие образ персонажей или описывающие принадлежащие им предметы (ОО):

«...Кырыы дьааһыктаах,
Кытаайыскай табаардаах,
Кыһыл көмүс харчылаах,
Кырааскалаах издэстээх,
Кылыылаах харахтаах
Кындыа мабан дьон...»
(стк. 68–73)

«...С крытыми санями,
С ящиками остроугольными,
С китайским товаром,
С золотыми монетами,
С нарумяненными щеками,
Со складками на веках,
Строптивные белые люди...»
(стк. 68–73)

3. *Формулы, входящие в диалог (типичные выражения отдельных сказочных персонажей) (Д):*

«...“Дьяамсыгы дьаһайыан,
Дьыэнсиги тэрийиэн”...»
(стк. 40–41)

«...“Будешь прибирать за ямщиком,
Снарядишь кучера”...»
(стк. 40–41)

«...Ээй, чуорту!...»
(стк. 129)

«...Эй, к черту!...»
(стк. 129)

4. *Формулы, описывающие действия персонажа (ДП):*

«...Мандар аҕам
Туордаах дьяамы
Тутан туораннаата,
Сүлүн дьяамы
Сүүрдэн сүөдэннээтэ,
Хоболоох дьяамын
Тутан куллурдаата...»
(стк. 16–22)

«...Отец мой Мандар,
Торговой станции
Став содержателем, начал ходить вальжно,
Узловой станции
Став кучером, начал ездить медленно,
Почтового тракта
Став зрителем, начал разглагольствовать...»
(стк. 16–22)

Структура песни выглядит так: начало (ДП + ТФ), завязка действия (ТФ + ДП + Д); развитие действия (ДП + ТФ + ОО), кульминация (Д + ДП + ОО), развязка (ДП), эпилог (ДП). Таким образом, в этой песне присутствуют некоторые категории инициальных и медиальных формул. Песня изобилует формулами, описывающими образы и действия персонажей (ОО и ДП). Категории финальных формул в этой песне также нет.

- Песня «**Эр киһи абаламмыта (Досада мужчины)**» была записана А. А. Саввиным в 1938 г. в Кыргыдайском наслеге Вилкойского района от С. Н. Каратаева, 77 лет (ЯНП, 2012, № 97 (98)). Текст песни ранее нигде не был опубликован.

Объем составляет 106 строк. Песня была исполнена от первого лица. Имеет свою сюжетную линию: начало – мужчина хочет узнать, что в действительности произошло, просит рассказать ему за вознаграждение (Там же, стк. 1–15), завязка действия – мужчина узнает, что его женщина встречается с сыном князя (Там же, стк. 16–45), развитие действия – женщина наряжается и уходит к сыну князя (Там же, стк. 46–80), кульминация – мужчина терзается от стыда и позора (Там же, стк. 81–92), развязка – мужчина желает отомстить (Там же, стк. 93–101), эпилог – плач и причитание мужчины (Там же, стк. 102–106).

Песня содержит следующие категории формул: 1) топографические формулы (ТФ) [Рошияну, 1974]; 2) формулы, описывающие образ персонажей или описывающие принадлежащие им предметы (ОО) [Там же]; 3) формулы, входящие в диалог (типичные выражения отдельных сказочных персонажей) (Д) [Там же]; 4) формулы, описывающие действия персонажей (ДП) [Там же].

Приведем примеры из песни «*Эр киһи абаламмыта*» (ЯНП, 2012, № 97 (98)).

1. *Топографические формулы (ТФ):*

«...Бөлгөм Бүлүү эбэкэм
Үрдүк сыырын...»
(стк. 3–4)

«...Почтенной моей реки Виллой,
По ее высокому обрыву...»
(стк. 3–4)

2. *Формулы, описывающие образ персонажей или описывающие принадлежащие им предметы (ОО):*

«...Устүүрүгэ бүүрүктээх,
Түөртүүрүгэ төбөлөөх...»
(стк. 1–2)

«...С тройной каймой,
С четырьмя руслами*...»
(стк. 1–2)

*букв.: с учетверенной головой

3. *Формулы, входящие в диалог (типичные выражения персонажей) (Д):*

«...Мэник-мэник кыргыттар Тугу-тугу бэлэтэтэллэр?..» (стк. 8–9)	«...Шаловливые-прешаловливые девушки Что там говорят?..» (стк. 8–9)
---	---

4. *Формулы, описывающие действия персонажа (ДП):*

«...Кэлин сулуутун Кэрэ аты кэккэлэптит...» (стк. 40–41)	«...Последний калым – Белую лошадь рядом к тем поставил...» (стк. 40–41)
--	--

Структура песни выглядит так: начало (ОО + ТФ + ДП + Д), завязка действия (ТФ + ДП); развитие действия (ОО + ДП), кульминация (ОО + ДП), развязка (ДП), эпилог (ДП + Д). В этой песне также присутствуют некоторые категории инициальных и медиальных формул. Песня богата формулами, описывающими действия персонажей (ДП). Категории финальных формул нет.

Итак, что нам показал данный эксперимент? Применяв классификацию традиционных формул народных сказок к песням, мы пришли к следующим выводам:

- Некоторые категории медиальных формул присутствуют во всех рассмотренных песнях.
- В песнях, у которых прослеживается свой собственный сюжет, помимо категорий медиальных формул наличествуют некоторые группы инициальных формул («*Сиптиир ырыата*», «*Сиптиэ*», «*Хампыаттаах Аанка*»): топографические формулы (ТФ), формулы существования (ФС) и формулы, указывающие причину существования персонажа (ПС).
- Категории инициальных формул отсутствуют в трех песнях («*Кэбэ ырыата*», «*Обус ырыата*», «*Сатыы киһи ырыата*»). Эти песни состоят только из категорий медиальных формул.
- Среди медиальных формул во всех этих песнях наличествуют: формулы, определяющие образ персонажей (ОО), формулы, описывающие действия персонажей (ДП), формулы, входящие в диалог (типичные выражения персонажей) (Д).
- Категории финальных формул в этих песнях нами не обнаружены.
- Если в якутских народных сказках категории инициальных формул используются один раз, то в народных песнях, как и в олонхо, они могут повторяться несколько раз.
- Если медиальные формулы в народных сказках присутствуют в середине произведения, то в народных песнях они могут находиться во всех частях текста (начало, завязка действия, развитие действия, кульминация, развязка и эпилог).

Список литературы и архивных источников

- Алиева А. И. Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. М.: Наука, 1986. 279 с.
- БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2009. Т. VI: (Буквы Л, М, Н). 519 с. (На якут. и рус. яз.).
- Герасимова Н. М. Формулы русской волшебной сказки (к проблеме стереотипности и вариативности традиционной культуры) // Советская этнография. 1978. № 5. С. 18–28.
- Горяева Б. Б. Калмыцкая волшебная сказка: сюжетный состав и поэтико-стилевая система. Элиста: Джангар, 2011. 128 с.
- Коровина Н. С. Типология взаимодействия коми и русских волшебных сказок (сюжетный состав, художественно-стилевая структура). Сыктывкар: Ин-т языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2013. 232 с.
- Саха ырыаларыннуоталара (Ноты якутских песен). М., 1927. 28 с. (На якут. яз.).
- Рошияну Н. Традиционные формулы сказки. М.: Наука, 1974. 216 с.
- Якутские народные сказки / Сост. В. В. Илларионов, Ю. Н. Дьяконова, С. Д. Мухоплёва и др. Новосибирск: Наука, 2008. 462 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 27). (На якут. и рус. яз.).

Якутские сказки = Саха остуоруйалара: В 2 т. Якутск: Кн. изд-во, 1964. Т. 1. 309 с.; 1967. Т. 2. 284 с. (На якут. и рус. яз.).

ЯНП, 1976 – Якутские народные песни = Саха народнай ырыалара: В 4 ч. / Науч. ред. Н. В. Емельянов, П. Е. Ефремов. Якутск: Кн. изд-во, 1976. Ч. 1: Песни о природе = Айылҕа туһунан ырыалар. 232 с. (На якут. и рус. яз.).

ЯНП, 1977 – Якутские народные песни = Саха народнай ырыалара: В 4 ч. / Науч. ред. Н. В. Емельянов, П. Е. Ефремов. Якутск: Кн. изд-во, 1977. Ч. 2: Песни о труде и быте = Үлэ-хамнас, олох-дьаһах туһунан ырыалар / Изд. подгот. Г. У. Эргис и др. 421 с. (На якут. и рус. яз.).

ЯНП, 2012 – Якутские народные песни. Рукопись. (Якутск,) 2012. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока) // Отдел фольклора и литературы ИГИИПМНС СО РАН. (На якут. и рус. яз.).

References

Alieva A. I. *Poetika i stil' volshebnykh skazok adygsikh narodov* [Poetics and style of magic fairy tales of Adyga peoples]. Moscow, Nauka, 1986, 279 p. (In Russ.).

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka: v 15 t. [Great explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vols.]. P. A. Sleptsov (Ed.). Novosibirsk, Nauka, 2009. Т. 4: (Bukvy L, M, N) [Vol. 4: (Letters L, M, N)]. 519 p. (In Yakut, in Russ.).

Gerasimova N. M. *Formuly russkoy volshebnoy skazki (k probleme stereotipnosti i variativnosti traditsionnoy kul'tury)* [Formula of the Russian magic fairy tale (to the problem of stereotype and variability of traditional culture)]. *Sovetskaya Etnografiya*. 1978, no. 5, pp. 18–28. (In Russ.).

Goryaeva B. B. *Kalmytskaya volshebnyaya skazka: syuzhetnyy sostav i poetiko-stilevaya sistema* [Kalmyck magic fairy tale: story composition and poetry-style system]. Elista, Dzhangar, 2011, 128 p. (In Russ.).

Korovina N. S. *Tipologiya vzaimodeystviya komi i russkikh volshebnykh skazok (syuzhetnyy sostav, khudozhestvenno-stilevaya struktura)* [Typology of interaction between Komi and Russian magic fairy tales (story composition, art and style structure)]. Syktyvkar, Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Centre UrD RAS, 2013, 232 p. (In Russ.).

Roshiyanu N. *Traditsionnye formuly skazki* [Traditional formulas of fairy tales]. Moscow, Nauka, 1974, 216 p. (In Russ.).

Sakha yryalarynuotalara (Noty yakutskikh pesen) [Notes of Yakut songs]. Moscow, 1927, 28 p. (In Yakut.).

Yakutskie narodnye pesni: V 4 ch. [Yakut folk songs: In 4 pts]. N. V. Emel'yanov, P. E. Efremov (Eds). Yakutsk, Yakut. Publ. House, 1976–1983. 1977, Pt. 2: *Pesni o trude i byte* [Songs about work and everyday life]. G. U. Ergis et al. (Comps). 421 p. (In Yakut, in Russ.).

Yakutskie narodnye pesni: V 4 ch. [Yakut folk songs: In 4 pts]. N. V. Emel'yanov, P. E. Efremov (Eds). Yakutsk, Yakut. Publ. House, 1976–1983. 1976, Pt. 1: *Pesni o prirode* [Songs about nature]. 232 p. (In Yakut, in Russ.).

Yakutskie narodnye pesni. Rukopis' [Yakut folk songs. Manuscript]. Yakutsk, 2012. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East]). Department of folklore and literature of Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North Russian Academy of Science Siberian Branch. (In Yakut, in Russ.).

Yakutskie narodnye skazki [Yakut national fairy tales]. Novosibirsk, Nauka, 2008, 462 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East]. Vol. 27). (In Yakut, in Russ.).

Yakutskie skazki [Yakut fairy tales]. Yakutsk, Yakut. Publ. House, 1964, vol. 1, 309 p.; 1967, vol. 2, 284 p. (In Yakut, in Russ.).

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
28.04.2020*

Сведения об авторе

Павлова Надежда Васильевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск, Россия)

E-mail: nadya.sanaaya@yandex.ru

ORCID 0000-0001-7481-7695

Information about the Author

Nadezhda V. Pavlova – Candidate of Philology, Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russian Federation)

E-mail: nadya.sanaaya@yandex.ru

ORCID 0000-0001-7481-7695

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР

УДК 398.8(=512)

DOI 10.25205/2312-6337-2020-2-50-62

Опыт систематизации фольклорных сюжетов о восхождении на священные горы (на материале фольклорной традиции кош-агачских теленгитов)

К. В. Яданова

*Управление территории традиционного природопользования и туризма
Кош-Агачского района Республики Алтай, с. Кош-Агач,
Республика Алтай, Россия*

Аннотация

В статье рассматриваются записанные автором в селах Кош-Агачского района Республики Алтай варианты и версии предания о потопе – *чайык* и устных рассказов о том, как люди поднимались на священные горы; а также описывается время и место совершения события в предании и устных рассказах. В приложении к данной статье приводится Указатель фольклорных сюжетов о восхождении на священные горы в их вариантах, версиях и контаминациях. Время совершения события в предании о потопе рассказчики относят к давнему прошлому, многие исполнители в своих повествованиях производят отсчет времени «после потопа». Время события в устных рассказах о том, как люди поднимались на священные горы, относится к недавнему прошлому. Рассказчик сам поднимался на вершину горы *ыйык* или это делал человек, хорошо знакомый ему.

Ключевые слова

предание о потопе – *чайык*, устные рассказы, священные горы – *ыйык*, указатель сюжетов и версий, теленгиты, алтайский фольклор, Кош-Агачский район, Республика Алтай

Для цитирования

Яданова К. В. Опыт систематизации фольклорных сюжетов о восхождении на священные горы (на материале фольклорной традиции кош-агачских теленгитов) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 2 (вып. 40). С. 50–62. DOI 10.25205/2312-6337-2020-2-50-62

Experience of systematization of folklore texts about climbing the sacred mountains (based on Kosh-Agach Telengit folklore tradition data)

K. V. Yadanova

*Department of Traditional Nature Use Territory and Tourism of Kosh-Agach District of Altai Republic,
Kosh-Agach village, Altai Republic, Russian Federation*

Abstract

The paper discusses the variants and versions of the legend about the flood – *chayik* and of the oral stories of how people climbed the sacred mountains, recorded by the author in the Kosh-Agach district of the Altai Republic. The time and place of the event in the legend and oral tales are also considered. The author provides the Index of plots and versions based on the Telengit folklore tradition on the topic: “The Sacred Mountains – *Iyik*”. The storytellers relate the time of the events in the legend to the distant past. Many performers count the time “after the flood” in their narratives. The people currently living in the Chui Valley are believed to be the descendants of those who survived the flood. In contrast to the legend about the flood – *chayik*, the time of the events in oral tales about how people climbed the sacred

© К. В. Яданова, 2020

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 2 (вып. 40)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2020. No. 2 (iss. 40)

mountains – *Iyik*, is related to the recent past. The narrator or a person well known to the narrator climbed to the top of a mountain – *Iyik*. The locale of the event in the legend of the *chayik* is the sacred mountain *Iyik* (*Iyik-Kokoru* / *Tepsen-Bash* / *Irbistu*). During the flood, people survived on the tops of the sacred mountains and left a *kazan* or fragments of a boat or a raft there. The Altai people traditionally believed the sacred mountains to be their defenders, saviors of human lives, and shelters during natural disasters, destructive wars, and raids.

Keywords

legend about the flood – *chayik*, oral stories, sacred mountains – *iyik*, plot and version index, Telengits, Altai folklore, Kosh-Agach district, Altai Republic

For citation

Yadanova K. V. Opyt sistematizatsii fol'klornykh syuzhetov o voskhozhdenii na svyashchennye gory (na materiale fol'klornoy traditsii kosh-agachskikh telengitov) [Experience of systematization of folklore texts about climbing the sacred mountains (based on Kosh-Agach Telengit folklore tradition data)]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2020, no. 2 (iss. 40), pp. 50–62. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2020-2-50-62

В 2004–2007, 2010, 2012 и 2017 гг. нами производился сбор фольклорных материалов среди теленгитов Кош-Агачского района Республики Алтай в селах Ташанта, Кокоря, Теленгит-Сортогой, Кош-Агач, Ортолык, Мухор-Тархата, Новый Бельтир, Бельтир, Чаган-Узун, Курай, Кызыл-Таш, Беляши (Джазатор). Наряду с другими фольклорными жанрами нам удалось записать предание о потопе – *чайык* (44 текста), устные рассказы о том, как люди поднимались на священные горы – *ыйык* (11 текстов). Запись образцов фольклорной традиции производилась на диктофон, расшифровка, перевод текстов с теленгитского диалекта алтайского языка на русский язык выполнены нами. Фольклорные материалы хранятся в личном архиве автора.

Предание о потопе бытует в селах Кош-Агачского района с основным сюжетным ядром: раньше во время потопа люди спаслись, поднявшись на священные горы (*Ыйык-Көкөрү*) (*Ыйык-Кёкёрю*) / *Ирбистү* (*Ирбисту*) / *Тепсен-Баш* (*Тепсен-Баш*)). На вершинах этих гор остались от того времени обломки плота / лодки и осколки казана / казан (см. «Указатель...» в Приложении 2).

Чайык болгон, [улустар] Көкөрүниң ыйыгында аргаданган теди не... Ыстүнде кошту жаан кара касан арткан неме теген. Көбөктөрдин ыйыгы. Эм бодогондо, эн ле бийик Көкөрүниң ыйык, ыстүнде де кошту жаан, элбек неме болбой ол. 'Был потоп, говорили, что [люди] спаслись на [горе] Ыйык-Кёкёрю. Рассказывали, что на вершине [горы] остался огромный черный казан. Так если подумать, то самая высокая [гора] – Ыйык-Кёкёрю, и на [ее] вершине, наверное, есть очень большое, широкое [место]' (текст № 7).

В некоторых повествованиях о потопе рассказчики поясняют, что один из жителей, поднявшись на вершину горы (во многих случаях в поисках скота / табуна лошадей или с целью обнаружить там казан / лодку), нашел обломки лодки / плота или осколки / часть казана (тексты № 37–42). В других устных рассказах: местные жители пытались подняться на вершину священной горы с намерением увидеть обломки плота / осколки казана, но, не достигнув цели, с половины пути возвращались назад (тексты № 20, 39, 40, 46). В двух текстах: школьники / один человек, поднявшись на вершину горы, ничего не нашли (тексты № 46, 47). В одной записи: люди принесли с вершины *ыйык* Тепсен-Баш *алты кулакту күлөр касан* 'бронзовый казан с шестью ушками' (текст № 42), в другой записи: спустили с горы лодку, сохранившуюся со времени потопа, и оказалась лодка в деревне Чаган-Узун¹ (текст № 43).

Например: *Ыйыктын башында касан туру деп туран сарлыкчылар. Бир дедушка сарлык таппай калала, Ыйыктын башында чыкканус дийт эки уулула. Чыкса, очокты тургусала, касан аскайон туру дийт. Касан бар дийт онын ыстүнде, ол белде. Бу ла бистин Ыйыктын башында касан бар дийт анда. Очокту касан бар, онын кийинде, онын жанында јөлкөйгөн мындый не таш бар дийт, јалбак, мындый кырлу.*

Ол касах киши кошту кайкап келген не: «Кудай! Бу Ыйыкка өлбөөн күнде чыктус адысты јединип! Бастра јердин ыстүнен сарлыкты таппай калала, сарлыкты көрөр деп чыгарыста, сарлык та көрүнбеди, касан туру» – деп түшүтү. Мындый ташы бар дийт не, ол ташта ангнын сүрү бар дийт.

¹ Чаган-Узун (*Чаган-Оозы*) – село в Кош-Агачском районе Республики Алтай.

‘Яководы рассказывали, что на вершине горы Ыйык² находится казан. Один дедушка рассказывал, что, не найдя яка, поднялся на вершину Ыйык вместе с двумя сыновьями. Поднялись, говорит, [а там] казан поставлен на очаг, [как будто] варится еда. Говорит, на ее вершине есть казан, на том хребте. На вершине этой же нашей [священной горы] Ыйык, говорит, там находится казан. [Там] есть казан с очагом, говорит, сзади [к очагу] прислонен такой широкий камень, имеющий такие грани.

Тот человек-казах³ пришел очень удивленный же: “*Кудай*⁴! На эту [гору] Ыйык взобрались кое-как, ведя коней на поводу, чуть не погибли! Не найдя яков – *сарлык* по всей земле, когда поднялись [на вершину Ыйык], чтобы посмотреть [нет ли там] яков, яков же не видно, а казан стоит”, – так говоря, спустился. Говорит, что есть [там] такой камень, на том камне [нарисован] образ дикого животного’ (текст № 38).

Священные горы Тепсен-Баш, Ыйык-Кёкёрю, Ирбисту и другие вершины высоких гор почитаются теленгитами с давних времен. Ыйык-Кёкёрю (алт. *кёк* – ‘синий, голубой’; древнетюрк. *кёк* – ‘небо; небесный’; алт. *өрө* – ‘верх, верхняя часть; высь’; *кёк өрө* – букв. ‘синий верх’ [Молчанова, 1979, с. 69, 231]⁵, ‘небесная высь’; по другой версии, ороним образован от *кёк өргө* (алт. *өргө* – ‘дворец, храм’) – букв. ‘синий дворец; небесный храм’) находится в 15 км на северо-восток от районного центра Кош-Агач; гора Ирбисту (алт. букв. ‘имеющий снежных барсов’ – *ирбис*) расположена на юго-западе от районного центра; *ыйык* Тепсен-Баш (алт. *тепсен* – котловина небольших размеров на склонах гор и вершинах [Там же, с. 308], алт. *баш* – букв. ‘голова; вершина’) – юго-западнее Кош-Агача.

Время события в предании о потопе – *чайык* рассказчики относят к мифологическому прошлому, ко времени потопа. Существует более поздняя версия предания: событие в этих текстах происходит во время «войны». К сожалению, рассказчики не смогли сказать, о какой именно войне идет речь. Например:

Тегинде жу болордо, Кёкөрүниң ыйыгында мындый «тай казан» деп казан болгон теди не. Анан анда улус арткан дийт жу болордо, көп улус... ‘Раньше, когда была война, говорили, что на [горе] Ыйык-Кёкёрю был такой тай казан⁶. Потом там, говорят, выжили люди во время войны, много людей...’ (текст № 24).

Большинство исполнителей в своих повествованиях производят отсчет времени от «после потопа»: считается, что люди, живущие ныне в Кош-Агачском районе, – это потомки людей, выживших после потопа. *Чайыктан арткан калык* ‘народ, оставшийся в живых после наводнения’ на вершинах священных гор с тех пор совершает обряд поклонения своим горам – спасителям:

*Алдында чайык болгон... Ол чайык та чыгарда, сан салжат, «Эржинелү Эре-Чуй, бис мындый жердин, мындый улустын калганус, артканус бу» – деп, ол үсе [ыйыктар] адал жат. Осоо улус оный үсе адал жат. Ол санды салган кийинде байрамдап жат... ‘Раньше был потоп... Когда случился потоп, тоже проводили обряд возжигания можжевельника – *сан*, говоря: «Священный Эре-Чуй⁷, мы из таких-то мест, из таких-то людей оставшиеся, выжившие [после потопа]», называли все священные горы. Раньше люди так ко всем [священным горам] обращались. После проведения обряда поклонения, праздновали...’* (текст № 48).

В традиционном представлении алтайцев священные горы – *ыйык* выступали защитниками – *куйак* народа, спасителями человеческих жизней и прибежищем во время несчастий, стихийных бедствий, разрушительных войн и набегов. Поэтому люди, живущие вблизи священных гор, возможно, не раз поднимались на вершину *ыйык*, спасаясь от бедствий. Исполнители сообщили нам,

² Ыйык – одно из названий священной горы Ыйык-Кёкёрю (алт. *Кёкөрүниң ыйыгы*). *Ыйык* (алт.) – букв. 1) священный, святой, почитаемый, посвященный духам-хозяевам; 2) священная гора; 3) священное животное, посвященное духам-хозяевам.

³ Здесь приводится буквальный перевод: *касах киши* ‘человек-казах’.

⁴ *Кудай* (алт.) – ‘Бог, божество, господь’. Здесь в значении: «О боже!»

⁵ Если отсутствует библиографическая ссылка, версия происхождения топонимов принадлежит автору статьи.

⁶ *Тай* (алт.) – ‘двухлетний жеребенок’; *тай казан* – большой казан, куда помещалась туша двухлетнего жеребенка.

⁷ Эре-Чуй – название Чуйской степи в Кош-Агачском районе Республики Алтай.

что на священные горы поднимаются мужчины и только в исключительных случаях; совершая обряд, они просят у духа-хозяина горы об исполнении своего заветного желания.

В отличие от предания о потопе, в устных рассказах о том, как люди поднимались на священную гору, время этого события относится к недавнему прошлому. Исполнитель либо сам поднимался на вершину горы, либо слышал повествование от хорошо знакомого человека (родственника, односельчанина), который совершил такой подъем.

Место свершения события в предании о потопе – священная гора: во время потопа люди спаслись на вершинах священных гор, оставили там казан / обломки лодки / плота. В 28 текстах предания местом свершения события выступает Ыйык-Кёкёрю (Эне-Ыйык). По одной из версий, люди спаслись на горе Ыйык-Кёкёрю во время потопа, по другой версии – во время войны (тексты № 23, 24). Большинство записей повествуют о том, что жители добрались до вершины Ыйык-Кёкёрю на лодке, только в одном предании – в казане (текст № 25).

Жители Чуйской долины называют гору Ыйык-Кёкёрю следующим образом: *Көкөрү-Башынын ыйыгы* ‘священная гора Кёкёрю-Башы’, *Көкөрү башы* ‘начало (исток) реки Кёкёрю’, *Ыйык* ‘Священная гора’, *Көкөрүнинг көк ыйыгы* ‘Синяя священная гора Кёкёрю’, *Эне-Ыйык* ‘Мать-Священная гора’, *көбөктөрдүн ыйыгы* ‘священная гора рода кёбёк’, *албатынын тынын алган жер* ‘место, сохранившее жизнь народу’, *калыктын тынын алган ыйык* ‘священная гора, сохранившая жизнь народу’, *албатынын тыны калган жер* ‘место, где народ выжил’, *ыйыктардын эн жааны* ‘самая значимая из священных гор.

Ыйык-Кёкёрю почитается не только родом кёбёк, но и всеми теленгитами Чуйской долины, к ней обращаются почтительно: *Эне-Ыйык* ‘Мать-Священная гора’. Местные жители представляют священную гору в образе женщины-матери, которая защищает народ, живущий в долине Эре-Чуй, от невзгод и напастей. При описании очертаний горы исполнители говорят о *канаттар* ‘крыльях’, которыми *Эне-Ыйык* обнимает и оберегает долину Эре-Чуй, об *эмчектер* ‘грудях’, которыми она вскармливает плодородные земли Чуйской долины (текст № 52).

В восьми текстах, записанных нами, говорится о том, что во время потопа люди выжили на вершине горы Тепсен-Баш, среди них в двух записях – жители воспользовались казаном вместо лодки, чтобы добраться до *ыйык*:

*Тепсен-Башты ла кошту «байлу жер» деп Чаган улусы осо аный байлайтан, «Тепсен-Башка чыгарым» – деп айтпас. Тепсен-Баштын башында кошту улус аргаданган, осо чайык тушунда улус чыккан не, тирү арткан неме ле дешикелен байлаглап жүртен... Осо улус аный куучындаштан... Касан, анда [Тепсен-Башта] кошту жаан касан бар, улустар ого отурала, кемелеп жүреерен неме дешикелен куучындашар. Касан арткалан дешер, салдалар бар неме дешкен. Оны эмди не баскойон неме болбой, мөңкүлөр немелер камык? ‘Люди Чагана⁸, о Тепсен-Баш говоря: «Очень святое место», так раньше ее почитали, не говорили: «Поднимусь на Тепсен-Баш». Люди спаслись на вершине [горы] Тепсен-Баш, ведь раньше во время потопа люди поднялись [на ее вершину], остались живы, так говоря, почитали... Раньше люди так рассказывали... Казан, там [на *ыйыке* Тепсен-Баш] есть огромный казан, люди, сев в него, управляя веслами, поплыли, так рассказывали. Говорили, что остался казан, говорили, что находятся [там] плоты. Теперь их, наверное, сковало льдом?» (текст № 32).*

На вопрос «Где находится Тепсен-Баш?» рассказчики отвечали: *Тепсен-Баш түкү Жаланаш ичинин ары башында туру* ‘Тепсен-Баш находится там, в начале долины [реки] Дьаланаш (Елангаш)’; *Жаланаш жаар* ‘в сторону Дьаланаш’; *Ол Жаланаштын ойык, жүрек учуш мындый кыр бар* ‘Это во впадине Дьаланаш, есть там такая гора, похожая на сердце’ (тексты № 6, 33).

Один рассказчик считает, что священная гора Тепсен-Баш, по сравнению с Ыйык-Кёкёрю, суровая: *Бу Көкөрүнинг ыйыгынан бу Тепсен-Баштын ыйыгы кату неме теди не, берjene ле барса, онын учун улус жүр полбос. Көкөрүнинг ыйыгы теен чөл не* ‘По сравнению с Ыйык-Кёкёрю *ыйык* Тепсен-Баш суровая, так ведь говорили, если подняться с этой стороны, поэтому люди там не могут находиться. На [вершине] Ыйык-Кёкёрю ведь [просторно], как в степи’ (текст № 49).

В трех записях исполнители лишь утверждают, что на горе Тепсен-Баш находится казан или обломки лодки / плота / детской люльки, о случившемся наводнении умалчивают (тексты № 37–39).

⁸ Чаган – краткое название с. Чаган-Узун (Чаган-Оозы) Кош-Агачского р-на Республики Алтай.

По другой версии, жители спаслись от потопа на вершине *ыйык* Ирбисту (один текст): *Түкү ооо чайык чыккан, жангыс улусты аргадаган жер ол «Ирбистүнинг ойык» деер. «Ол Ирбистүнинг ойыгын кырында касан бар, салдын сыныгы бар» – деп ооо аный куучындаш жадар. Оны мен кай[ы]н энемнен ук туртам улустын аргаданган жери ол деп. ‘Давно, раньше случился потоп, место, где люди спаслись, называют «Ирбисту ойык» (алт. *ойык* ‘впадина, низина’. – К. Я.). «В Ирбисту ойык находится казан, обломок плота», – так раньше рассказывали. Об этом я слышала от свекрови, что это место, где спаслись люди’ (текст № 33).*

Жители с. Ортолык поведали нам, что гора Ирбисту – священная гора рода кыпчак, так как с давних времен у подножия горы жили кыпчаки и совершали обряд – *такыган*: *Бу Ирбистүдийи, бу кыпчактардын. Ол бу бистинг жаандардын ол байлап, кошту такыган жери ол туру, кыпчактардын ыйыгы. Ол бу бистинг фамилия болгон киши ол, көдүрө эткен киши ол, Чолтуй деп киши эткен* [Гора] Ирбисту – кыпчаков. Наши предки поклонялись, совершали обряд почитания той местности. [Это] священная гора [рода] кыпчак. Это все совершал человек, от которого пошла наша фамилия, совершал [обряд] человек по имени Чолтуй’ (текст № 50).

В единичных записях жители утверждают, что на священной горе Тобошок находятся треснутый казан, обломки детской колыбели, осколки стрел, на вершине горы Балкаш имеются *касаннын оодыктары* ‘осколки от казана’, на горе Оргу-Тыт лежит *салдын жарыгы* ‘обломок от плота’, на священной горе Чийнелю остался от потопа *кереп* ‘корабль’ (тексты № 34–36, 44). Гора Тобошок (Тобожок)⁹ («алт. *төбөчөк* – маленькая вершина горы; маленькое возвышение; маленький холм, пригорок» [Молчанова, 1979, с. 313]) находится в окрестностях с. Кош-Агач, река Тобошок – правый приток реки Чуй (Чуя). Гора Балкаш (алт. букв. ‘грязь; глина’) расположена вблизи села Чаган-Узун, гора Оргу-Тыт («алт. *оргу тыт* – гладкая, ровная лиственница» [Там же, с. 273]) – на территории Курайского сельского поселения, гора Чийнелю (алт. *чейне* / *чийне* ‘Марьин корень’ или ‘пион уклоняющийся’; *чейнелү* / *чийнелү* ‘имеющий Марьины корни’) – на территории Джазаторского сельского поселения Кош-Агачского района Республики Алтай.

Таким образом, Ыйык-Кёкёрю / Эне-Ыйык почитается всеми жителями Кош-Агачского района, считается самой главной (*жаан*), значимой священной горой среди *ыйык’ов* Чуйской долины. Помимо Ыйык-Кёкёрю, теленгиты поклоняются близлежащим священным горам, которые находятся в окрестностях села, недалеко от пастбища, угодий. *Ыйык* Тепсен-Баш почитают жители сел Бельтир и Чаган-Узун, они называют эту гору *байлу тайга* / *кыр* ‘священная тайга / гора’, так как во время потопа люди выжили, поднявшись на ее вершину.

Ыйык Ирбисту почитается в основном жителями с. Ортолык и с. Мухор-Тархата: *Ирбистүдин ыйыгы кошту жаан ыйык жер, «Ирбистүнинг үч сүмер» – деп ыйыгын алканар. Байа албатыга быйанын берген* ‘Ыйык Ирбисту очень почитаемое священное место, «Трехглавая вершина Ирбисту» – так благословляют *ыйык*. [Священная гора – *ыйык* Ирбисту] посылает народу благодать – *быйан*’ (текст № 51).

Во время календарных празднеств: *Сары бұр* ‘Осенняя листва’, Нового года по восточному календарю – *Чага байрам*, весеннего празднества *Жажыл бұр* ‘Зеленая листва’ *алкышчы*¹⁰ проводит обряд возжигания можжевельника и ритуальной пищи – *сан салар*, произносит слова благопожеланий – *алкыш* и, обращаясь ко всем значимым духам-хозяевам священных гор Чуйской долины, призывает их, спрашивает у них для местных жителей здоровье, благополучие, достаток, мирную и счастливую жизнь.

Предания о построении людьми плотов / ковчегов и нахождении их после спада воды на высоких горах присутствуют у многих народов. Общеизвестны библейские сюжеты о всемирном потопе и Ноевом ковчеге, древние мифы о потопе [Топоров, 1980, с. 324–327; Гончарова, 2009, с. 138–143].

⁹ На географических картах и атласах гора Ыйык-Кёкёрю (*Кёкөрүнинг ыйыгы*) неправильно обозначена как «г. Табожок».

¹⁰ *Алкышчы* – человек, который произносит слова благопожелания – *алкыш* во время календарных и семейных обрядов.

В нашей записи имеется лишь один образец предания о потопе, несколько отличающийся содержанием от других текстов: охотник по имени Аду выжидал сурка у норы. Вдруг сурок заговорил, стал жаловаться кому-то на него. Охотник удивился, видит: небо открылось, виднеются там скот, *айлы*¹¹. Послышался голос: просит охотника возвращаться домой и строить плот. Просит известить людей о потопе. Охотник, вернувшись домой, строит плот. Через некоторое время сорок дней льет сильный дождь. Люди спасаются от потопа на горе Ыйык-Кёкёрю (текст № 53) [Яданова, 2013, с. 164–166].

Возможно, устные рассказы, предания о потопе являются отголосками воспоминаний о действительно произошедшем стихийном бедствии. Эти рассказы имеют местное происхождение, в них упоминаются известные топонимы. Геологи выяснили, что последнее оледенение в долинах Чуи и Катуня случилось 90-100 тыс. лет назад. Чуйская и Курайская котловины были покрыты ледниками, в результате суперпаводков или землетрясений происходили гигантские наводнения: ледяная плотина разрушалась, и вся накопившаяся вода сбрасывалась вниз в долину [Зольников и др., 2016, с. 1184–1197].

В Приложениях к данной статье приводим «Сведения о фольклорных текстах» и «Указатель фольклорных сюжетов о восхождении на священные горы в их вариантах, версиях и контаминациях (на материале фольклорной традиции кош-агачских теленгитов)».

В «Указателе...» первой арабской цифрой (1) обозначены сюжеты (сюжетные схемы), второй арабской цифрой (1.1) – их версии, после знака сюжета и версии (1.1) в скобках отмечены номера фольклорных текстов и маленькими буквами – их варианты (1.1(№ 1a)). Контаминации сюжетов обозначены нулем (0) и помещаются в зависимости от их отношения к конкретной версии. Например, индекс: 1.1(№ 19с)0. означает, что текст № 19 – вариант (с) версии 1 сюжета 1 «Во время потопа люди спаслись на вершинах священных гор» контаминируется с сюжетной частью, не имеющей отношения к данному сюжету.

При составлении указателя сюжетов о священных горах – *ыйык* и их версий по материалам теленгитской фольклорной традиции мы руководствовались опытом Ю. И. Смирнова, представленным в «Указателе сюжетов и версий восточнославянских баллад» [1988], принципами систематизации сюжетов мифологической прозы, разработанными Н. К. Козловой [2000; 2006] и принципами систематизации сюжетов заговорных текстов восточных и южных славян В. Л. Кляуса [1997]. Главные достоинства этих работ: открытость системы, которая позволяет каждый раз вводить новый материал, и рассмотрение сюжетов и версий фольклорных текстов в эволюционной последовательности.

Данное исследование может стать базой для составления каталогов и указателей сказочной прозы монгольских и тюркских народов. «Указатель...» носит рабочий характер и остается открытым для внесения новых материалов.

Список сокращений

алт. – алтайский	опубл. – опубликовано
букв. – буквально	РА – Республика Алтай
г.р. – год рождения	р-н – район
древнетюрк. – древнетюркский	см. – смотри
зап. – записала	

¹¹ *Аил* (*айыл*) – ‘жилище, юрта; дом’. *Кийис айыл* – ‘войлочная юрта’, *агаи айыл* – ‘деревянная юрта’.

Список литературы

- Гончарова А. А. Несказочная проза народов Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 2009. 183 с.
- Зольников И. Д., Деев Е. В., Котлер С. А., Русанов Г. Г., Назаров Д. В. Новые результаты осл-датирования четвертичных отложений долины верхней Катунь (Горный Алтай) и прилегающей территории // Геология и геофизика. 2016. Т. 57, № 6. С. 1184–1197.
- Кляус В. Л. Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян. М., 1997. 464 с.
- Козлова Н. К. Восточнославянские былички о змее и змеях: Мифический любовник. Омск, 2000. 260 с.
- Козлова Н. К. Восточнославянские мифологические рассказы о змеях. Систематика. Исследование. Тексты. Омск, 2006. 460 с.
- Молчанова О. Т. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979. 399 с.
- Смирнов Ю. И. Восточнославянские баллады и близкие им формы (Опыт указателя сюжетов и версий). М., 1988. 117 с.
- Топоров В. Н. Потоп // Мифы народов мира / Гл. ред. С. А. Токарев. М., 1980. Т. 2. С. 324–327.
- Яданова К. В. Предания, легенды, былички теленгитов долины Эре-Чуй. Горно-Алтайск, 2013. 256 с.

References

- Goncharova A. A. *Nesказочnaya proza narodov Kamchatki* [Non-fairy prose of the peoples of Kamchatka]. Petropavlovsk-Kamchatskiy, 2009, 183 p. (In Russ.).
- Klyaus V. L. *Ukazatel' syuzhetov i syuzhetnykh situatsiy zagovornykh tekstov vostochnykh i yuzhnykh slavyan* [Index of plots and plot situations of conspiracy texts of eastern and southern Slavs]. Moscow, 1997, 464 p. (In Russ.).
- Kozlova N. K. *Vostochnoslavjanskie bylichki o zmee i zmeyakh: Mificheskij lyubovnik* [East Slavic tales of a snake and snakes: Mythical lover]. Omsk, 2000, 260 p. (In Russ.).
- Kozlova N. K. *Vostochnoslavjanskie mifologicheskie rasskazy o zmeyakh. Sistematika. Issledovanie. Teksty* [East Slavic mythological tales of snakes. Systematics. Study. Texts]. Omsk, 2006, 460 p. (In Russ.).
- Molchanova O. T. *Toponimicheskij slovar' Gornogo Altaya* [Toponymic dictionary of Gorny Altai]. Gorno-Altaysk, 1979, 399 p. (In Russ.).
- Smirnov Yu. I. *Vostochnoslavjanskie ballady i blizkie im formy (Opyt ukazatelya syuzhetov i versiy)* [East Slavic ballads and forms close to them (Experience of the index of plots and versions)]. Moscow, 1988, 117 p. (In Russ.).
- Toporov V. N. Potop [Flood]. In: *Mify narodov mira* [Myths of the World]. S. A. Tokarev (Ed. in Ch.). Moscow, 1980, vol. 2, pp. 324–327. (In Russ.).
- Yadanova K. V. *Predaniya, legendy, bylichki telengitov doliny Ere-Chuy* [Oral stories, legends, true stories of the Telengits of the valley Ere-Chui]. Gorno-Altaysk, 2013, 256 p. (In Russ.).
- Zol'nikov I. D., Deev E. V., Kotler S. A., Rusanov G. G., Nazarov D. V. Novye rezul'taty osl-datirovaniya chetvertichnykh otlozheniy doliny verkhney Katuni (Gornyy Altay) i prilgayushchey territorii [New results of osl dating of quaternary sediments in the upper Katun' valley (Gorny Altai) and adjacent area]. *Russian Geology and Geophysics*. 2016, vol. 57, no. 6, pp. 1184–1197. (In Russ.).

Приложение 1 Appendix 1

Сведения о фольклорных текстах¹² Information about folklore texts

Текст № 1. Предание о потопе. Зап. К. В. Яданова 10 августа 2017 г. в с. Ортолык Кош-Агачского р-на РА от М. А. Турлуновой, 1932 г.р.

Текст № 2. Предание о потопе. Зап. К. В. Яданова в 2017 г. в с. Теленгит-Сортогой Кош-Агачского р-на РА от У. Мешкеевой, 1938 г.р.

Текст № 3. Предание о потопе. Зап. К. В. Яданова в августе 2017 г. в с. Ортолык Кош-Агачского р-на РА от С. П. Табылгиновой, 1931 г.р.

Текст № 4. Предание о потопе. Зап. К. В. Яданова в сентябре 2017 г. в с. Кокоря Кош-Агачского р-на РА от М. А. Самунова, 1945 г.р.

Текст № 5. Предание о потопе. Зап. К. В. Яданова в сентябре 2017 г. в с. Кокоря Кош-Агачского р-на РА от К. М. Мудаевой, 1947 г.р.

Текст № 6. Предание о потопе. Зап. К. В. Яданова в сентябре 2017 г. в с. Мухор-Тархата Кош-Агачского р-на РА от А. К. Намадяковой, 1940 г.р.

Текст № 7. Предание о потопе. Зап. К. В. Яданова 29 августа 2017 г. в с. Мухор-Тархата Кош-Агачского р-на РА от Т. К. Уреловой, 1963 г.р.

Текст № 8. Предание о потопе. Зап. К. В. Яданова в августе 2017 г. в с. Ортолык Кош-Агачского р-на РА от С. П. Табылгиновой, 1931 г.р.

Текст № 9. Предание о потопе. Зап. К. В. Яданова в сентябре 2004 г. в с. Мухор-Тархата Кош-Агачского р-на РА от С. В. Николаева, 1928 г.р. Опубл.: [Яданова, 2013, с. 76–77].

Текст № 10. Предание о потопе. Зап. К. В. Яданова 24 сентября 2005 г. в с. Ортолык Кош-Агачского р-на РА от Э. Тахановой, 1921 г.р.

Текст № 11. Предание о потопе. Зап. К. В. Яданова 6 сентября 2007 г. в с. Ортолык Кош-Агачского р-на РА от Э. Тахановой, 1921 г.р.

Текст № 12. Предание о потопе. Зап. К. В. Яданова в июле 2005 г. в с. Кокоря Кош-Агачского р-на РА от Д. Ч. Самунова, 1969 г.р.

Текст № 13. Предание о потопе. Зап. К. В. Яданова в июле 2004 г. в с. Ортолык Кош-Агачского р-на РА от Ч. А. Малчиновой, 1934 г.р.

Текст № 14. Предание о потопе. Зап. К. В. Яданова 19 сентября 2005 г. в с. Ортолык Кош-Агачского р-на РА от Ч. А. Малчиновой, 1934 г.р.

Текст № 15. Предание о потопе. Зап. К. В. Яданова 8 августа 2004 г. в с. Ортолык Кош-Агачского р-на РА от Ф. К. Кожутова, 1928 г.р.

Текст № 16. Предание о потопе. Зап. К. В. Яданова в сентябре 2004 г. в с. Мухор-Тархата Кош-Агачского р-на РА от Б. М. Найденовой, 1929 г.р.

Текст № 17. Предание о потопе. Зап. К. В. Яданова в августе 2004 г. в с. Ортолык Кош-Агачского р-на РА от М. В. Таханова, 1927 г.р.

Текст № 18. Предание о потопе. Зап. К. В. Яданова 13 июля 2003 г. в с. Ортолык Кош-Агачского р-на РА от В. Г. Яданова, 1955 г.р.

Текст № 19. Предание о потопе. Зап. К. В. Яданова 2 июля 2005 г. в с. Ортолык Кош-Агачского р-на РА от В. Г. Яданова, 1960 г.р.

Текст № 20. Предание «*Ненинг учун ол Эне-Ыйыкты өрө көдүр туран?*» – «Почему почитают Эне-Ыйык?»¹³ Зап. К. В. Яданова в октябре 2017 г. в с. Теленгит-Сортогой Кош-Агачского р-на РА от К. М. Самтаковой, 1946 г.р.

¹² Аудиозаписи и рукописи всех представленных в перечне фольклорных текстов хранятся в Личном архиве К. В. Ядановой. Текстовая расшифровка аудиозаписей и перевод текстов с алтайского языка выполнены К. В. Ядановой.

¹³ Здесь и далее приводятся названия фольклорных текстов, которые дали сами исполнители.

Текст № 21. Предание о потопе. Зап. К. В. Яданова в сентябре 2005 г. в с. Ортолык Кош-Агачского р-на РА от Ю. Н. Янганова, 1962 г.р.

Текст № 22. Предание о потопе. Зап. К. В. Яданова в октябре 2017 г. в с. Курай Кош-Агачского р-на РА от Т. В. Енчинова, 1937 г.р.

Текст № 23. Предание «*Јуу ойинде улус Көкөрүниң Ыйыгында аргаданган*» – «Во время войны люди спаслись на [горе] Ыйык-Кёкёрю». Зап. К. В. Яданова в августе 2017 г. в с. Ташанта Кош-Агачского р-на РА от С. Е. Конгуновой, 1969 г.р.

Текст № 24. Предание о священной горе Ыйык-Кёкёрю. Зап. К. В. Яданова в сентябре 2017 г. в с. Кокоря Кош-Агачского р-на РА от В. А. Ялбаковой, 1963 г.р.

Текст № 25. Предание «*Улус касанга отурала, Көкөрүниң Ыйыгына барган*» – «Люди, сев в казан, поплыли к Ыйык-Кёкёрю». Зап. К. В. Яданова в сентябре 2017 г. в с. Кокоря Кош-Агачского р-на РА от М. Уванчикова, г.р. не сказал.

Текст № 26. Предание о потопе. Зап. К. В. Яданова 31 августа 2017 г. в с. Чаган-Узун Кош-Агачского р-на РА от А. Адькиновой, 1932 г.р.

Текст № 27. Предание о потопе. Зап. К. В. Яданова 31 августа 2017 г. в с. Чаган-Узун Кош-Агачского р-на РА от Р. Тебековой, 1942 г.р.

Текст № 28. Предание о потопе. Зап. К. В. Яданова в октябре 2017 г. в с. Бельтир Кош-Агачского р-на РА от В. А. Сурунова, 1953 г.р.

Текст № 29. Предание о потопе. Зап. К. В. Яданова в сентябре 2017 г. в с. Бельтир Кош-Агачского р-на РА от З. Б. Абуловой, 1948 г.р.

Текст № 30. Предание о потопе. Зап. К. В. Яданова 30 сентября 2004 г. в с. Бельтир Кош-Агачского р-на РА от Ч. Абуловой, 1918 г.р.

Текст № 31. Предание о потопе. Зап. К. В. Яданова 8 сентября 2007 г. в с. Чаган-Узун Кош-Агачского р-на РА от Д. Ундулгановой, 1926 г.р.

Текст № 32. Предание «*Тепсен-Баш*» – «Тепсен-Баш». Зап. К. В. Яданова в сентябре 2017 г. в с. Чаган-Узун Кош-Агачского р-на РА от В. С. Ундулганова, 1956 г.р.

Текст № 33. Предание о потопе. Зап. К. В. Яданова в июле 2017 г. в с. Ортолык Кош-Агачского р-на РА от Д. Т. Тайленкуновой, 1948 г.р.

Текст № 34. Предание о потопе. Зап. К. В. Яданова в сентябре 2004 г. в с. Чаган-Узун Кош-Агачского р-на РА от С. Д. Саблакова, 1930 г.р.

Текст № 35. Предание о потопе. Зап. К. В. Яданова 1 сентября 2017 г. в с. Курай Кош-Агачского р-на РА от А. В. Эдешева, 1954 г.р.

Текст № 36. Предание о потопе. Зап. К. В. Яданова в сентябре 2017 г. в с. Беляши Кош-Агачского р-на РА от Ч. Кеберековой, 1937 г.р.

Текст № 37. Устный рассказ о восхождении на священную гору Ыйык-Кёкёрю. Зап. К. В. Яданова в сентябре 2004 г. в с. Мухор-Тархата Кош-Агачского р-на РА от И. Т. Эрмеева, 1940 г.р.

Текст № 38. Устный рассказ о восхождении на священную гору Ыйык-Кёкёрю. Зап. К. В. Яданова в сентябре 2017 г. в с. Теленгит-Сортогой Кош-Агачского р-на РА от Т. Лепетовой, 1930 г.р.

Текст № 39. Устный рассказ о восхождении на священную гору. Зап. К. В. Яданова в сентябре 2017 г. в с. Ортолык Кош-Агачского р-на РА от О. А. Пушкуновой, 1964 г.р.

Текст № 40. Устный рассказ о том, как рассказчик поднимался на священную гору Ыйык-Кёкёрю. Зап. К. В. Яданова 27 сентября 2017 г. в с. Теленгит-Сортогой Кош-Агачского р-на РА от Д. Т. Балычинова, 1944 г.р.

Текст № 41. Устный рассказ о том, как дети поднимались на священную гору Тепсен-Баш. Зап. К. В. Яданова 30 сентября 2004 г. в с. Бельтир Кош-Агачского р-на РА от Д. Т. Абуловой, 1932 г.р.

Текст № 42. Устный рассказ о том, как жители поднимались на священную гору Тепсен-Баш. Зап. К. В. Яданова 8 сентября 2007 г. в с. Чаган-Узун Кош-Агачского р-на РА от Д. Ундулгановой, 1926 г.р.

Текст № 43. Устный рассказ «*Чайык болордо улустын тынын алкалан кеме*» – «Лодка, спасающая людей во время потопа». Зап. К. В. Яданова в сентябре 2004 г. в с. Чаган-Узун Кош-Агачского р-на РА от Б. С. Тахановой, 1922 г.р.

Текст № 44. Устный рассказ о том, как охотники поднимались на священную гору Оргу-Тыт. Зап.

К. В. Яданова в сентябре 2017 г. в с. Кызыл-Таш Курайского сельского поселения Кош-Агачского р-на РА от А. М. Элдепова, 1959 г.р.

Текст № 45. Устный рассказ о восхождении на священную гору Ыйык-Кёкёрю. Зап. К. В. Яданова в сентябре 2017 г. в с. Теленгит-Сортогой Кош-Агачского р-на РА от К. Ч. Тахановой, 1933 г.р.

Текст № 46. Устный рассказ о восхождении на священную гору Чийнелю. Зап. К. В. Яданова в сентябре 2017 г. в с. Беляши Кош-Агачского р-на РА от Ч. Кеберековой, 1937 г.р.

Текст № 47. Устный рассказ о том, как Сайламды поднимался на священную гору. Зап. К. В. Яданова в августе 2004 г. в с. Ортолык Кош-Агачского р-на РА от М. В. Таханова, 1927 г.р.

Текст № 48. Устный рассказ о священных горах. Зап. К. В. Яданова 4 августа 2017 г. в с. Бельтир Кош-Агачского р-на РА от З. У. Тудуевой, 1921 г.р.

Текст № 49. Устный рассказ о священных горах. Зап. К. В. Яданова в сентябре 2017 г. в с. Чаган-Узун Кош-Агачского р-на РА от С. Тугуровой, 1933 г.р.

Текст № 50. Устный рассказ о священной горе Ирбисту. Зап. К. В. Яданова 20 сентября 2005 г. в с. Ортолык Кош-Агачского р-на РА от В. Челтуева, 1968 г.р.

Текст № 51. Устный рассказ о священной горе Ирбисту. Зап. К. В. Яданова в августе 2017 г. в с. Ортолык Кош-Агачского р-на РА от С. П. Табылгиновой, 1931 г.р.

Текст № 52. Устный рассказ о священной горе Ыйык-Кёкёрю. Зап. К. В. Яданова 27 сентября 2017 г. в с. Теленгит-Сортогой Кош-Агачского р-на РА от Д. Т. Балыкчинова, 1944 г.р.

Текст № 53. Предание «*Чайык керегинде кеп-куучын*» – «Предание о потопе – *чайык*». Зап. К. В. Яданова 23 сентября 2005 г. в с. Ортолык Кош-Агачского р-на РА от А. С. Тебекова, 1948 г.р. Опул.: [Яданова, 2013, с. 164–166].

Приложение 2 Appendix 2

Указатель фольклорных сюжетов о восхождении на священные горы в их вариантах, версиях и контаминациях (на материале фольклорной традиции кош-агачских теленгитов)

Index of folklore plots about climbing sacred mountains in their variants, versions, and connotations (based on Kosh-Agach Telengit folklore tradition data)

1. Во время потопа люди спаслись на вершинах священных гор

Раньше во время потопа люди спаслись, поднявшись на священные горы. На вершинах этих гор остались от того времени обломки плота / лодки и осколки казана / казан.

1.1. Во время потопа местные жители спаслись на вершине горы Ыйык-Кёкёрю, оставили там казан / лодку / плот.

Варианты: 1.1(№ 1а) – 1.1(№ 22ф).

1.1(№ 19с)0. Предание о потопе (1.1(№ 19с)) + (0) топонимическое предание о местности Балакан (в той местности утонул ребенок – *бала аккан*, отсюда название).

1.1(№ 20т)0. Предание о потопе (1.1(№ 20т)) + (0) устный рассказ о том, как жители поднимались на Ыйык-Кёкёрю; из-за сильного ветра не смогли добраться до вершины (см. 2.0.2.1(№ 20б)).

1.1(№ 21у). Люди спаслись от потопа на священной горе Ирбисту и Ыйык-Кёкёрю; на вершинах этих гор остались части казана.

1.1(№ 22ф). Во время потопа люди спаслись на вершине священной горы; на горах Ыйык-Кёкёрю и Тепсен-Баш находятся лодки.

1.1.1. Во время войны люди спаслись на вершине горы Ыйык-Кёкёрю.

Во время войны люди спаслись на вершине горы Ыйык-Кёкёрю; на вершине той горы находится огромный казан, в котором они готовили еду (тексты: 1.1.1(№ 23а) – 1.1.1(№ 24б)).

1.1.2. Во время наводнения люди, сев в казан, добрались до вершины горы Ыйык-Кёкёрю (1.1.2(№ 25а)). Ср. 1.2.1(№ 31а) – 1.2.1(№ 32б).

1.2. Во время потопа люди спаслись на вершине горы Тепсен-Баш; оставили там казан / лодку / плот / детскую колыбель.

Варианты: 1.2(№ 26а) – 1.2(№ 30д). (См. 1.1(№ 22ф) – лодка находится на горе Ыйык-Кёкёрю и Тепсен-Баш).

1.2.1. Во время потопа люди, сев в огромный казан, поплыли к вершине горы Тепсен-Баш; там нашли убежище от потопа. (Казан, плоты остались на вершине горы.)

1.2.1(№ 31а) – 1.2.1(№ 32б). Люди в казане добрались до вершины горы Тепсен-Баш. Ср. 1.1.2(№ 25а).

1.3. Во время потопа люди спаслись на горе Ирбисту, там находятся казан, плот, оставшиеся со времен потопа.

1.3(№ 33а), (см. 1.1(№ 21у). Люди спаслись от потопа на горе Ыйык-Кёкёрю и Ирбисту.

1.4. На священной горе Тобошок находятся треснутый казан, обломки детской колыбели, осколки стрел, оставшиеся со времен потопа (1.4(№ 34а)).

1.5. Во время потопа люди спаслись на вершине горы Балкаш; на вершине горы остался треснутый казан (1.5(№ 35а)).

1.6. Во время потопа люди спаслись на вершине горы Чийнелю, их судно (*кереп*)¹⁴ осталось там (1.6(№ 36а)).

2. Люди поднимались на священную гору

Люди поднимались на священную гору в поисках скота / чтобы увидеть казан / лодку, оставшуюся от потопа; (добравшись до вершины, обнаружили казан / лодку) / (не дошли до вершины) / (дойдя до вершины горы, ничего не нашли).

2.1. Люди находили предметы, сохранившиеся со времени потопа, на священных горах

Люди, поднявшись на вершину священной горы, нашли обломки плота / лодки / осколки / часть казана, оставшиеся со времени потопа.

2.1.1. Люди нашли казан / лодку на священной горе Ыйык-Кёкёрю.

Жители, поднявшись на вершину священной горы Ыйык-Кёкёрю, нашли обломки плота / лодки / осколки / часть казана, оставшиеся со времени потопа.

2.1.1(№ 37а). Человек по имени Сексен¹⁵ поднимался на вершину горы Ыйык-Кёкёрю, обнаружил там обломок огромного бронзового казана, часть лодки, которая сохранилась со времени потопа.

2.1.1(№ 38б). Яководы поднялись на вершину горы Ыйык в поисках яков и увидели казан, поставленный на очаг, здесь же лежал камень, на котором нарисован образ дикого животного.

2.1.1(№ 39в). Первая часть текста № 39: отец рассказчицы в детстве вместе с другими ребятами поднялся на Ыйык-Кёкёрю; на вершине горы обнаружил казан, лодку + вторая часть рассказа (рассказчица вместе с другими школьниками пыталась подняться на вершину Ыйык-Кёкёрю, «чтобы посмотреть»; добрались только до середины горы и спустились назад. См. 2.2.1(№ 39в)).

2.1.1(№ 40г).0. Вторая часть текста № 40: рассказчик весной охотился на волка, совершив обряд кропления духу-хозяина горы Ыйык-Кёкёрю, поднялся на Ыйык; достигнув вершины, увидел вросший в землю казан.

(В первой части: рассказчик в поисках яков поднимался на Ыйык (Ыйык-Кёкёрю), приблизившись к самой вершине, «почувствовал какие-то сигналы», спустился обратно (см. 2.2.1(№ 40г).0) + (0) третья часть: контаминированный сюжет о потопае. (На вопрос собирателя рассказчик приводит сюжет о потопае.)

2.1.2. Жители нашли казан / лодку на вершине горы Тепсен-Баш.

Один из местных жителей, поднявшись на вершину священной горы Тепсен-Баш, нашел там обломки плота / лодки / осколки / часть казана, оставшиеся со времен потопа.

¹⁴ *Кереп* (алт.) – «большое морское судно»; в фольклорном тексте, очевидно, имеется в виду ковчег.

¹⁵ Сексен – алт. *сегсен* ‘восемьдесят’.

2.1.2(№ 41а). Мальчики без разрешения родителей взобрались на вершину священной горы Тепсен-Баш и обнаружили обломки лодки. Вернувшись домой, они были наказаны родителями за то, что «просто так поднимались на священную гору».

2.1.2.1. Люди принесли домой казан с вершины горы Тепсен-Баш.

2.1.2.1(№ 42а) Раньше на вершину горы Тепсен-Баш поднимались человек по имени Тандын, человек по имени Бордын; нашли там куски ремня, обрезки кожи, куски дерева, огромный казан с двенадцатью ушками, казан с шестью ушками. Казан с шестью ушками принесли домой и готовили в нем молочную водку – *аракы*. Как-то не поделили между собой казан, «тогда один человек по имени Кугей унес [казан] и закопал, так и не сказал в каком месте».

2.1.2.2. Жители спустили лодку с горы Тепсен-Баш.

2.0.1.2.2(№ 43а) – (0) В начале текста рассказывается предание о потопе: «Раньше, когда в долине [реки] Чуя, на всей земле случился потоп, говорят, люди, плавая на лодке, добрались до [вершины] священной горы Тепсен-Баш, остались там [живы]».

+ (2.)1.2.2(№ 43а) Далее следует повествование о лодке, оставшейся после потопа: когда начали создаваться колхозы, жители спустили лодку с вершины горы Тепсен-Баш, и оказалась она в деревне Чаган-Узун. По словам рассказчицы, находилась она там и во время Великой Отечественной войны. Учителя показывали школьникам лодку, «спасшую людей во время потопа».

2.1.3. Жители поднялись на вершину горы Оргу-Тыт и обнаружили обломки плота / обломки казана.

2.1.3(№ 44а). Отец рассказывал Дьибреш о том, как они, охотясь на самку каменного козла – *дьунма*, поднялись на вершину горы Оргу-Тыт и обнаружили там прогнившие обломки плота – *сал*, обломки казана. «Говорят, что это место, где народ спасся во время потопа».

2.2. Человек не достиг вершины горы.

Рассказчик или один из местных жителей пытался подняться на вершину священной горы в поисках скота / с намерением увидеть плот / лодку / казан; не добравшись до вершины горы, спустился обратно.

2.2.1. Жители поднимались на Ыйык-Кёкёрю, не достигнув вершины горы, спустились обратно.

2.2.1(№ 45а). Парень по имени Дьура¹⁶ поднимался на Ыйык (Ыйык-Кёкёрю), чтобы увидеть казан, оставленный человеком во времена потопа; когда осталось до вершины совсем мало, подул ветер, Дьура, не достигнув цели, спустился обратно.

2.0.2.1(№ 20б) – (0) первая часть: предание о потопе (см. 1.1(№ 20г)0) + (2).2.1(№ 20б) вторая часть: родители учениц рассказчицы¹⁷ поднимались на Ыйык-Кёкёрю; когда они достигли половины горы, подул сильный ветер, так и не смогли добраться до вершины горы.

2.2.1(№ 39в). Вторая часть текста № 39: исполнительница вместе с другими школьниками пыталась подняться на вершину Ыйык-Кёкёрю, «чтобы посмотреть»; добрались только до середины горы и спустились назад.

(В первой части текста: отец рассказчицы в детстве вместе с другими ребятами поднялся на Ыйык-Кёкёрю; на вершине горы обнаружил: казан, лодку. См. 2.1.1(№ 39в)).

2.2.1(№ 40г).0. Первая часть текста № 40: рассказчик в поисках яков, поднимался на Ыйык (Ыйык-Кёкёрю), приблизившись к самой вершине, «почувствовал какие-то сигналы», спустился обратно.

(Во второй части: исполнитель весной, когда охотился на волка, совершил обряд кропления духу-хозяина горы Ыйык-Кёкёрю и поднялся на Ыйык, достигнув вершины, увидел вросший в землю казан (см. 2.1.1(№ 40г).0) + (0) третья часть: контаминированный сюжет о потопе. (На вопрос собирателя рассказчик приводит сюжет о потопе).

2.2.2. Один из жителей поднимался на вершину горы Чийнелю не достигнув вершины, спустился назад.

2.2.2(№ 46а). Вторая часть текста № 46: рассказчица в детстве поднималась с ребятами на гору Чийнелю с целью увидеть судно – *кереп*, оставшееся от потопа; не дойдя до вершины горы, спустились обратно.

¹⁶ Дьура (*Жура*) – от русского имени «Юра».

¹⁷ Рассказчица много лет проработала учительницей в сельской школе.

(В первой части: мать рассказчицы во время учебы в школе вместе со школьниками поднималась на вершину горы Чийнелю, чтобы увидеть судно – *кереп*, добравшись до вершины, ничего не обнаружили. См. 2.3.1(№ 46а)).

2.3. Люди на вершине священной горы ничего не нашли.

Местные жители поднимались на вершину священной горы, добравшись до вершины, ничего не обнаружили.

2.3.1. Жители поднимались на вершину горы Чийнелю, чтобы найти судно – *кереп*, оставшийся от потопа; оказавшись на вершине горы, ничего не нашли.

2.3.1(№ 46а). В первой части текста № 46: мать рассказчицы во время учебы в школе вместе со школьниками поднималась на вершину горы Чийнелю, чтобы увидеть судно – *кереп*, добравшись до вершины, ничего не обнаружили.

(Во второй части: рассказчица в детстве поднималась с ребятами на гору Чийнелю с целью увидеть судно – *кереп*, оставшийся от потопа; не дойдя до вершины горы, спустились обратно. См. 2.2.2(№ 46а)).

2.3.2. Один из жителей поднялся на вершину горы Ыйык-Кёкёрю, на вершине горы ничего не нашел.

2.3.2(№ 47а). Человек по имени Сайламды поднимался на вершину горы Ыйык-Кёкёрю в поисках верблюда, добравшись до вершины, из-за сильного ветра чуть не сорвался с горы. (О том, что он видел на вершине горы, ничего не говорится.)

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
01.07.2019*

Сведения об авторе

Яданова Кузелеш Владимировна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Управления территории традиционного природопользования и туризма Кош-Агачского района (с. Кош-Агач, Республика Алтай, Россия)

E-mail: kuzelesh@mail.ru

ORCID 0000-0001-5227-9419

Information about the Author

Kuzelesh V. Yadanova – Candidate of Philology, Researcher, Department of Traditional Nature Use Territory and Tourism of Kosh-Agach District of Altai Republic (Kosh-Agach village, Altai Republic, Russian Federation)

E-mail: kuzelesh@mail.ru

ORCID 0000-0001-5227-9419

ЛИНГВИСТИКА

ФОНЕТИКА

УДК 811.51+81-139

DOI 10.25205/2312-6337-2020-2-63-77

Гласные: соответствие формант артикуляции

Н. С. Уртегешев

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

В статье обобщены результаты многолетней работы по описанию вокальных настроек: дано определение гласным – *гортанно-связочные*, выявлены основные звукотипы – «и», «е», «ы», «а», «ў», «ö», «у», «о», показаны сложности определения ряда и подъема гласных по первой и второй форманте в языках и диалектах разных семей. Предпринята попытка привязать акустические данные к артикуляции. В результате составлены таблицы звукотипов гласных и основных настроек. Кроме того, в статье представлена новая классификация гласных по работе гортани: негортанно-округленные, гортанно-округленные. Так же было установлено, что лабиализация как дополнительный признак может присутствовать / отсутствовать как у негортанно-округленных, так и у гортанно-округленных.

Ключевые слова

языки разных семей, фонетика, артикуляция, акустика, вокализм, ряд, подъем, форманты

Для цитирования

Уртегешев Н. С. Гласные: соответствие формант артикуляции // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 2 (вып. 40). С. 63–77. DOI 10.25205/2312-6337-2020-2-63-77

Vowels: matching of formants to articulation

N. S. Urtegeshev

Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

This paper presents the results of long-term studies of the vocalism of languages of different families in the Nadelyaev Laboratory of experimental phonetic research (Institute of Philology, SB RAS). The study was conducted using both somatic and acoustic research methods. The analysis involved the material collected by the author and taken from other works involving the same methods, so that all the obtained material could be comparable. Vowels were determined to be laryngeal sounds of complex formation, referred to as “laryngeal-ligamentous”, with the work of the vocal folds being a prerequisite in their production. 8 independent laryngeal-ligamentous sound types were distinguished, including laryngeal-rounded (“o”, “ö”, “y”, “ÿ”) and non-laryngeal-rounded (“a”, “e”, “ь”, “i”). All these should be considered basic for all languages, although not all languages have implementations of all sound types. For each of these sound

© Н. С. Уртегешев, 2020

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 2 (вып. 40)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2020. No. 2 (iss. 40)

types, a complex articulation process in the larynx, to be identified and described, results in a sound wave characteristic of a specific sound type. In the pharynx, mouth, or nose cavity, this sound wave changes due to various articulatory movements: narrowing, compression, vibration of the scooped-out folds, movement of the body of the tongue, soft palate, lower jaw, and lips. Thus, several variants of the same sound type are produced: basic or allotypes (without additional articulation) and complicated (with additional articulation). The “Table of basic sound types” presents the basic variants with some necessary extensions and a new classification of vowels by series, with these series related to formant indicators and palatal arch. The table “Transcription designation of the main vowel settings” shows the transcription system with reference to the table “Main vowel types” in the V. M. Nadelyaev’s classification.

Keywords

languages of different families, phonetics, articulation, acoustics, vocalism, row, rise, formants

For citation

Urtegeshev N. S. Glasnye: sootvetstvie formant artikulyatsii [Vowels: matching of formants to articulation]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2020, no. 2 (iss. 40), pp. 63–77. (In Russ.). DOI 10.25205/ 2312-6337-2020-2-63-77

В настоящее время в мире осталось немного экспериментально-фонетических лабораторий, в которых проводятся исследования соматическими методами, в основном все они занимаются акустическими или, точнее, компьютерными. На это есть причины: 1) соматические методы затратны как в финансовом, так и во временном плане; 2) компьютерные программы в свободном доступе, и почти вся работа выполняется машиной (как думают многие новички). Самые популярные из компьютерных программ – Praat и Speech Analyzer. В России можно наблюдать массовое «подсаживание» на Praat, так как: 1) в этой программе работают на Западе; 2) в ней есть такая «чудесная» таблица гласных, в которую посмотрел и сразу определил по формантам гласный, соответствующий таблице гласных МФА (Тот ли гласный? – Вопрос остается открытым¹) (табл. 1). Вообще, эта таблица образец, но не руководство к действию.

Таблица 1
Table 1

Усредненные вокальные форманты
Average vowel formants

Vowel (IPA)	Formant F ₁ (Hz)	Formant F ₂ (Hz)
a	850	1610
e	390	2300
i	240	2400
o	360	640
u	250	595
y	235	2100
ø	370	1900
œ	585	1710
ɑ	750	940
ɒ	700	760
ɔ	500	700
ɛ	610	1900
ɤ	460	1310
ɯ	300	1390
œ	820	1530
ʌ	600	1170

¹ Не единожды приходилось видеть использование этой таблички. К сожалению, во всех случаях как результат – несоответствие транскрипционного знака ни акустическому восприятию, ни артикуляционному произношению, что делает невозможным ссылаться на такие работы и использовать данные в своих исследованиях.

Мы не будем специально останавливаться на компьютерных программах, указывая на их плюсы и минусы (это не наша цель), но постараемся запомнить выше представленную табличку.

Что показывают форманты?

На этот вопрос с легкостью могут ответить многие, кто хоть как-то сталкивался с экспериментальной фонетикой, но будет прав только отчасти. Постараемся разобраться в этом вопросе. Но сначала определимся с некоторыми понятиями.

Звук – физическое явление, представляющее собой распространение в виде упругих волн механических колебаний в твёрдой, жидкой или газообразной среде. В узком смысле под звуком имеют в виду эти колебания, рассматриваемые в связи с тем, как они воспринимаются органами чувств [Голымина, 1990, с. 69–70].

Гласные звуки образуются из музыкального тона, результата деятельности голосовых связок (так называемого голосового тона), модифицируемого различными положениями полости рта, которая играет в данном случае роль надставной трубы у духовых инструментов, т. е. роль резонатора. «Источником звука при произнесении гласного являются гортань и голосовые связки, а полость рта (или носа) играет роль, исключительно звуковидоизменяющую. В этом заключается акустическое отличие гласных от согласных, в образовании которых, кроме голосового тона (могущего быть и не быть), непременно участвует, в большей или меньшей степени, тот или другой немusикальный шум, образуемый различными частями полости рта. В физиологическом отношении гласные звуки отличаются от согласных тем, что деятельность надставной трубы (полости рта) имеет при них более пассивный характер: различные части ее никогда не образуют при гласных таких резких сужений или полных затворов, как при согласных» [Энциклопедический словарь, 1890–1907, т. 8, с. 823]. Из этой цитаты крайне важным для нас в дальнейшем будет следующее: 1) *источником звука при гласном являются гортань и голосовые связки*; 2) *полость рта (или носа) играет роль, исключительно звуковидоизменяющую*. По первому пункту, с точки зрения медицины голосовые связки – это часть гортани, а точнее, его внутренняя часть (рис. 1). Таким образом, гласные – это гортанные звуки сложного образования, при производстве которых обязательным условием является работа голосовых складок. Такие звуки можно назвать *гортанно-складочными*, но, кроме голосовых складок, есть еще желудочковые и черпалонадгортанные, поэтому назовем их, хотя и не совсем верно с точки зрения медицины, но понятно для всех остальных – *гортанно-связочными* (от термина *голосовые связки*).

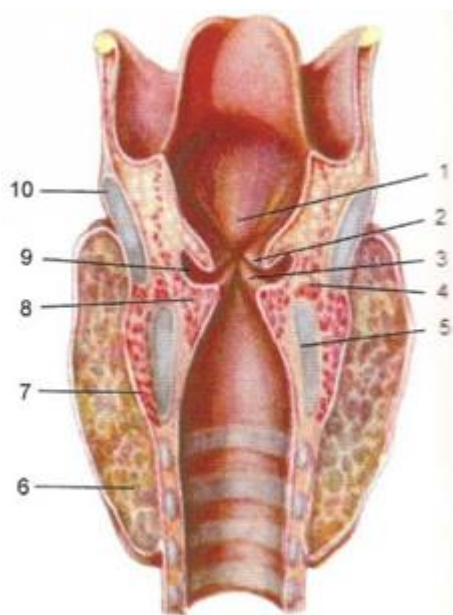

Рис. 1. Полость гортани: 1 – бугорок надгортанника; 2 – желудочковая складка; 3 – голосовая складка; 4 – наружная щиточерпаловидная складка; 5 – перстневидный хрящ; 6 – щитовидная железа; 7 – перстнещитовидная мышца; 8 – голосовая мышца; 9 – желудочки гортани; 10 – щитовидный хрящ [Бабияк, Говорун, Накатис].

Fig. 1. Laryngeal Cavity: 1 – epiglottis tubercle; 2 – ventricular fold; 3 – vocal fold; 4 – external thyroid fold; 5 – cricoid cartilage; 6 – thyroid gland; 7 – cricoid muscle; 8 – vocal muscle; 9 – laryngeal ventricles; 10 – thyroid cartilage.

Расширим понятия по второму пункту: «Ротовая полость модифицируется из-за изменения степени подъема спинки языка, в результате чего полость глотки объединяется с той частью ротовой поло-

сти, которая находится за местом подъема. Таким образом, качество гласных зависит от места подъема и степени сужения прохода для сигнала, который образован голосовыми связками.

Эта закономерность была интуитивно замечена фонетистами очень давно и нашла свое отражение в классификации гласных по месту и степени подъема языка. Научное обоснование она получила, когда с помощью современных технических средств спектрального анализа речи² была создана акустическая классификация гласных, которая оказалось изоморфной классификации артикуляционной (сравните обычную классификацию гласных по месту и степени подъема языка и по значениям акустических параметров первой и второй формант).

Число формант сопоставимо с числом резонансных полостей в речевом тракте, хотя отношения здесь значительно более сложные. На основании многочисленных экспериментов удалось установить правило, связывающее частоты формант с характером артикуляции гласных звуков: считается, что частота F_2 , связана со степенью его продвинутой вперед, самые закрытые звуки имеют самую низкую по частоте первую форманту F_1 , а самые передние – самую высокую по частоте вторую форманту; самые открытые – максимально высокую частоту F_1 , а самые задние – максимально низкую частоту F_2 . Принято считать, что наименьший пик в спектре (т.е. F_1) соответствует колебаниям воздушного столба в большом резонаторе в гортани, за наивысшей точкой подъема языка, в то время как второй пик в спектре обязан колебаниям воздуха во рту, перед наивысшей точкой подъема языка (рис. 2).

В действительности воздух в голосовом тракте колеблется в целом, и мы не можем рассматривать гортань и полость рта как независимые резонаторы. Тем не менее, между частотой формант, размером и формой резонирующих полостей существуют определенные отношения. Вообще говоря, все формантные частоты зависят от трех факторов: положения точки максимального сужения в голосовом тракте (которое определяется движением языка по горизонтали); от размера и поперечного сечения максимального сужения (которое определяется движением языка по вертикали по направлению к небу) и от положения губ». [Отчет..., 1982, с. 7–9].

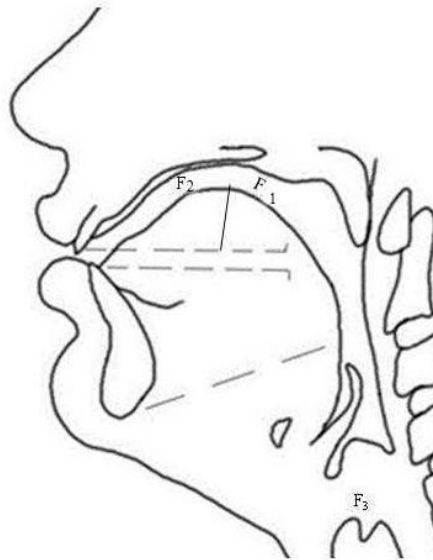

Рис. 2. Формантное распределение.
Fig. 2. Formant distribution.

Что касается форманты F_3 , то «Сравнительный анализ речевого сигнала в норме и при определенной патологии (например, при болезнях гортани), ..., показал, что при исключении гортанного желудочка (морганиев желудочек) из речевого тракта исчезает третья форманта F_3 для всех гласных зву-

² В середине 1950-х гг. советские исследователи Л. А. Варшавский и И. М. Литвак впервые высказали гипотезу о том, что акустическое качество звуков речи определяется соотношением уровней сигнала в полосах спектра. [Варшавский, Литвак, 1955, с. 3, 5–17].

ков, кроме [и]. Можно сделать вывод, что гортанный желудочек³ отвечает за формирование третьей форманты в русских гласных [а], [е], [о], [у]» [Каганов, 2014, с. 26–29]. Кроме того, судя по изменениям F_3 у конкретного диктора в пределах одного звукотипа косвенно можно судить о движении гортани в вертикальной плоскости: чем больше отстояние F_3 от F_2 и F_1 , тем ниже гортань, и наоборот, чем ближе, тем выше, что может говорить об эйективности или инъективности гласного. Правда, чтобы подтвердить или опровергнуть это, надо провести специальное исследование.

Итак, что показывают форманты в действительности: F_1 – частота колебания за пиком подъема языка, F_2 – частота колебания перед пиком подъема языка, F_3 – частота колебания гортанного желудочка (морганиева желудочка). Если с третьей формантой все понятно, учитывая ее точную локализацию, то как быть с двумя первыми, если нет четко выраженного фокуса, например, у гласных смешанного ряда!? Нужны уточнения.

Зная только форманты без привязки к артикуляции, мы можем только предположить, что гласный относится к такому-то условному ряду и подъему. Человеку, знакомому с описанным языком только формантно, не воспроизвести чужую артикуляцию, например, для преподавания такой метод описания не подходит.

Как соотносить акустику с артикуляцией?

Это еще один вопрос, на который пока нет четкого ответа. В одной из своих работ я пытался ответить на него на примере звукотипа «и» [Уртегешев, 2019, с. 89–96]. Удалось выявить только индивидуальные характеристики испытуемого. Нам же необходимо универсальное, подходящее для всех языков описание: общие требования, общие характеристики, чтобы описания, выполненные для одной идиомы, были сопоставимы с данными для другой. На пути к этому стоит несколько препятствий: 1) транскрипционные системы; 2) единство градации; 3) соотношенность акустики с артикуляцией.

Что касается первого пункта, то в зависимости от поставленной цели существует несколько транскрипционных систем. Одни базируются на акустике, например, таблица гласных МФА (табл. 2), другие на артикуляции – классификация В. М. Надеяева (табл. 3). В основу МФА для гласных положены европейские языки, а все прочие стараются соотносить с уже готовой системой, вписать в ее рамки. Классификация гласных В. М. Надеяева создавалась на базе треугольника гласных Л. В. Щербы (табл. 4) с уточнениями, полученными соматическими методами исследования на базе языков разных систем.

³ Расположение гортанного желудочка (морганиева желудочка) в гортани можно посмотреть на рис. 1.

Таблица 2
Table 2

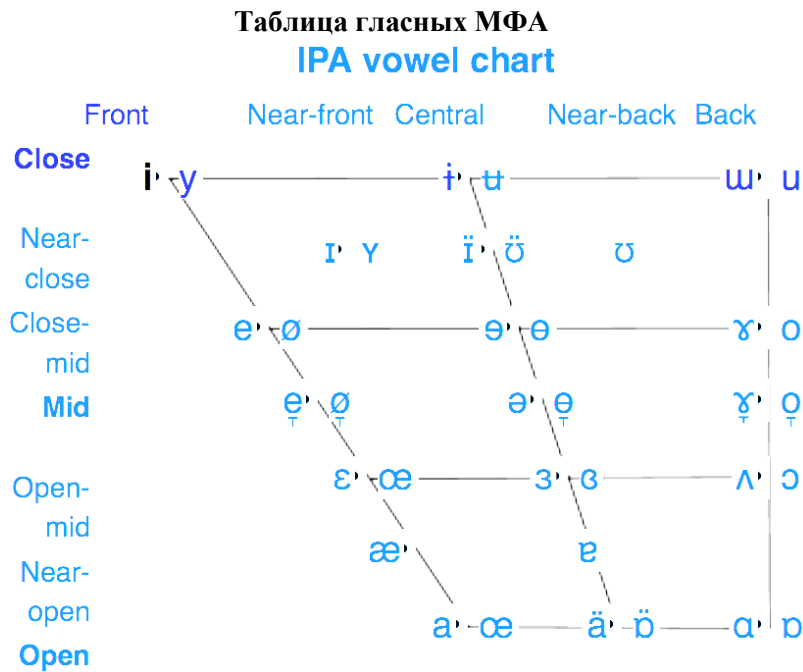

Таблица 3
Table 3

Основные типы гласных в классификации В. М. Наделяева
The main types of vowels in the classification of V. M. Nadelyaev

ряды ступени	смешаннорядные							
	переднорядные индекс-7		индекс-59		центральнорядные индекс-99	центральнорядные индекс-9	заднорядные индекс-90	
1	í	у	Ы	ц	ш̣	ш̣	ш̣	ш̣
2	ɪ	ʏ	ь	ц̣	ш̣̣	ш̣̣	ш̣̣	ш̣̣
3	e	ø	э	ц̣̣	ш̣̣̣	ш̣̣̣	ш̣̣̣	ш̣̣̣
4	ɛ	œ	з	ц̣̣̣	ш̣̣̣̣	ш̣̣̣̣	ш̣̣̣̣	ш̣̣̣̣
5	æ	ɶ	э̣	ц̣̣̣̣	ш̣̣̣̣̣	ш̣̣̣̣̣	ш̣̣̣̣̣	ш̣̣̣̣̣
6	a	ɶ̣	э̣̣	ц̣̣̣̣̣	ш̣̣̣̣̣̣	ш̣̣̣̣̣̣	ш̣̣̣̣̣̣	ш̣̣̣̣̣̣

Основные типы гласных по Л. В. Щербе
The main types of vowels by L. V. Shcherba

<i>Передние</i>	<i>Смешанные</i>	<i>Задние</i>
y i	ы ы̆	ш и
Y I		ъ ɤ
ø e	ə ø	ɤ o
œ ɛ	з	л ɔ
æ		
	ɛ a а р	

В идеале и те, и другие должны удовлетворять и артикуляции, и акустике. В плане артикуляции при «классическом подходе анализа» все, что в передней части ротовой полости – переднерядные, в средней – среднерядные, а в задней – заднерядные⁴ (рис. 3).

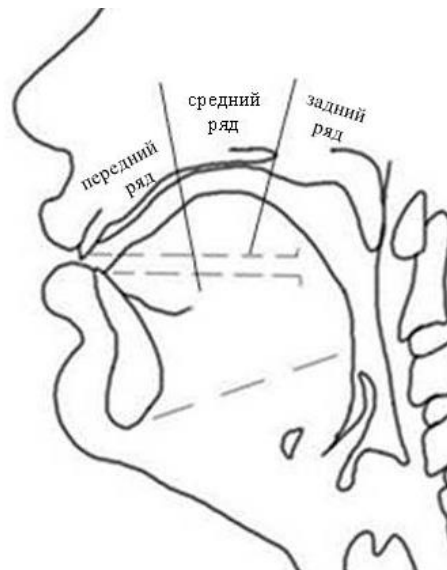

Рис. 3. Стандартный подход к распределению гласных по рядам.
Fig. 3. The standard approach to the distribution of vowels in rows.

В. М. Надеяев выработал требования для исследования артикуляторных настроек гласных: «достаточно надежное и единообразное классифицирование гласных исследуемого языка должно бази-

⁴ В нашей работе не рассматривается, так как слишком простой подход, не объясняющий многие вещи, например, так называемые гласные переднего ряда фиксируются в зоне центральнорядных. Принцип этого метода, на наш взгляд, – «сваливаем всё в кучу».

роваться на анализе рентгенограмм⁵, настроек этих гласных с учетом в этом анализе их дентопалатограмм и фотограмм губных работ в этих настройках, что предполагает хорошее владение экспериментальными методами фонетического рентгенографирования, дентопалатографирования, а также фотографирования» [Наделяев, 1980, с. 26]. Разработанная им «артикуляционная классификация гласных, названная по основному своему принципу – принципу векторности – **векторной классификацией** (полужирный – автора статьи)» [Там же, с. 27]. В ней (табл. 3) используются «удобные наименования рядов по их порядковому номеру в предложенном здесь порядке: 1. передний ряд – первый ряд, 2. центральный ряд – второй ряд, 3. центральнозадний ряд – третий ряд, 4. задний ряд – четвертый ряд, 5. смешанный ряд – пятый ряд» [Там же]. Кроме того, «6. Все пять классификационных рядов вокальных настроек в зависимости от локализации их НЛ (небного локуса – *уточнения автора*) на контуре небного свода определяются как **основные** и (кроме 2-го ряда) **сдвинутые** [Там же, с. 28]. В данной классификации учтены многие сибирские языки [Селютина, 2008].

К настоящему времени в ЛЭФИ им. В. М. Наделяева собран большой архив соматического материала (дентопалатограмм, рентгено- и МРТ-снимков), полученного по разным языкам и диалектам, – всего 46 идиом от почти 200 дикторов. От этих же носителей были сделаны аудиозаписи. Кроме того, были проанализированы звуковые записи по алтайскому, теленгитскому, шорскому, телеутскому, хакасскому, тувинскому, корейскому (пусанский диалект)⁶, чулымскому, хантыйскому, башкирскому, татарскому⁷, русскому, алоторскому, калмакскому, юкагирскому (лесному)⁸ языкам.

Анализ соматического материала осуществлялся с помощью методик, принятых в ЛЭФИ им. В. М. Наделяева [Наделяев, 1980, с. 44–91; Селютина, 1998, с. 50–58; Уртегешев, 2009, с. 3–12].

Акустический анализ осуществлялся с применением компьютерных программ создания и обработки звуковых файлов – Audacity, Speech Analyzer 3.0.1. При сегментировании словоформ использовалась методика, применяемая в ЛЭФИ, в соответствии с которой:

1) левая граница инициального глухого согласного выставляется по интенсивности: находится начало ее включения;

2) в зависимости от задач исследования и исследуемого языка смычный взрывной согласный сегментируется по-разному. Если констатируется аспирация или аффрицированность, мы рассматриваем фазу выдержки и взрыв (импульс) у анализируемых консонантов как один компонент – смычный, а аспирацию или аффрицированность как другой. Следовательно, их длительности рассматриваются отдельно, составляя при этом общую длительность звука;

3) переходные участки между звуками в словоформе; если они есть, делятся пополам.

4) формантные показатели гласного фиксируются на стационарном участке. Если такой участок отсутствует, то измерения проводятся в центральной части звука.

В едином русле по методике описания артикуляционных настроек гласных В. М. Наделяева исследовано большое количество идиом. Если внимательно проанализировать полученный авторами материал, то можно увидеть, что, например, по подъему узкие гласные иногда шире, чем широкие и, наоборот, широкие уже узких [Селютина, 1998; Сарбашева, 2004; Дамбыра, 2005; Шалданова, 2007; Добринина, 2019, с. 58–65; Рыжикова, 2021]. В подготовленной нами к печати монографии «Атлас артикуляционных настроек гласных башкирского языка» мы сделали, например, такое уточнение: *переднерядный основной второй основной ступени отстояния огубленный неназализованный увуларизованный нефарингализованный с θ -образным звучанием*; точная фоническая транскрипция: « γ^{\prime} $_{c/11/12} = (\underline{bc}^5/9)^1/9; (\underline{67}^{13}/15)^1/15$ ». Можно было бы это списать на брак, возникший во время

⁵ Сюда же можно отнести метод томографирования, так как они очень похожи.

⁶ Из материала аспиранта А. С. Шамрина.

⁷ Благодарю за предоставленный материал по татарскому языку младшего научного сотрудника отдела лексикологии и диалектологии Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан Алсу Анисовну Бадртдинову.

⁸ Выражаю благодарность за возможность услышать и исследовать язык лесных юкагиров – Панне Егоровне Прокопьевой, кандидату педагогических наук, ведущему научному сотруднику отдела северной филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

съемки или на то, что диктор ошибся. Но, когда это встречается у разных дикторов по разным языкам, то это уже закономерность, на которую следует обратить внимание. От соматических данных не отстают и акустические. Например, шорские звукотипы «и», «е», «ү», «ө» оказываются по первой и второй форманте в одних показателях: F₁ 140–457 Гц, F₂ 2879–1515 Гц; теленгитские гласные типа «и», «е», «ы», «а» имеют схожие между собой форманты: F₁ 397–539 Гц, F₂ 2366–1649 Гц. Подобная формантная картина характерна для всех исследованных языков. Л. В. Бондарко считала, что для каждого звука характерна зона значений формант [Бондарко, 1981, с. 66], причем за основу надо брать самую частотную форманту [Бондарко, 1977, с. 64], но при таком подходе возможна подгонка данных, теряется специфическая картина языка. В этом случае не будет учитываться пересечение зон разных звуков. Для фонологии это хорошо, но плохо для фонетического анализа. Возвращаясь к нашим результатам исследования, зададимся вопросом: Может ли существовать таблица, составленная по формантам, по которой безоговорочно можно определять тип гласного? Ответ отрицательный (вспомним таблицу для Praat).

Ранее мы определили, что гласные – это гортанные звуки сложного образования, при производстве которых обязательным условием является работа голосовых складок – *гортанно-связочные*. По нашим наблюдениям, личным ощущениям и экспериментальным данным можно выделить 8 самостоятельных гортанно-связочных звукотипов, которые подразделяются на гортанно-округленные («о», «ö», «у», «ү») и негортанно-округленные («а», «э», «ы», «и»), которые следует считать базовыми для всех языков (правда, не во всех языках встречаются реализации всех звукотипов). Для каждого из этих звукотипов в гортани в результате сложного артикуляционного процесса, который еще предстоит выявить и описать, создается звуковая волна, характерная для конкретного звукотипа. В свою очередь, в полости глотки, рта или носа в результате разных артикуляционных движений: сужения, сжатия, вибрации черпалонадгортанных складок, движения тела языка, мягкого неба, нижней челюсти, губ – происходит звуковидоизменение. В итоге, например, у звукотипа «а» на «выходе» может быть не один десяток реализаций (видов звука) – *аллотипов*.

По нашим полученным данным, к сожалению, ни таблица гласных МФА, ни таблица В. М. Наделяева не могут полностью подходить для соответствия акустики с артикуляцией. На то есть причины. В таблице МФА гласные только переднего, среднего и заднего рядов и по два символа для near-front, near-back, многие артикуляционные вещи не учитываются, недостаточное количество символов для передачи основных настроек, да и сама система разрабатывалась под акустику.

Не подходит для этого и таблица гласных В. М. Наделяева. Проблема заключается в том, что при определении гласного в акустике, в отличие от артикуляции, ведущую роль играет только место фокуса – наивысшая точка подъема языка. Если небный свод, разделенный В. М. Наделяевым на части, представить в виде графика, на нем расположим зоны распространения рядов, то увидим следующую картину (график 1):

График 1
Chart 1

Проекция вокального ряда на небном своде
Projection of the vocal row on the Palatine vault

Часть небного свода \ Ряд (часть языка)				78	89	90	
	4	5	6	7	8	9	10 (0)
передний (с)							
центральный (с)							
центральнозадний (d)							
задний (е)							
смешанный (ag)							

Примечание к графику: с – средняя часть спинки языка, d – межзубчатая часть спинки языка, е – задняя часть спинки языка, ag – расстояние от кончика языка до границы задней части спинки языка с корнем; 4 – передний

склон альвеол, 5 – гребень альвеол, 6 – задний склон альвеол, 7 – передняя часть твердого неба, 8 – задняя часть твердого неба, 9 – передняя часть мягкого неба, 10 (0) – задняя часть мягкого неба; 78, 89, 90 – границы соответствующих частей.

Исходя из графика видно, что, например, в точке 89 все ряды совпадают, а на отрезке 8, имеющем большую длину, совпадает три ряда: переднерядный, центральнозадний и смешанный; подобная картина наблюдается в зоне 9: переднерядный, задний и смешанный. Таким образом, у гласных разных рядов возможно формантное совпадение. В чем мы убедимся ниже, посмотрев на составленную нами таблицу звукотипов (табл. 5).

В основу «Таблицы основных звукотипов» положена градация, разработанная В. М. Наделяевым [1980, с. 3–91], но с нашими уточнениями. Были выявлены самые максимальные и минимальные показатели для F_1 и F_2 . Что касается F_1 , то самый максимум был зафиксирован у гласного звукотипа «а» русского языка – 1144 Гц, а самый минимум в шорском у звукотипа «и» – 146 Гц, по ряду – в башкирском было зафиксировано F_2 2946 Гц – самый максимум у звукотипа «ў», самый минимум – 689 Гц – у звукотипа «у» в татарском языке. В дальнейшем была произведена корректировка. Так диапазон частот для F_1 получился от 140 Гц до 1200 Гц, для F_2 – от 600 Гц до 3100 Гц. В методике описания гласных у Владимира Михайловича важную роль играет векторное смещение конкретной части спинки языка относительно частей небного свода, а отсюда градация – основная настройка, слабо- или сильноотодвинутая назад или же основная настройка и слабо- или сильновыдвинутая вперед. В нашем случае совсем идентичное описание сделать нельзя, потому что акустически фиксируется только форманты фокуса⁹. Соотнеся акустические данные, полученные с помощью программы Speech Analyzer 3.0.1, с соматическими результатами, мы смогли сделать следующую классификацию гласных по ряду: 1) **переднерядные** – локализация фокуса на передней части твердого неба, соответствует 3000–2100 Гц; 2) **передне-центральнорядные** – локализация фокуса на передне-центральной части твердого неба, соответствует 2099–1800 Гц; 3) **центральнорядные** – (условно) центральная часть твердого неба, 1799–1500 Гц; 4) **центральнозаднерядные** – задняя часть твердого неба, 1499–1301 Гц; 5) **заднерядные**, которые имеют две локализации: а) от границы твердого неба с мягким до конца первой трети мягкого неба, 1300–1200 Гц; б) последние две трети мягкого неба (ярко выраженная лабиализация), 1199–600 Гц. Кроме того, введена градация по отсутствию / наличию гортанного округления. Деление по работе губ отсутствует, потому что все звукотипы могут быть как лабиализованными, так и нелабиализованными¹⁰, хотя и здесь есть исключение: гласные, локализованных на последних двух третьих мягкого неба (1199–600 Гц) – чаще лабиализованные (по крайней мере, по нашим наблюдениям).

⁹ Соотнеся соматические и артикуляционные данные, твердое небо пришлось разделить на четыре равные части, а не на две, как у В. М. Наделяева [1980, с. 27–33].

¹⁰ Лабиализация усиливает базовую частоту гортанно-округленных гласных звукотипов – четкое звучание, а негортанно-округленных – понижает, поэтому звукотипы «а», «ы», «э», «и» на слух воспринимают не четко. Отсутствие лабиализации у гортанно-округленных придает им эффект приглушенности, в то время как негортанно-округленные звучат естественно.

Таблица 5
Table 5

Таблица основных звукотипов
Table of basic sound types

Локус F ₂ (Гц)	Передне-рядные		Передне-центрально-рядные		Центрально-рядные		Центрально-заднерядные		Заднерядные			
	Передне-твердонебные		Передне-центральнонебные		Центрально-твердонебные		Задне-твердонебные		Первая треть мягкого неба		Последние две трети мягкого неба	
	3000-2100		2099-1800		1799-1500		1499-1301		1300-1200		1199-600	
Ступень F ₁ (Гц)	НГО	ГО	НГО	ГО	НГО	ГО	НГО	ГО	НГО	ГО	НГО	ГО
0 140-290	и	й	и / Ы		и	й		и				о ^б
1 291-399	и / Ы / э	й / ö	и / Ы	й	и / Ы / э / а	й / ö / у	Ы	у	(э/Ы)		э° / Ы°	у
2 400-499	и / Ы / э / а	й / ö	и / Ы / э	й / ö	и / Ы / э / а	й / ö / у	Ы / э	ö / у	Ы / Ы°	у	э / э°	у / о
3 500-600	и / Ы / э / а	ö	и / Ы / э / а	ö	и / Ы / э / а	ö / у	Ы / э / а	ö / у	а / а°	у / о	Ы° / а°	у / о
4 601-799	э / а		э / а	ö	и / Ы / э / а		Ы / а	о	Ы / а	о	Ы / Ы°	о
5 800-900					э / а		а	о	а	о	а / а°	
6 901-1200					а	о	а		а			
Гц	3000-2100		2099-1800		1799-1500		1499-1301		1300-1200		1199-600	

Примечание к таблице: НГО – негортанно-округленные; ГО – гортанно-округленные; Ы° / э° – лабиализованные (огубленные); (э/Ы) – так называемая «шва».

Что касается ступеней отстояния или подъема (F₁), за основу были взяты шесть ступеней отстояния В. М. Наделяева. Было решено разницу в герцах разделить на шесть равных частей: (1200 Гц – 140 Гц): 6 = по 176,6 Гц каждый подъем, но они оказались несоотносимыми с артикуляцией. Чтобы наша таблица соответствовала таблице гласных В. М. Наделяева и ранее выявленным артикуляциям, нами введен нулевой ряд: были выявлены свехузкие гласные, у которых очень большой разброс по первой форманте – от 140 Гц до 290 Гц, – это гласные типа «и», «й», «ы», «у» и «о^б». После проведенного сопоставления артикуляции с акустикой получилась следующая градация (ступень, отступ), которая составляет примерно 100 Гц, кроме нулевого и шестого: **0** – 140 Гц – 290 Гц; **1** – 291 Гц – 399 Гц; **2** – 400 Гц – 499 Гц; **3** – 500 Гц – 600 Гц; **4** – 601 Гц – 799 Гц; **5** – 800 Гц – 900 Гц; **6** – 901 Гц – 1200 Гц.

Из таблицы видно, что одного ряда и подъема могут быть гласные разного типа, например, в шорском языке гласными переднего ряда второй ступени отстояния могут быть «и», «е», «ы», «а», «й», «ö», т.е. практически все, кроме «у», «о». Это свидетельствует в пользу того, что в ротовой полости меняется лишь вид гласного, но не тип. При некотором хаосе, который констатируется на первый взгляд, есть небольшие закономерности. Кроме звукотипов «э», «а», «ы», которые на данный момент были выявлены во всех рядах (смешаннорядные), но имеют некоторое ограничение по ступени отстояния, другие гласные расположены в определенных зонах: 1) звукотип «и» располагается ввернем

как минимум, научить современные компьютерные программы различать «портрет» звукотипа, а это возможно лишь в том случае, если «машина» научиться читать не только спектрограммы, но и осциллограммы¹¹. Без последнего невозможно определить гласный по одной форманте [Отчет..., 1982, с. 7] и даже по двум, особенно, если язык незнакомый, ранее экспериментально не исследовался. Можно, конечно, использовать уже существующие транскрипционные системы, закрытыми глазами «втискивая» в них не вписывающиеся результаты, но это будет уже нефонетический анализ речи, а профанация. Единственный выход на сегодняшний день – фонетист должен совершенствовать слух, накапливать данные, а не надеяться на то, что «умная» программа все сделает сама.

Список литературы

- Бабьяк В. И., Говорун М. И., Накатис Я. А., Паццинин А. Н.* Оториноларингология. URL: <https://medbe.ru/materials/gortan/anatomiya-gortani/> (Дата обращения: 14.10.2020).
- Бондарко Л. В.* Звуковой строй современного русского языка. М.: Просвещение, 1977.
- Бондарко Л. В.* Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981.
- Варшавский Л. А., Литвак И. М.* Исследование формантного состава и некоторых других физических характеристик звуков русской речи. Проблемы физиологической акустики. М.; Л.: АН СССР 1955.
- Голямина И. П.* Звук // Физическая энциклопедия: В 5 т. / Гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия. 1990. Т. 2. С. 69–70.
- Дамбыра И. Д.* Вокализм каа-хемского говора в сопоставлении с другими говорами и диалектами тувинского языка. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2005. 224 с.
- Добринина А. А.* Краткие гласные телеутского языка по F1 и F2 (экспериментально-фонетическое наблюдение) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2019. № 2 (38). С. 58–65.
- Каганов А. Ш.* Об использовании спектральных характеристик речи для определения биометрических параметров речевого тракта в судебно-медицинской идентификации личности говорящего // Судебно-медицинская экспертиза. 2014. 57 (1). С. 26–29.
- Наделяев В. М.* Артикуляционная классификация гласных // Фонетические исследования по сибирским языкам. Новосибирск, 1980. С. 3–91.
- Наделяев В. М.* Экспериментально-фонетическое рентгенографирование артикуляторных настроек гласных (Методические заметки) / Приложение к статье «Артикуляционная классификация гласных» // Фонетические исследования по сибирским языкам. Новосибирск, 1980. С. 44–91.
- Отчет о научно-исследовательской работе. Разработка методики сравнительно-сопоставительного акустического анализа разносистемных языков (на материале германских, романских и славянских языков) (промежуточный). Минск, 1982. 114 с.
- Рыжикова Т. Р.* Артикуляторные особенности барабинско-татарской фонемы /ii/ (по данным МРТ) // Урало-алтайские исследования. 2021. № 1 (в печати).
- Сарбашева С. Б.* Фонологическая система туба-диалекта алтайского языка (в сопоставительном аспекте). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. 241 с.
- Селютина И. Я.* Введение в общую фонетику: Учеб. пособие. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2008. 66 с.
- Селютина И. Я.* Кумандинский вокализм. Экспериментально-фонетическое исследование. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. 185 с.
- Уртегешев Н. С.* Соматические параметры настроек гласных: методика определения ступеней отстояния // Түркология. 2009. № 3–4 (41–42). С. 3–12.
- Уртегешев Н. С.* Соответствие формантов артикуляции: на примере гласного «i» // Материалы III Всероссийской научно-практической конференции «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири». Абакан, 16-17 мая 2019 г.). Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова», 2019. С. 89–96. 192 с.
- Шалданова А. А.* Вокализм диалекта алтай-кижи в сопоставительном аспекте. Новосибирск: Сова, 2007. 280 с.

¹¹ В этом фонетистам могут помочь физики-акустики.

Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: в 86 т. / Под ред. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева, Θ. Θ. Петрушевского. С.-Петербургъ, 1890–1907. Т. 8. С. 823–825.

References

- Babiyak V. I., Govorun M. I., Nakatis Ya. A., Pashchinin A. N. *Otorinolarinkologiya* [Otorhinolaryngology]. URL: <https://medbe.ru/materials/gortan/anatomiya-gortani/> (accessed: 14.10.2020). (In Russ.).
- Bondarko L. V. *Foneticheskoe opisaniye yazyka i fonologicheskoe opisaniye rechi* [Phonetic description of language and phonological description of speech]. Leningrad, LSU Publ. House, 1981. (In Russ.).
- Bondarko L. V. *Zvukovoy stroy sovremennogo russkogo yazyka* [Sound system of the modern Russian language]. Moscow, Posvyashchenie, 1977. (In Russ.).
- Dambyra I. D. *Vokalizm kaa-khemskogo govora v sopostavlenii s drugimi govorami i dialektami tuvinskogo yazyka* [Vocalism of the Kaa-Khem subdialect in comparison with other subdialects and dialects of the Tuvan language]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf, 2005, 224 p. (In Russ.).
- Dobrinina A. A. *Kratkie glasnye teleutskogo yazyka po F1 i F2 (eksperimental'no-foneticheskoe nablyudeniye)* [Short vowels of the Teleut language for F1 and F2 (experimental phonetic observation)]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2019, no. 2 (38), pp. 58–65. (In Russ.).
- Entsiklopedicheskiy slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona: v 86 t.* [Encyclopedia of F. A. Brockhaus and I. A. Efron: in 86 vols]. I. E. Andreevsky, K. K. Arseniev, Θ. Petrushevsky (Eds). St. Petersburg, 1890–1907, vol. 8, pp. 823–825. (In Russ.).
- Golyamina I. P. *Zvuk* [Sound]. In: *Fizicheskaya entsiklopediya: v 5 t.* [Physical encyclopedia in 5 vols]. A. M. Prokhorov (Ed. in Ch.). Moscow, Sov. entsikl., vol. 2, 1990, pp. 69–70. (In Russ.).
- Kaganov A. Sh. *Ob ispol'zovanii spektral'nykh kharakteristik rechi dlya opredeleniya bio-metricheskikh parametrov rechevogo trakta v sudebno-meditsinskoy identifikatsii lichnosti govoryashchego* [On the use of speech spectral characteristics to determine the biometric parameters of the speech tract in the forensic identification of the speaker's personality]. *Forensic Medical Expertise*. 2014, no. 57 (1), pp. 26–29. (In Russ.).
- Nadelyaev V. M. *Artikulyatsionnaya klassifikatsiya glasnykh* [Articulation classification of vowels]. In: *Foneticheskie issledovaniya po sibirskim yazykam* [Phonetic research on Siberian languages]. Novosibirsk, 1980, pp. 3–91. (In Russ.).
- Nadelyaev V. M. *Eksperimental'no-foneticheskoe rentgenografirovaniye artikulyatornykh nastroek glasnykh (Metodicheskie zametki. Prilozheniye k stat'e Artikulyatsionnaya klassifikatsiya glasnykh)* [Experimental phonetic radiography of articulatory vowel settings (Methodical notes). Appendix to the article "Articulatory classification of vowels"]. In: *Foneticheskie issledovaniya po sibirskim yazykam* [Phonetic research on Siberian languages]. Novosibirsk, 1980, pp. 44–91. (In Russ.).
- Otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote. Razrabotka metodiki sravnitel'no-sopostavitel'nogo akusticheskogo analiza raznosistemnykh yazykov (na materiale germanskikh, romanskikh i slavyanskikh yazykov) (promezhutochnyy)* [Report on research work. Development of a method for comparative acoustic analysis of multi-system languages (based on the material of Germanic, Romance and Slavic languages) (intermediate)]. Minsk, 1982, 114 p. (In Russ.).
- Ryzhikova T. R. *Artikulyatornyye osobennosti barabinsko-tatarskoy fonemy /i:/ (po dannym MRT)* [Articulatory features of the Barabinsk-Tatar phoneme /i:/ (according to MRI data)]. *Ural-Altai Studies*. 2021, no. 1 (submitted to the press). (In Russ.).
- Sarbasheva S. B. *Fonologicheskaya sistema tuba-dialekta altayskogo yazyka (v sopostavitel'nom aspekte)* [Phonological system of the tuba dialect of the Altai language (in a comparative aspect)]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf, 2004, 241 p. (In Russ.).
- Selyutina I. Ya. *Kumandinskiy vokalizm. Eksperimental'no-foneticheskoe issledovaniye* [The Kumandin vocalism. Experimental phonetic research.]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf Publ. house, 1998, 185 p.
- Selyutina I. Ya. *Vvedeniye v obshchuyu fonetiku: Ucheb. Posobie* [Introduction to General phonetics. Study guide]. Novosibirsk, NSU Publ. House, 2008, 66 p. (In Russ.).
- Shaldanova A. A. *Vokalizm dialekta altay-kizhi v sopostavitel'nom aspekte* [Vocalism of the Altai-Kizhi dialect in a comparative aspect]. Novosibirsk, Sova, 2007, 280 p. (In Russ.).

Urtegeshev N. S. Somaticheskie parametry nastroek glasnykh: metodika opredeleniya stupeney otstoyaniya [Somatic parameters of vowel settings: a method for determining the steps of distance]. *Туркология*. 2009, no. 3–4 (41–42), pp. 3–12. (In Russ.).

Urtegeshev N. S. Sootvetstvie formantov artikulyatsii: na primere glasnogo “i” [Correspondence of articulation formants: using the vowel “i” as an example]. In: *Materialy 3 Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii “Sokhranenie i razvitie yazykov i kul’tur korennykh narodov Sibiri”*. Abakan, 16–17 maya 2019 g. [Materials of the 3rd all-Russian scientific and practical conference “Preservation and development of languages and cultures of indigenous peoples of Siberia”. Abakan, May 16–17, 2019]. Abakan, Katanov Khakass State University Publ. House, 2019, pp. 89–96, 192 p. (In Russ.).

Varshavsky L. A., Litvak I. M. *Issledovanie formantnogo sostava i nekotorykh drugikh fizicheskikh kharakteristik zvukov russkoy rechi. Problemy fiziologicheskoy akustiki* [Investigations into the formant composition and some other characteristics of the sounds of the Russian speech. problems of physiological acoustics]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences, 1955. (In Russ.).

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
15.10.2020*

Сведения об авторах

Уртегешев Николай Сергеевич – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

E-mail: urtegeshev@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8616-4652

ResearcherID: k-5458-2017

Information about the Author

Urtegeshev S. Nikolay – Candidate of Philology, Leading Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: urtegeshev@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8616-4652

ResearcherID: k-5458-2017

МОРФОЛОГИЯ

УДК 81.2.2

DOI 10.25205/2312-6337-2020-2-78-88

Грамматикализованная сенсорная эвиденциальность как типологическая особенность языков Северной Азии

Л. А. Ильина

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

Статья ориентирована на выявление и типологическое сопоставление грамматикализованной в системе глагола сенсорной эвиденциальности в языках коренных этносов Северной Азии. На языковом материале архаичных текстов традиционного фольклора самодийцев и юкагиров с привлечением данных алеутского языка прослежено употребление сенсорно-эвиденциальных глагольных граммем и форм в коммуникативных ситуациях типичных актов речевой коммуникации. Выделены диахронически ранние коммуникативные функции и значения северноевразийских сенсорно-эвиденциальных глагольных форм. Аргументировано, что базовым значением данных глагольных форм является указание на слуховое восприятие невидимых референтных ситуаций. Сенсорно-эвиденциальные глагольные формы грамматически выделяли невидимые ситуации, репрезентированные в языковых сообщениях, противопоставляя их ситуациям, установленным визуально, то есть видимым. С учетом данных исторической этнологии это объясняется в статье как грамматикализованное отражение в языке фундаментальной ментальной оппозиции древнего мифологического типа мышления – оппозиции видимого и невидимого, – что позволяет высказать предположение о том, что сенсорно-эвиденциальные глагольные граммемы являются диахронически ранними эвиденциальными граммемами.

Ключевые слова

грамматикализованная сенсорная эвиденциальность, языки Северной Азии, самодийские и юкагирские языки, оппозиция видимых и невидимых ситуаций

Для цитирования

Ильина Л. А. Грамматикализованная сенсорная эвиденциальность как типологическая особенность языков Северной Азии // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 2 (вып. 40). С. 78–88. DOI 10.25205/2312-6337-2020-2-78-88

© Л. И. Ильина, 2020

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 2 (вып. 40)

Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2020. No. 2 (iss. 40)

Grammaticalized sensory evidence as typological peculiarity of the North Asian languages

L. A. Ilyina

Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The paper defines a semantic zone of non-visual sensory evidence, grammaticalized in the verbal system, as “sensory evidence.” Sensory evidence grammaticalized in the verbal system is rare in contemporary languages. It is likely to be found in languages that are or were used in the recent past traditional cultures of ancient origin. Many Eurasian languages have evidential grammatical verbal forms, with most not having sensory evidential forms. Such verbal forms were known as auditive in Eurasia only in four Samoyedic languages: Nenets, Enets, Nganasan, and Selkup. Recently, the traditional Yukaghir folklore archaic texts collected by V. I. Jochelson in the late 19th – early 20th centuries revealed similar grammatical and semantic analog of Samoyedic auditive, suggesting sensory evidential verbal grammemes to be more widespread in the past in the languages of aboriginal Northern Asia peoples, in diachronic retrospective. Our main goal was to identify the inter-disciplinary evidence of diachronically earlier communicative functions and meanings of Northern Asian sensory evidential verbal forms. These functions and meanings are most informatively presented in the archaic texts of Nenets traditional folklore, especially shaman songs and heroic epos. The paper proves basic semantics of the Northern Samoyedic sensory evidential grammemes to refer to the auditive perception of non-visible situations (events). Thus, non-visible events were opposed grammatically to visual situations by verbal forms concerned. Considering historical ethnology data in an interdisciplinary way, the author explains the fact above as a grammaticalized language replica of fundamental mental opposition of ancient mythological thinking – the opposition of visible and non-visible situations.

Keywords

grammaticalized sensory evidence, Northern Asia languages, Samoyedic and Yukaghir languages, opposition of visible and non-visible situations

For citation

Ilyina L. A. Grammatikalizovannaya sensornaya evidentsial’nost’ kak tipologicheskaya osobennost’ yazykov Severnoy Azii [Grammaticalized sensory evidence as typological peculiarity of the North Asian languages]. *Yazyki i fol’klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2020, no. 2 (iss. 40), pp. 78–88. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2020-2-78-88

Термином «сенсорная эвиденциальность» в современной зарубежной и отечественной лингво-типологической литературе, посвященной категории эвиденциальности, в настоящее время принято обозначать семантическую зону незрительной чувственной засвидетельствованности. То есть содержание понятия «сенсорная эвиденциальность» включает указания на все чувственные источники информации говорящего о сообщаемой ситуации, кроме зрительных, «визуальных». Например, на слуховое восприятие ситуации, осязание, обоняние, внутренние ощущения и другие незрительные чувственные источники информации. Такое понимание сенсорной эвиденциальности представлено, например, в авторитетных лингво-типологических работах А. Ю. Айхенвальд [Aikhenvald, 2004] и В. А. Плуногьяна [Плуногьян, 2000; 2011]. В этих работах, как и в данной статье, речь идет не вообще о семантике сенсорной эвиденциальности, а о ее грамматикализованности в ряде языков мира, причем грамматикализованности в их глагольных системах. В этих языках существуют особые глагольные формы со специальными морфологическими показателями, выражающими сенсорно-эвиденциальные значения. Данные сенсорно-эвиденциальные глагольные формы выполняют в предложении синтаксическую роль сказуемого. Вследствие этого указание на незрительные чувственные источники информации является в таких языках грамматически обязательным в определенных типичных коммуникативных актах.

Примеры таких типичных актов речевой коммуникации, выявленные нами на материале североазиатских языков, представлены ниже. Эти примеры призваны проиллюстрировать, что сенсорно-

эвиденциальные глагольные формы, обозначенные в статье принятым в самодистике термином «аудитив», грамматически выделяют в сообщениях невидимые референтные ситуации.

Особенно рельефно грамматическое выделение невидимых ситуаций иллюстрируется примерами (1) – (14). Эти примеры из языка традиционного фольклора ненцев, в котором такие акты речевой коммуникации документированы наиболее информативно.

1. Данные ненецкого языка. Варианты показателя ненецкого аудитива: =во'=(=мо'=); =вон'=(=мон'=); =вано'=(=мано'=) =ванон'=(=манон'=). Грамматикализованная в данных показателях сенсорно-эвиденциальная семантика переведена нами приблизительным русским лексическим эквивалентом =слышно=.

1.1. Персонаж, находящийся внутри чума, сообщает о невидимой ситуации, происходящей снаружи, вне чума.

(1) нен.

...šib̄ ʃiēē ʒq̄w̄t̄ mākk̄q̄d̄ j̄iñš̄l'ē. p̄iχiññe š̄id'e ʒāš̄q̄β̄β̄p̄tō=β̄β̄q̄nōn=ɟi''(подъехать=AUD=3DU).

...horcht der Siebenklafter-Ostjake vom Zelte aus: **man hört**, dass auf den Hof zwei Männer **gekommen sind** (Lehtisalo, 1947, s. 87) 'Высокорослый чужеземец из чума **слышит**: снаружи два ненца **подъехали=слышно**.'

(2) нен.

Мят' тю. ... Амды, атена. **Намдорпата** хибява мят' **то=ванон=да** (прийти=AUD=3SG). **Намдорпата** ламбида **ека=вон=да** (снять=AUD=3SG) 'Вошла в чум. ... Сидит, ждет. **Слышит**, кто-то к чуму **подошел, слышит**, лыжи снял.' (Ненецкий фольклор, 1960, с. 68–69; 73)

'В чум вошла. ... Сидит, ждет. **Слышит**: кто-то к чуму **подошел=слышно, слышит**: лыжи **снял=слышно**.'

(3) нен.

Сэлха ңацекэ мяд' **хынамза=ванон=да** (причитать=AUD=3SC).

'Светловолосый парень, **слышно, жалобно причитает**, [проходя] по боковой стороне чума.' (Терещенко 1999, с. 60; 71)

'Светловолосый парень, [проходя] по боковой стороне чума, **жалобно причитает=слышно**.'

(4) нен.

Пихи – пихиня Нохо ңацекы-ңацекы **то=вон=да** (приехать=AUD=3SG).

'На улице (букв.: на уличной улице) Мальчик из рода Нохо, **слыхать, приехал**.' (Терещенко, 1999, с. 192; 205)

'Снаружи (вне чума) Мальчик из рода Нохо **приехал=слышно**.'

(5) нен.

Ю'' Сюдбярка **торха=ванон=до'** (приехать=AUD=3PL), *пихи-пихиня* **ядэсумб=вон=до'** (похаживать=AUD=3PL).

'Десять Полувеликанистых, **слыхать, приехали**, по улице **похаживают**.' (Терещенко, 1999, с. 275; 282)

'Десять Полувеликанистых **приехали=слышно**, снаружи (вне чума) **похаживают=слышно**.'

(6) нен.

Ва'ван ни' хона'мадан эдалёда'е **нулта=воно=да** (остановить=AUD=3SG).

'Когда я улегся на постель, **слышно**, ездук **остановился**.' (Куприянова, 1965, с. 347; 358)

'Когда я улегся на постель, снаружи ездук **остановился=слышно**.'

1.2. Персонаж, находящийся снаружи, вне чума, сообщает о невидимой ситуации, происходящей внутри чума:

(7) нен.

Понггарта Хасава мяд' тю, Мосекор нгани пихиня мэ, мяд' нё' хэвхана, инчиле.

Мякана лахана=вон=ту' (разговаривать=AUD=3PL). *Понггарта Хасава ма=монон=та* (сказать=AUD=3SG): – *Мерку' хэванчъ хамэдад''!*

‘Мужчина-Рыболов вошел в чум, Мосеко же остался снаружи. Он стоит возле входа в чум и **слушает**. В чуме **разговаривают, слышно**, как Мужчина-Рыболов **сказал**: – Быстро приготовься к отъезду!’ (Ненецкий фольклор 1995, с. 41; 50)

‘Мужчина-Рыболов в чум вошел. Мосеко же находится снаружи, возле входа в чум, **слушает**: в чуме **разговаривают=слышно**, Мужчина-рыболов **сказал=слышно**: – Быстрее к отъезду приготовься!’

(8) нен.

Мят' тэвы', инзеле. Мякна пухуця небяда яр=мон=да (плакать=AUD=3SG), *лахана=вон=да* (говорить=AUD=3SG): – *Теда' апаричэ хаим'.*

‘Он подъехал и **слушает**: в чуме **плачет** старушка-мать, она, **слышно, говорит**: – Теперь я осталась одна.’ (Куприянова, 1965, с.180; 188)

‘К чуму подъехал, **слушает**: в чуме старуха-мать **плачет=слышно, говорит=слышно**: – Теперь я осталась одна.’

(9) нен.

Мяд' хазона ти изелем'. Няр' хасава лаханако=вон=до' (разговаривать=AUD=3PL).

‘Вот я **слушаю**, [стоя] около чума. **Слышно, говорят** трое мужчин.’ (Куприянова, 1965, с. 477; 501)

‘Чума около вот **слушаю**: три ненца-мужчины **разговаривают=слышно**.’

(10) нен.

(Лаканакор) Ёнэй манту' мяд' макодан' нгамты'', инчеле: Ёнэй мантор ма=монон=та (сказать=AUD=3SG): – *Неками тован' ни харва''.*

‘Села сказка на верхушку чума среднего энца и **слушает**. Средний энец, **слышно, говорит**: – Мой старший брат не возвращается.’ (Ненецкий фольклор, 1995, с. 107; 109-110)

‘(Сказка) Среднего энца чума на верхушку села, **слушает**: Средний энец **сказал=слышно**: – Мой старший брат не возвращается.’

1.3. Примеры типичных актов речевой коммуникации в сакральной сфере общения.

Шаман в процессе камлания сообщает собравшимся о прибытии и поведении своих невидимых духов-помощников:

(11) нен.

šid'ǰ'e·šib βīδūttaññə·šimsj·pāñtu'' jāmwárìñ'' tǰñtu'' ɣamtǰ·δǰ=ββǰñōñ=tu'' (усаживаться=AUD=3PL)

Zwei(mal) sieben Schneidegeister die šimsj-Zeltstange entlang, wie es sich gehört, hörte man sich setzen. (Lehtisalo, 1947, с. 474)

‘Дважды семь духов вдоль нижнего края симзы (священного шеста чума) **усаживаются=слышно**.’

(12) нен.

šib χārβ ηām̄tl 'ōδǰ' jirīkkōm̄m̄ū'' ɣ'ǰ=ββōñ=tǰ' (прийти=AUD=3 SG).

Den Sitzenden von sieben Lärchenbaumen meinen Grossvater, hörte man kommen. (Lehtisalo, 1947, с. 480)

‘Дух семи лиственниц, мой дедушка, **пришел=слышно**’.

(13) нен.

Jēčēčēi! šiβm'' tōtə mīnl'eì mołkōčānūn šārmān'' žām̄tə=βōn=tə (усаживаться=AUD=3SG).

Siebenflügligen Minlei an die Bindestelle der Rauchöffnung hörte man sich setzen. (Lehtisalo, 1947, с. 531)

‘Семикрылый минлей на шест к дымовому отверстию чума **усаживается=слышно**.’

(14) нен.

Контекст: шаман, камлая, обращается к своему вызванному и прибывшему духу-помощнику, который невидим.

šīβ(ā)m tōta χānawai! tāχəv tād(ā) tō=ββanōn=t (прийти=AUD=2SG).

Siebenflügliger Habicht! Dennoch hörte man dich kommen. (Lehtisalo, 1947, с. 471).

‘Семикрылый ястреб! Все-таки ты **пришел=слышно**.’

Подчеркнем, что в коммуникативных ситуациях шаманского обряда сенсорно-эвиденциальная граммема аудитива указывала на слуховое восприятие только ситуации невидимой, и не на обычное ее слуховое восприятие, а на восприятие сакральное, доступное только чувственной интуиции камлающего шамана.

В других самодийских языках и в юкагирских языках подобные коммуникативные акты документированы значительно менее информативно. Тем не менее, в языке архаичных фольклорных текстов северных, тазовских, селькупов и верхнеколымских юкагиров прослеживается употребление сенсорно-эвиденциальных глагольных граммем и грамматических форм аудитива для выделения невидимых ситуаций. Сообщения о невидимых ситуациях противопоставлялись сообщениям о ситуациях видимых. В них употреблялись в роли сказуемого другие, не сенсорно-эвиденциальные глагольные формы, например, показатель косвенного визуалиса $=(n)t(V)=$ (латентив) в селькупском языке.

2. Данные селькупского языка. Противопоставленность невидимых и видимых ситуаций. Показатель селькупского аудитива: $=kunä=$.

2.1. Употребление селькупского аудитива при указании на невидимую ситуацию:

(15) сельк.

Ukkyr contōqyt pit contyl' kotāqyt aj nil' cyk üntyññyty: aj kos qaj na tū=kunä (прийти=AUD=3SG).

‘Вдруг в полночь опять так (=вот что) **услышал**: опять кто-то **пришел**.’ [Кузнецова и др., 1993, с. 38; 83]

‘Однажды в полночь опять так **слышит**: опять кто-то вот **пришел=слышно**.’

2.2. Употребление селькупского латентива (косвенного визуалиса) при указании на видимую ситуацию. Показатель латентива: $=(n)t(V)=$:

(16) сельк.

(Jca) Mannypaty: naryt qoltōqyt žāt kuralymmy=ntč=tyt (ходить=LAT=3PL).

‘**Смотрит**: на поле тундры олени **ходят**.’ [Кузнецова и др., 1993, с. 13; 52].

‘(Ича – герой мифов) **Смотрит (видит)**: на полосе тундры олени **ходят=видно**.’

3. Данные юкагирского языка. Противопоставленность невидимых и видимых ситуаций. Юкагирский аудитив – аналитическая форма: деепричастие на $(л)lä+ мод= (мэд=)$, восходящий к основе глагола $modi=(мэди)$ – ‘быть слышным’.

(17) юк. к.

Контекст: на спящих юкагиров напали враги. Герой, услышав снаружи крики девушки, входит в жилище и видит реальную ситуацию, ранее воспринятую только на слух.

Móóim – tínätañ márxil órnällä móóič (кричать=AUD=3SG), *júom – nai chánna xóóoi, túdá jondóçäglä túdá-будíä áтахун нугóнä móóm.* (Иохельсон, 1900, с. 139).

‘Слышит, упомянутая девушка **кричит, смотрит**: девушка на спине **лежит**, свое одеяло над собой обеими руками **держит**.’ (Иохельсон, 1900, с. 138–139)

‘Слышит: та (ранее названная) девушка (márxil) **крича-слышна, видит**: молодая женщина (nai) на спине **лежит (это видно)**, свое одеяло над собой двумя руками **держит (это видно)**, в таком положении находясь, **кричит (это видно)**.’

(18) юк. к.

Персонаж воспринимает на слух невидимое событие:

YógitaҒа túdá ämäin mónni: «Ämä, äçä källä móóič (прийти=AUD=3SG), *çúçi móóič.*

‘Ребенок своей матери сказал: «Мама, отец **пришел**, голос его слышен».’ (Иохельсон, 1900, с. 150)

‘Ребенок своей матери сказал: «Мама, отец **пришел=слышно**, голос его слышен».’

Подчеркнем, что базовым значением и самодийского, и юкагирского аудитива является указание на слуховое восприятие невидимой ситуации. Обязательная противопоставленность невидимых и видимых ситуаций была, вероятно, и в языке традиционного фольклора алеутов. В целях констатации очевидных, на наш взгляд, лингво-типологических параллелей с самодийскими и юкагирскими языками приведем языковой материал алеутского фольклорного текста «Женщина-песец», опубликованного В. И. Иохельсоном [Иохельсон, 1934, с. 147–148]. В данном тексте последовательно выделяются невидимые ситуации, установленные фольклорным персонажем только посредством слухового восприятия, то есть аудитивно, также как в самодийских и юкагирских языках. Есть и их противопоставленность ситуациям видимым, установленным посредством зрительного восприятия, то есть визуально.

4. Данные алеутского языка. Противопоставленность невидимых и видимых ситуаций.

(19) алеут.

Aḡalix ‘inakux ‘-ḡan anqaqin tanāqakun tutāqalinax ‘.

‘День когда окончился, (что) люди в селение пришли, (она) **начала слышать**.’ (Иохельсон, 1934, с. 147)

(20) алеут.

...atakun tajaqun qaḡḡadamdin txidin-qujukun tutanax ‘.

‘...те люди, после того как вошли, легли, – **она слышала**.’ (Иохельсон, 1934, с. 147).

(21) алеут.

aḡajax axtxadagim itikux ‘, ukuxtakū, nagwa.

‘Скоро после того как встал, он вышел, **она увидела** вот.’ (Иохельсон, 1934, с. 148)

Важно отметить, что синтаксические конструкции данного алеутского текста – это развернутые инкорпоративные комплексы. Следовательно, в диахронии алеутского языка были, по-видимому, противопоставлены инкорпоративные слова-предложения с эвиденциальными компонентами, указывающие на невидимые или на видимые ситуации.

Грамматически обязательную в ряде языков мира (и языков Северной Азии) противопоставленность чувственно засвидетельствованных невидимых и видимых ситуаций возможно, по нашему мнению, объяснить как отражение системами этих языков в диахронической ретроспективе фундаментальной ментальной оппозиции древнего мифологического типа мышления – оппозиции видимого и невидимого. Это

одна из центральных бинарных оппозиций мифологического типа мышления [Леви-Строс, 1983]. Е. А. Мелетинский в работе «Мифология и фольклор в трудах К. Леви-Строса» подчеркивает: «Анализ Леви-Строса демонстрирует, что мифологическая мысль оперирует обширным набором бинарных оппозиций ... исходным материалом этих бинарных оппозиций служат чувственные свойства, познаваемые пятью органами чувств» [Мелетинский, 1983, с. 504–505]. Это дает основание предполагать, что в аспекте диахронической типологии сенсорно-эвиденциальные глагольные граммы и грамматические формы являются древними по происхождению, диахронически ранними, а возможно, даже и генетически первичными эвиденциальными граммами.

В истории изучения глагольной категории эвиденциальности (или засвидетельствованности) сенсорно-эвиденциальные глагольные формы и граммы описывались преимущественно на материале языков американских индейцев [например: Willett, 1988]. Отметим, что эскимосско-алеутские языки традиция американистики относит к индейским языкам. Поэтому данные об особенностях грамматикализации сенсорной эвиденциальности в эскимосско-алеутских языках важны для межконтинентального лингвотипологического сопоставления языков народов Северной Азии и Северной Америки.

В данной связи весьма интересно, что в шаманских обрядах и самодийские, и юкагирские шаманы употребляли сенсорно-эвиденциальные глагольные формы в сообщениях о действиях своих духов-помощников, которые считались невидимыми.

Вообще же, в современных языках мира грамматикализованная сенсорная эвиденциальность встречается редко и только в тех языках, которые обслуживают или обслуживали в недавнем прошлом традиционные этнические культуры древнего происхождения. Так, во многих языках Евразии имеются эвиденциальные глагольные граммы и грамматические формы. Однако сенсорно-эвиденциальные граммы и грамматические формы в подавляющем большинстве этих языков отсутствуют. До недавнего времени сенсорно-эвиденциальные граммы были известны в Евразии под термином «аудитив» только по материалам четырех самодийских языков: ненецкого, энецкого, нганасанского и селькупского. Но недавно близкий грамматико-семантический аналог самодийского аудитива был выявлен нами в архаичных текстах традиционного юкагирского фольклора, записанных В. И. Иохельсоном в конце XIX – начале XX вв. [Ильина, 2010; 2016]. Это дает основание предполагать, что в прошлом, в диахронической ретроспективе, сенсорно-эвиденциальные граммы были значительно более широко распространены в языках Евразии, в частности, в уральских и алтайских языках.

Модернизация традиционных этнических культур древнего происхождения привела к постепенной утрате мифологического типа мышления с его фундаментальной бинарной оппозицией видимого и невидимого. В результате была утрачена коммуникативная потребность в грамматически обязательном выделении языками невидимых ситуаций. Вследствие этого сенсорно-эвиденциальные глагольные формы либо элиминировались, как, например, аудитив в селькупском языке [Кузнецова и др., 1980, с. 242; 247], либо кардинально изменялись семантически, например, модализовались, утрачивая не только базовые сенсорно-эвиденциальные значения, но и вообще эвиденциальную семантику.

2.2. Употребление селькупского латентива (косвенного визуалиса) при указании на видимую ситуацию. Показатель латентива: $=(n)t(V)=$:

(16) сельк.

(*Jca*) *Mannympaty*: *ńaryt qoltōqyt ǰāt kuralymmy=ntǰ=ɣyt* (ходить=LAT=3PL).

‘Смотрит: на поле тундры олени **ходят**.’ [Кузнецова и др., 1993, с. 13; 52].

‘(Ича – герой мифов) **Смотрит (видит)**: на полосе тундры олени **ходят=видно**.’

3. Данные юкагирского языка. Противопоставленность невидимых и видимых ситуаций. Юкагирский аудитив – аналитическая форма: деепричастие на (л)lä+ мод= (мэд=), восходящий к основе глагола *modi*=(мэди) – ‘быть слышным’.

(17) юк. к.

Контекст: на спящих юкагиров напали враги. Герой, услышав снаружи крики девушки, входит в жилище и видит реальную ситуацию, ранее воспринятую только на слух.

Мбодім – тінатаң мэрхил брнйллэ мбодич (кричать=AUD=3SG), *јуом – пай чанма хбодой, туддэ јондоҕагала туддэ-буддэ атахун нугонэ мбим*. (Иохельсон, 1900, с. 139).

‘Слышит, упомянутая девушка кричит, смотрит: девушка на спине лежит, свое одеяло над собой обеими руками держит.’ (Иохельсон, 1900, с. 138–139)

‘Слышит: та (ранее названная) девушка (мэрхил) крича-слышна, видит: молодая женщина (пай) на спине лежит (это видно), свое одеяло над собой двумя руками держит (это видно), в таком положении находясь, кричит (это видно)’.

(18) юк. к.

Персонаж воспринимает на слух невидимое событие:

Үгитаҕа туддэ амйин монни: «Амэ, ачйя кэлли мбодич (прийти=AUD=3SG), ацуги мбодич.

‘Ребенок своей матери сказал: «Мама, отец пришел, голос его слышен».’ (Иохельсон, 1900, с. 150)

‘Ребенок своей матери сказал: «Мама, отец пришел=слышно, голос его слышен».’

Подчеркнем, что базовым значением и самодийского, и юкагирского аудитива является указание на слуховое восприятие невидимой ситуации. Обязательная противопоставленность невидимых и видимых ситуаций была, вероятно, и в языке традиционного фольклора алеутов. В целях констатации очевидных, на наш взгляд, лингво-типологических параллелей с самодийскими и юкагирскими языками приведем языковой материал алеутского фольклорного текста «Женщина-песец», опубликованного В. И. Иохельсоном [Иохельсон, 1934, с. 147–148]. В данном тексте последовательно выделяются невидимые ситуации, установленные фольклорным персонажем только посредством слухового восприятия, то есть аудитивно, также как в самодийских и юкагирских языках. Есть и их противопоставленность ситуациям видимым, установленным посредством зрительного восприятия, то есть визуально.

4. Данные алеутского языка. Противопоставленность невидимых и видимых ситуаций.

(19) алеут.

Aḡalix ‘ inakux ‘-ḡan anḡaqin tanāḡakun tutāḡalinx ‘.

‘День когда окончился, (что) люди в селение пришли, (она) начала слышать.’ (Иохельсон, 1934, с. 147)

(20) алеут.

atakun tajaḡun ḡaḡḡadamdin txidin-ḡujukun tutanax ‘.

‘...те люди, после того как вошли, легли, – она слышала.’ (Иохельсон, 1934, с.147).

(21) алеут.

Aḡajax axtxadagim itikux ‘, ukuxtakū, nagwa.

‘Скоро после того как встал, он вышел, она увидела вот.’ (Иохельсон, 1934, с. 148)

Важно отметить, что синтаксические конструкции данного алеутского текста – это развернутые инкорпоративные комплексы. Следовательно, в диахронии алеутского языка были, по-видимому, противопоставлены инкорпоративные слова-предложения с эвиденциальными компонентами, указывающие на невидимые или на видимые ситуации.

Грамматически обязательную в ряде языков мира (и языков Северной Азии) противопоставленность чувственно засвидетельствованных невидимых и видимых ситуаций возможно, по нашему мнению, объяснить как отражение системами этих языков в диахронической ретроспективе фундаментальной ментальной оппозиции древнего мифологического типа мышления – оппозиции видимого и невидимого. Это одна из центральных бинарных оппозиций мифологического типа мышления [Леви-Строс, 1983]. Е. А. Мелетинский в работе «Мифология и фольклор в трудах К. Леви-Строса» подчеркивает: «Анализ Леви-Строса демонстрирует, что мифологическая мысль оперирует обширным набором бинарных оппозиций ... исходным материалом этих бинарных оппозиций служат чувственные свойства, познаваемые пятью органами чувств» [Мелетинский, 1983, с. 504–505]. Это дает основание предполагать, что в аспекте диахронической типологии сенсорно-эвиденциальные глагольные грамемы и грамматические формы являются древними по происхождению, диахронически ранними, а возможно, даже и генетически первичными эвиденциальными грамеммами.

В истории изучения глагольной категории эвиденциальности (или засвидетельствованности) сенсорно-эвиденциальные глагольные формы и грамемы описывались преимущественно на материале языков американских индейцев, например: [Willett, 1988]. Отметим, что эскимосско-алеутские языки традиция американистики относит к индейским языкам. Поэтому данные об особенностях грамматикализации сенсорной эвиденциальности в эскимосско-алеутских языках важны для межконтинентального лингвотипологического сопоставления языков народов Северной Азии и Северной Америки.

В данной связи весьма интересно, что в шаманских обрядах и самодийские, и юкагирские шаманы употребляли сенсорно-эвиденциальные глагольные формы в сообщениях о действиях своих духов-помощников, которые считались невидимыми.

Вообще же, в современных языках мира грамматикализованная сенсорная эвиденциальность встречается редко и только в тех языках, которые обслуживают или обслуживали в недавнем прошлом традиционные этнические культуры древнего происхождения. Так, во многих языках Евразии имеются эвиденциальные глагольные грамемы и грамматические формы. Однако сенсорно-эвиденциальные грамемы и грамматические формы в подавляющем большинстве этих языков отсутствуют. До недавнего времени сенсорно-эвиденциальные грамемы были известны в Евразии под термином «аудитив» только по материалам четырех самодийских языков: ненецкого, энецкого, нганасанского и селькупского. Но недавно близкий грамматико-семантический аналог самодийского аудитива был выявлен нами в архаичных текстах традиционного юкагирского фольклора, записанных В. И. Иохельсоном в конце XIX – начале XX вв. [Ильина, 2010; 2016]. Это дает основание предполагать, что в прошлом, в диахронической ретроспективе, сенсорно-эвиденциальные грамемы были значительно более широко распространены в языках Евразии, в частности, в уральских и алтайских языках.

Модернизация традиционных этнических культур древнего происхождения привела к постепенной утрате мифологического типа мышления с его фундаментальной бинарной оппозицией видимого и невидимого. В результате была утрачена коммуникативная потребность в грамматически обязательном выделении языками невидимых ситуаций. Вследствие этого сенсорно-эвиденциальные глагольные формы либо элиминировались, как, например, аудитив в селькупском языке [Кузнецова и др., 1980, с. 242; 247], либо кардинально изменялись семантически, например, модализовались, утрачивая не только базовые сенсорно-эвиденциальные значения, но и вообще эвиденциальную семантику.

Список литературы

Ильина Л. А. Самодийская глагольная грамма аудитива и ее юкагирский аналог // Материалы III Междунар. науч. конф. по самодистике. Институт филологии СО РАН, 26–28 октября 2010 г. / Отв. ред. С. И. Буркова. Новосибирск: Любава, 2010. С. 99–106.

Ильина Л. А. К проблеме социокультурной детерминации эвиденциальных граммем и оппозиций в языках Северной Азии // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2016. № 1 (вып. 30). С. 20–29.

Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. СПб.: Изд. Имп. Академии наук, 1900. Ч. 1. 240 с.

Иохельсон В. И. Унанганский (алеутский) язык // Языки и письменность народов Севера. М.; Л.: Госучпедгиз, 1934. Ч. 3. С. 129–148.

Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушикина Е. В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. М.: Наука, 1980. 411 с.

Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Иоффе Л. Ю., Хелимский Е. А. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. М.: Изд-во МГУ, 1993. 196 с.

Куприянова З. Н. Эпические песни ненцев. М.: Наука, 1965. 782 с.

Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1983. 536 с.

Мелетинский Е. М. Мифология и фольклор в трудах К. Леви-Строса // Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1983. С. 467–522.

Ненецкий фольклор. Л.: Госучпедгиз, 1960. 293 с.

Ненецкий фольклор. Мифы, сказки, исторические предания. Красноярск, 1995. 222 с.

Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.

Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 672 с.

Терещенко Н. М. Ненецкий эпос: материалы и исследования по самодийским языкам. Л.: Наука, 1999. 336 с.

Aikhenvald A. Y. Evidentiality. Oxford: Oxford U. Press, 2004.

Lehtisalo T. Yuraksamojedische Volksdichtung. Helsinki, 1947. 615 p.

WilletTh. A cross-linguistic survey of the grammaticization of evidentiality // Studies in Language. 1988, vol. 12, no. 1.

Список условных обозначений и сокращений:

нен. – ненецкий язык; **сельк.** – селькупский язык; **юк. к.** – юкагирский колымский язык; **AUD** – форма аудитива; **1SG** – личный аффикс 1-го лица единственного числа; **2SG** – личный аффикс 2-го лица единственного числа; **3PI** – аффикс 3-го лица множественного числа.

References

Aikhenvald A. Y. *Evidentiality*. Oxford, Oxford U. Press, 2004.

Iokhel'son V. I. *Materialy po izucheniyu yukagirskogo yazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom okruge. Ch. 1* [Materials on the study of the Yukagir language and folklore, collected in the Kolyma district. Pt. 1]. St. Petersburg, Izd. Imp. Akad. nauk, 1900, 240 p. (In Russ.).

Iokhel'son V. I. Unanganskiy (aleutskiy) yazyk [Unangan (Aleut) Language]. In: *Yazyki i pis'mennost' narodov Severa. Ch. 3* [Languages and writing of the peoples of the North. Pt. 3]. Moscow, Leningrad, Gosuchpedgiz, 1934, pp. 129–14. (In Russ.).

Il'ina L. A. Samodiyskaya glagol'naya grammema auditiva i ee yukagirskiy analog [Samoyedic verbal grammeme with auditive meaning and its Youkaghir analogue]. In: *Materialy 3 Mezhdunar. nauch.konf. po samodistike, Institut filologii SO RAN, 26–28 oktyabrya 2010g.* [Materials of the 3rd International conference on Samoyedic Studies, Institute of Philology, SB RAS, 26–28 Oct. 2010.] S. I. Burkova (Ed.). Novosibirsk, 2010, Lyubava, pp. 99–106. (In Russ.).

Il'ina L. A. K probleme sotsiokul'turnoy determinatsii evidencial'nykh grammem i oppozitsiy v yazykakh Severnoy Azii [Towards the problem of socio-cultural determination of evidential grammemes and oppositions in Northern Asian languages]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2016, iss. 30, pp. 21–29. (In Russ.).

- Kupriyanova Z. N. *Epicheskie pesni nentsev* [Epic songs of the Nenets]. Moscow, Nauka, 1965, 782 p. (In Russ.).
- Kuznetsova A. I., Kazakevich O. A., Ioffe L. Yu. Khelimskiy E. A. *Ocherki po sel'kupskomu yazyku. Tazovskiy dialekt* [Essays on the Selkup language. Taz dialect]. Moscow, MSU, 1993, 196 p. (In Russ.).
- Kuznetsova A. I., Khelimskiy E. A., Grushkina E. V. *Ocherki po sel'kupskomu yazyku. Tazovskiy dialekt* [Essays on the Selkup language (Taz dialect)]. Moscow, Nauka, 1980, 411 p. (In Russ.).
- Lehtisalo T. *Juraksamojedische Volksdichtung*. Helsinki, 1947, 615 p.
- Levi-Strauss C. *Strukturnaya antropologiya* [Structural Anthropology]. Moscow, Nauka, 1983, 536 p. (In Russ.).
- Meletinskiy E. M. Mifologiya i fol'klor v trudakh Levi-Strosa [Mythology and Folklore in Levi-Straus's Works]. In: Levi-Strauss C. *Strukturnaya antropologiya* [Structural anthropology]. Moscow, Nauka, 1983, pp. 467–522. (In Russ.).
- Nenetskiy fol'klor* [Nenets folklore]. Leningrad, Uchpedgiz, 1960, 293 p. (In Russ.).
- Nenetskiy fol'klor. Mify, skazki, istoricheskie predaniya* [Nenets folklore. Myths, tales, historical legends]. Krasnoyarsk, 1995, 222 pp. (In Russ.).
- Plungyan V. A. *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku* [General morphology: An introduction into problem issues]. Moscow, Editorial URSS, 2000, 384 p. (In Russ.).
- Plungyan V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [The introduction into grammatical systems of the world's languages]. Moscow, RSUH, 2011, 672 p. (In Russ.).
- Tereshchenko N. M. *Nenetskiy epos. Materialy i issledovaniya po samodiyskim yazykam* [Nenets epos. Materials and Research in of the Samoyedic language]. Leningrad, Nauka, 1990, 336 p. (In Russ.).
- Willet Th. A cross-linguistic survey of the grammaticization of evidentiality. *Studies in Language*. 1988, vol. 12, no. 1.

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
08.09.2020

Сведения об авторе

Ильина Людмила Алексеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)
E-mail: Ludil60@mail.ru
ORCID 0000-0002-3469-9353

Information about the Author

Ludmila A. Ilyina – Candidate of Philology, Senior Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
E-mail: Ludil60@mail.ru
ORCID 0000-0002-3469-9353

УДК 811.512.15+81'366.59
DOI 10.25205/2312-6337-2020-2-89-97

Условное наклонение в чалканском языке

Н. Н. Федина

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

Условное наклонение в чалканском языке выражается аффиксом =за (=зы) и может образовываться двумя путями: 1) простым (форма на =за присоединяется к основе простого глагола); 2) аналитическим (основной глагол оформляется разными временными формами, а в качестве вспомогательного глагола используется глагол пол= 'быть' в форме условного наклонения на =за). Глаголы в данной форме могут выступать в роли финитного сказуемого простого предложения и сказуемого зависимой части сложного предложения. Показатель условного наклонения при глаголе в функции финитного сказуемого простого предложения может иметь семантику желания совершить действие, но, как правило, совершение определенного действия остается лишь желанием, а иногда сожалением о невозможности достижения действия. Глаголы в форме условного наклонения в роли сказуемого зависимой части сложного предложения несут семантику условности совершения действия. С помощью формы на =за выражается альтернатива совершения действия.

Ключевые слова

чалканский язык, условное наклонение, аффикс =за, морфемы, глагол.

Для цитирования

Федина Н. Н. Условное наклонение в чалканском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 2 (вып. 40). С. 89–97. DOI 10.25205/2312-6337-2020-2-89-97

The conditional mood in the Chalkan language

N. N. Fedina

Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

This paper describes the conditional mood in the Chalkan language, which is expressed via the affix =za (=zi) and can be formed in two ways: simple one when the =za form is attached to the stem of a simple verb; analytical one when the main verb is formed by various tense forms, and the verb pol= "to be" is used as an auxiliary verb in the form of =za conditional mood. Such verbs may serve as finite predicates in simple sentences and predicates in subordinate clauses in complex sentences. As finite predicates in simple sentences, conditional mood markers may possess the meaning of desire to commit an action. However, the action tends to remain just a desire or regret of failure to perform the action. Verbs in the form of conditional mood as predicates in subordinate clauses in complex sentences express the condition-

© Н. Н. Федина, 2020

ISSN 2312-6337
Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 2 (вып. 40)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2020. No. 2 (iss. 40)

ality of completing the action. If one event takes place, another one may also happen. The =*za* form expresses the alternative ways of completing the action. The negative form of the conditional mood is formed by adding the negative affix =*va* to the verb stem. In analytical verbal constructions, the negative form is added to the main verb, and the personal and conditional affixes are added to the auxiliary verb. Negative verbal constructions in the conditional form as a predicate of the subordinate clauses in complex sentences express the semantics of conditionality. The negative construction denotes the condition. If the action was not committed or is not to be committed, something has to be done to fulfill the condition.

Keywords

Chalkan language, conditional mood, =*za* affix, the verb

For citation

Fedina N. N. Uslovnoe naklonenie v chalkanskom jazyke [The conditional mood in the Chalkan language]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2020, no. 2 (iss. 40), pp. 89–97. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2020-2-89-97

Условное наклонение выражает модальное значение «условности действия в составе условного периода» [Грамматика современного якутского..., 1982, с. 325]. Форму на =*ca* называют и условно-временным наклонением, и условным, и деепричастным, и просто формой на =*ca*. [Черемисина, 2004, с. 176]. В чалканском, как и в других тюркских языках, условное наклонение имеет показатели =*ca* // =*cy* // =*ce*, =*za* // =*zy* // =*ze*, которые присоединяются к основе глагола, после них следуют аффиксы лица.

Сопоставление материалов Н. А. Баскакова, который для чалканского языка показателем условного наклонения определил формы: =*ca* // =*ce*, =*za* // =*ze* [Баскаков, 1985, с. 78], и современных полевых записей позволят утверждать, что за последние 80 лет показатель условного наклонения претерпел лишь фонетические изменения. В таблице 1 представлена парадигма спряжения глагола *par*= ‘идти’ в условном наклонении.

Таблица 1
Table 1

Глагол *par*= ‘идти’ в положительной форме условного наклонения
The verb *par*= ‘go’ in the positive form of the conditional mood

Число Лицо	Ед. ч.	Мн. ч.
1	<i>мен par=zy=m</i> ‘если я пойду’	<i>ныс par=zy=c / par=zy=выс</i> ‘если мы пойдем’
2	<i>сен par=zy=n</i> ‘если ты пойдешь’	<i>слер par=za-p</i> ‘если вы пойдете’
3	<i>ол par=zy</i> ‘если он пойдет’	<i>улар par=zy / par=zy=лыр</i> ‘если они пойдут’

Форма условного наклонения может образовываться двумя способами: 1) синтетическим (форма на =*zy* присоединяется к основе глагола); 2) аналитическим (основной глагол оформляется разными временными показателями, а в качестве вспомогательного глагола используется глагол *пол*= ‘быть’ в форме условного наклонения на =*zy*).

Отрицательная форма образуется при помощи присоединения к основе глагола аффикса отрицания =*va* (или его фонетических вариантов), после которого следуют аффиксы условного наклонения и лица: *мен par=вы=zy=m* ‘если я не пойду’; *сен par=вы=zy=n* ‘если ты не пойдешь’ (ПМ Фединой: Анкетирование, 2008). Например:

(1) «*Ан сен орысты унапсын алтайны унапсын, шалгануне унапсын, сен аны эт=пы=зе-г кем аны эдыр эн?*» – *теп айтыт*

ан	сен	орыс=ты	уна-п-сын	алтай=ны	уна-п-сын		
потом	ты	русский=ACC	знать=CV-PRES.2SG	алтайский=ACC	знать=CV-PRES.2SG		
шалгану=не		уна-п-сын	сен	а-ны	эт=пы=зе-г	кем	а-ны
чалканский=ACC		знать=CV-PRES.2SG	ты	он-ACC	делать=NEG=COND-2SG	кто	он-ACC
эд=ыр	эн	теп	ай(т-ып,↓)-тыт				
делать=PrP	Q	CONJ	говорить.CV-AUX:лежать.PRES				

‘«И потом, ты знаешь русский, алтайский, чалканский, **если ты не будешь** это делать, кто будет делать?» – так говорит’ [Федина, Широбокова, 2019, с. 111].

В таблице 2 приведена парадигма спряжения глагола *пар*= ‘идти’ в отрицательной форме условного наклонения.

Таблица 2
Table 2

Глагол *пар*= ‘идти’ в отрицательной форме условного наклонения
The verb *par*= ‘go’ in the negative form of the conditional mood

Число Лицо	Ед. ч.	Мн. ч.
1	<i>мен пар=вы=зы-м</i> ‘если я не пойду’	<i>ныс пар=вы=зы-с</i> ‘если мы не пойдем’
2	<i>сен пар=вы=зын</i> ‘если ты не пойдешь’	<i>слер пар=вы=за-р</i> ‘если вы не пойдете’
3	<i>ол пар=вы=зы</i> ‘если он не пойдет’	<i>улар пар=вы=зы=∅ // =лыр</i> ‘если они не пойдут’

В глагольной аналитической конструкции, выражающей семантику условия, аффикс отрицания присоединяется к основному глаголу, а аффиксы условного наклонения и лица – к вспомогательному.

Глагол в форме условного наклонения может выступать в роли финитного сказуемого простого предложения и сказуемого в зависимой части сложного предложения.

Форма =зы как форма финитного сказуемого

В функции финитного сказуемого форма на =за (=зы) может выражать значение желания.

Глагол в форме условного наклонения в роли финитного сказуемого:

(2) *Сен ана парзын.*

сен ана пар=зы-н
ты туда идти=COND-2SG
‘Если бы ты туда пошел.’

В примере (2) глагол *пар*= ‘идти’ стоит в форме условного наклонения, омонимичной форме повелительного наклонения 2-го лица ед. ч., т.е. данное предложение без контекста может быть понято как ‘Ты иди туда’:

(3) *Сен ана парзын.*

сен ана пар=зын.
ты туда идти=IMP.2SG
‘Ты иди туда.’

В чалканском языке глагольные словоформы претерпевают процессы стяжения. В результате сохраняются только корневые морфемы и личный показатель, что приводит к образованию в языке различных

омографов. В результате процессов стяжения образовались омографы в разных временных полях, определить, к какому времени или к какому наклонению относится та или иная форма, можно только по контексту [Федина, Широбокова, 2019, с. 145].

Аналитическая конструкция со вспомогательным глаголом в форме *пол*= ‘быть’ в форме условного наклонения на *=за* (*=зы*) в роли финитного сказуемого:

(4) *Мен ана паргым ползым.*

мен ана пар=гым пол=зы=м
я туда идти=PP.1SG быть=COND=1SG
‘Если бы я туда пошел.’

В примере (4) аналитическая конструкция *паргым ползым* ‘если бы я пошел’ со вспомогательным глаголом в форме условного наклонения выражает значение желания или сожаления о невозможности совершить действие. При этом основной глагол стоит в форме прошедшего времени на *=ган*, которая указывает на то, что действие уже невозможно совершить. Основной глагол может иметь или не иметь личные показатели, но вспомогательный глагол всегда оформлен аффиксами лица, например:

мен пар-гын // =гы-м пол-зы-м ‘если бы я пошел’;
сен кап=кын // кы-н пол=зы-н ‘если бы ты держал, поймал, ловил’.

Все приведенные примеры показывают, что форма условного наклонения при глаголе в финитной функции передает значение желания совершить какое-либо действие, но совершение действия уже невозможно. Такое же значение несет форма условного наклонения *=за* в алтайском языке. В алтайском языке форма на *=за*, присоединяясь к глаголу в функции финитного сказуемого в составе простого предложения, выражает значение сильного желания, которое часто невозможно осуществить [Тазранова, 2019, с. 67].

Форма на *=зы* как форма сказуемого в зависимой части сложного предложения

В чалканском языке форма на *=зы* в инфинитной позиции выражает условно-временное значение, где основной глагол стоит в причастной форме, а вспомогательный глагол – в форме на *=зы*.

Условные предложения выражают такие отношения между двумя событиями, когда одно из них, названное зависимой частью, представляется необходимым условием для совершения другого, названного главной частью. Суть условных отношений заключается в том, что условные предложения всегда альтернативны (Если А, то В или если не А, то не В) [Черемисина, 2004, с. 771].

Л. А. Шамина отмечает, что условие – это отношение между двумя событиями, связанными во времени, но при этом первое событие мыслится еще не происшедшим. При этом оно может быть представлено как возможное или невозможное, желательное или нежелательное. Возможны две формы представления условного значения, относящегося к будущему: вероятное (выражается реальной условной конструкцией) и предположительное условие (нереальной условной конструкцией) [Шамина, 2010, с. 162]. Предложения реального условия характеризуются тем, что в их зависимой части говорится о событии, которое мыслится как потенциальное, реально осуществимое и способное вызвать то следствие, которое названо главной частью, т.е. предполагается возможность выбора, альтернатива [Тажигаева, 2001, с. 202].

Настоящее время условного наклонения в чалканском языке образуется при помощи основного глагола в форме настоящего времени на *=ын тьат* и вспомогательного глагола *пол*= ‘быть’ с аффиксом условного наклонения и лица. Основной глагол может употребляться с показателем лица и без него, например:

(5) *Мен партын // ым ползым, сен тьў эдре парырзын эн?*

мен пар=тын // =т-ым пол=зы-м сен тьў эд-ре пар=ыр=зын эн
я идти=PRES/-1SG AUX:быть=COND=1SG ты что делать=INF идти=PrP=2SG Q
‘Если я иду, ты зачем пойдешь?’ (ПМ Фединой: Анкетирование, 2008).

Прошедшее время условного наклонения образуется сочетанием основного глагола в форме причастия на =гын // =кын и вспомогательного глагола пол= в условной форме с показателем лица.

(6) По киноны **кӧргын** // =гын **ползын** тьӱ эдре катып кӧрсын эн?

по кино=ны кӧр=гын // =гы-н пол=зы-н тьӱ эд-ре
 это кино=ACC смотреть=PP-2SG AUX:быть=COND=2SG что делать=INF
 катып кӧр=сын эн
 снова смотреть=2SG Q

‘Если ты видел это кино, зачем заново его смотришь?’ (ПМ Феединой: Анкетирование, 2008).

(7) Унна-н пол=зы=м канду ол ар иш анду эрте

знать-PP AUX:быть=COND=1SG какой он тяжелый работа такой рано
 ада=м=ға блӧн кожо шав=ыра суран=мас э=де=м
 отец=POSS.1SG=DAT трава вместе косить=INF просить=CV.NEG AUX:быть=PAST=1SG

‘Если бы знала, что такая сложная работа, так рано не просилась бы с отцом косить траву!!!’ [Языки и фольклор... 2020, с. 169]

(8) Ол **якшы** ньеме **полгон** **ползы**, **пийақ** жоқ полор эде.

ол **якшы** ньеме пол=гон пол=зы пий-ақ жоқ пол=ор эде
 он хороший вещь быть=PP быть=COND тогда-тоже нет быть=PrP бы

‘Если бы эта вещь была хорошая (полезная), сразу бы её не стало.’ [Языки и фольклор..., 2020, с. 163].

Семантика условного наклонения может выражаться сочетанием основного глагола в форме несовершенного действия на =гылак и вспомогательного глагола пол= ‘быть’ с аффиксами условного наклонения и лица:

(9) Мен узга **паргылак** **ползым**, менде ищ кӧп пор.

мен уғ=за пар=гылак пол=зым мен=де ищ кӧп пор
 я дом=LAT идти=PP AUX:быть=COND=1SG я=DAT работа много наверное

‘Если я не пошел домой, наверное, у меня много работы.’

(10) Сен по киноны **кӧргылек** **ползын**, **кӧрзын**

сен по кино=ны кӧр=гылек пол=зы=н кӧр=зын
 ты это кино=ACC смотреть=PP AUX:быть=COND=2SG смотреть=IMP.2SG

‘Если ты еще не видел это кино, то посмотри’ (ПМ Феединой: Анкетирование, 2008).

Условное наклонение может образовываться при помощи показателя будущего времени на =ар и вспомогательного глагола пол= ‘быть’, к которому присоединяются показатель условного наклонения и аффикс лица. Основной глагол в условном наклонении будущего времени выступает всегда без показателя лица, на лицо указывает лишь вспомогательный глагол, например:

(11) Сен узга **ньаныр** **ползын**, мены айдал.

сен узга ньан=ыр пол=зы-н мен-ы айд-ал
 ты дом=LAT возвращаться=PrP AUX:быть=COND=2SG я-ACC звать.CV-брать.IMP.2SG

‘Если ты будешь возвращаться домой, позови меня’ (ПМ Феединой: Анкетирование, 2010).

В отличие от формы будущего времени, следующие две формы на =атан и =ырат в составе условной конструкции могут употребляться с личными показателями и без них.

(12) *Сен угза ньан=ытын // =ытыг ползыг, мены айдал.*

сен угза ньан=ытын // =ытын пол=зы-н мен-ы айд-ал
ты дом=LAT возвращаться=PART // PART.2SG AUX:быть=COND=2SG я-ACC звать.CV, брать.IMP.2SG
'Если ты будешь возвращаться домой, позови меня' (ПМ Феединой: Анкетирование, 2010).

(13) *Сен угза ньан=ырат=ын // =ырат=ын ползыг, мены айдал.*

сен угза ньан=ырат=ын // =ырат=ын пол=зы-н мен-ы
ты дом=LAT возвращаться=PP=POSS.3SG // PP=POSS.2SG AUX:быть=COND=2SG я-ACC
айд-ал
звать.CV-брать.IMP.2SG

'Если ты собираешься (хочешь) возвращаться домой, позови меня' (ПМ Феединой: Анкетирование, 2010).

В (11), (12) и (13) примерах небольшое различие в семантике данных аналитических конструкций со вспомогательным глаголом в форме условного наклонения. В (11) примере семантика условного совершения действия в будущем, в (12) примере к семантике условного совершения действия в будущем присоединяется семантика уже известного факта, что действие должно совершиться, в (13) примере к семантике будущего времени прибавляется семантика уже решенного намерения и желания совершить действие.

Кроме того, семантика условного наклонения выражается сочетанием основного глагола, оформленного аффиксом предположительного наклонения на =гадык и вспомогательного глагола пол= 'быть' в форме условного наклонения с аффиксом лица. При употреблении глагола в форме предположительного наклонения в комбинации со вспомогательным глаголом пол= в форме условного наклонения предложение передает значение желания совершить действие в условном периоде, например:

(14) *Письмо щийгедык ползе, эмеле пар щийзын.*

письмо щий=гедык пол=зе эмеле пар щий=зын
писать=ASSUM AUX:быть=COND сейчас идти писать=IMP.2SG

'Если хочет написать письмо, то пусть прямо сейчас идет и пишет' (ПМ Феединой: Анкетирование, 2008).

Приведенные выше примеры аналитических конструкций со вспомогательным глаголом в форме условного наклонения в роли сказуемого в зависимой части сложного предложения имеют семантику условия. В каждом предложении выражена альтернатива совершения того или иного действия.

Форма на =са в тюркских языках Южной Сибири может передавать недифференцированное условно-временное значение. Формально одна и та же конструкция может оцениваться то как временная, то как условная [Структурные типы..., 1986, с. 157]. В чалканском, как и в других близкородственных тюркских языках, возможно употребление формы на =за чисто во временном значении. Например:

(15) *Мен школ парзым, анде палырле туштажырым.*

мен школ пар=зы-м анде пал-ыр-ле туштаж=ыр=ым
я школа идти=COND-1SG там ребенок-PL-INSTR встречаться=PrP=1SG

'Когда я приду в школу, там встречу с ребятами.'

Глагольная аналитическая конструкция в отрицательной форме условного наклонения в настоящем, прошедшем и будущем времени оформляется следующим образом: аффикс отрицания присоединяется к основному глаголу, а аффиксы условного наклонения и лица – к вспомогательному. Основной глагол в настоящем времени на =ын тьат и прошедшем времени на =ган в отрицательной форме может употребляться с показателем лица и без него.

Пример глагольной аналитической конструкции в отрицательной форме условного наклонения в настоящем времени на =ын тьат:

(16) *Сен по тьиглектырны кавыр=ви=т-ын // -ын пол=зы-н, мен кавырарым.*

сен по тьиглек=тыр=ны кавыр=ви=т-ын // -ын пол=зы-н мен

ты это ягода=PL=ACC собирать=NEG=PRES-POSS.3SG // -POSS.2SG AUX:быть=COND-2SG я
 кавыр=ар=ым
 собирать=PrP=1SG
 ‘Если ты не собираешь эти ягоды, то я соберу.’

Примеры глагольной аналитической конструкции в отрицательной форме условного наклонения в прошедшем времени на =ган:

(17) Пузацтыр угза ньан=ма-н // -ныр пол=зы=лыр, пар уларны тавалыр.

пузац=тыр уг=за ньан=ма-н // -ныр пол=зы=лыр пар
 теленок=PL дом=LAT возвращаться=NEG-PP // -PP.3PL AUX:быть=COND=PL идти.IMP
 улар=ны тав(ып↓)-ал=ыр
 они=ACC находить.(CV↓)-AUX:брать=PrP
 ‘Если телята не возвратились домой, идите их найдите.’

(18) Мен таштырны таш=па-н // -м пол=зы-м, мены мактир эдыр.

мен таш=тыр=ны таш=па-н // -м пол=зы-м мен-ы макти-р э=дыр
 я камень=PL=ACC таскать=NEG-PP // -PP.1SG AUX:быть=COND=1SG я-ACC ругать-PrP быть=PL
 ‘Если бы я не таскал камни, меня бы ругали.’

Пример глагольной аналитической конструкции в отрицательной форме условного наклонения в будущем времени на =ар:

(19) Паларын ёлён щап=ыс пол=зы=лыр, угде ицтезыныр.

пал-ар=ын ёлён щап=ыс пол=зы=лыр уг=де ицте=зын=ыр
 ребенок-PL=POSS.2SG трава косить=NEG.PrP AUX:быть=COND=3PL дом=LOC работать=IMP=PL
 ‘Если (твой) дети не будут косить сено, пусть дома работают.’ (ПМ Феединой: Анкетирование, 2008).

Отрицательная семантика условного наклонения выражается аналитической конструкцией, где основной глагол выступает в форме предположительного наклонения с аффиксом отрицания, а вспомогательный глагол принимает аффикс условного наклонения и лица:

(20) Ташкынде ылентын нымыщтырны кавыр=вадык пол=зын, улар шуликарлыр.

ташкы=н=де ылен=тын нымыщ=тыр=ны кавыр=вадык пол=зы-н
 улица=POSS.3SG=DAT висеть=PART вещь=PL=ACC собирать=NEG.PART AUX:быть=COND=2SG
 улар шули(ып↓)-к(ал)-ар=лыр
 они мокнуть(CV↓)-AUX:оставаться-PrP=3PL
 ‘Если ты не хочешь собрать вещи, висающие на улице, то они промокнут’ (ПМ Феединой: Анкетирование, 2008).

Таким образом, в чалканском языке форма условного наклонения =за может образовываться синтетическим и аналитическим путем. Как форма финитного сказуемого в простом предложении форма условного наклонения имеет значение желания совершить действие, но достижение этого желания, как правило, ирреально. Как форма сказуемого зависимой части сложного предложения форма условного наклонения может передавать условные, условно-временные и чисто временные отношения.

Список литературы

Баскаков Н. А. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалект лебединских татар-чалканцев (куу – киж). М.: Наука, 1985. 233 с.

- Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. М., 1982.
- Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем. Новосибирск: Наука, 1986. 319 с.
- Тажигаева С. Ж. Каузальные полипредикативные конструкции казахского языка (сопоставительный аспект). Новосибирск, 2001. 271 с.
- Тазранова А. Р. Форма на =за в алтайском языке // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 9: Филология. С. 65–77.
- Федина Н. Н., Ширококова Н. Н. Фонетические и морфологические особенности чалканского языка. Новосибирск: Академиздат, 2019. 188 с.
- Черемисина М. И. Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск: Наука, 2004. 895 с.
- Шамина Л. А. Аналитические грамматические формы и конструкции в функции сказуемого в тувинском языке. Новосибирск, 2010. 240 с.
- Языки и фольклор народов Сибири и Дальнего Востока в рукописных текстах середины XX – начала XXI века / Отв. ред. Т. А. Голованева, Н. Н. Федина. Новосибирск: Гео, 2020. 448 с.

Список условных обозначений

1 – 1-е лицо ('я', 'мы'); **2** – 2-е лицо ('ты', 'вы'); **3** – 3-е л. ('он', 'она', 'оно', 'они'); **ACC** – винительный падеж; **ASSUM**– предположительное наклонение; **AUX**– вспомогательный глагол; **COND** –условное наклонение; **IMP** – повелительное наклонение; **INF** – инфинитив; **INSTR** – орудный падеж; **LAT** – направительный падеж; **NEG** – отрицательная форма; **PART** – причастие; **PL** – множественное число; **POSS** – посессивный показатель; **PP** –причастие прошедшего времени; **PRES** – форма настоящего времени; **PrP** – форма причастия настояще-будущего времени на =ap; **Q** – вопросительная частица; **SG** – единственное число; **CV** – деепричастная форма; **ПМ** – полевые материалы Н. Н. Фединой (2008–2020).

References

- Baskakov N. A. *Severnye dialekty altayskogo (oyrotskogo) yazyka. Dialekt lebedinskikh tatar-chalkantsev (kuu – kizhi)* [Northern dialects of the Altai (Ourot) language. Dialect of Lebedin Chalkan Tatars (Kuu-Kyzy)]. Moscow, Nauka, 1985, 233 p. (In Russ.).
- Cheremisina M. I. *Teoreticheskie problemy sintaksisa i leksikologii yazykov raznykh sistem* [Theoretical problems of syntax and lexicology of languages of different systems]. Novosibirsk, Nauka, 2004, 896 p. (in Russ.).
- Fedina N. N., Shirobokova N. N. *Foneticheskie i morfologicheskie osobennosti chalkanskogo yazyka* [Phonetic and Morphological Traits of the Chalkan Language]. Novosibirsk, Akademizdat, 2019, 188 p. (in Russ.).
- Grammatika sovremennogo yakutskogo literaturnogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Grammar of the modern Yakut literary language. Phonetics and morphology]. Moscow, 1982. (In Russ.).
- Shamina L. A. *Analiticheskie grammaticheskie formy i konstruksii v funktsii skazuemogo v tuvinskom yazyke* [Analytical grammatical forms and constructions in the predicate function in the Tuvan language]. Novosibirsk, 2010, 240 p. (in Russ.).
- Strukturnye tipy sinteticheskikh polipredikativnykh konstruksiy v yazykakh raznykh sistem* [Structural types of synthetic polypredicative constructions in languages of different systems.]. Novosibirsk, Nauka, 1986, 319 p. (In Russ.).
- Tazhibaeva S. Zh. *Kauzal'nye polipredikativnye konstruksii kazakhskogo yazyka (sopostavitel'nyy aspekt)* [Causal polypredicative constructions of the Kazakh language (comparative aspect)]. Novosibirsk, 2001, 271 p. (in Russ.).
- Tazranova A. R. Forma na =za v altayskom yazyke [The Form with =ZA in the Altai Language]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: "History and Philology"*. 2019, vol. 18, no. 9: Philology, pp. 65–77. (In Russ.).
- Yazyki i fol'klor narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka v rukopisnykh tekstakh serediny 20 – nachala 21 veka* [Languages and folklore of the peoples of Siberia and the Far East in handwritten texts of the middle 20th – early 21st centuries]. T. A. Golovaneva, N. N. Fedina (Eds.). Novosibirsk, Academic Publ. "Geo", 2020, 448 p. (in Russ.).

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
09.12.2020*

Сведения об авторе

Федина Наталья Никитовна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)
E-mail: natfedina@yandex.ru
ORCID 0000-0003-3769-6139
ResearcherID: K-6610-2017

Information about the Author

Natalya N. Fedina – Candidate of Philology, Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
E-mail: natfedina@yandex.ru
ORCID 0000-0003-3769-6139
ResearcherID: K-6610-2017

ЛЕКСИКОЛОГИЯ

УДК 811.512.141'373.45

DOI 10.25205/2312-6337-2020-2-98-105

Русские лексические заимствования в южном диалекте башкирского языка

Ф. Г. Хисамитдинова

Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, Уфа, Российская Федерация

Аннотация

Статья посвящена русизмам в южном диалекте башкирского языка. Прилагаются образцы бытовой лексики, распространенные в южных районах Башкортостана, башкироязычных районах Оренбургской, Самарской и Саратовской областей России. В большинстве статей по русским заимствованиям не только башкирского, но и других тюркских языков, русизмы по диалектам и говорам не представлены. Между тем, изучение русизмов по диалектам и говорам может пролить свет не только на диалектную лексикологию, но и историю формирования лексических, фонетических и грамматических особенностей того или иного тюркского языка. В этом плане не составляет исключения башкирский язык, в диалектах и говорах которого русизмы составляют довольно солидную группу.

Изучение русизмов по диалектам и говорам тюркских языков, в том числе и башкирского, актуально и для диалектологии русского языка, т.к. эти данные важны для определения хронологии отдельных заимствований.

Ключевые слова

башкирский язык, южный диалект башкирского языка, русские заимствования, бытовая лексика, лексема

Для цитирования

Хисамитдинова Ф. Г. Русские лексические заимствования в южном диалекте башкирского языка // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 2 (вып. 40). С. 98–105. DOI 10.25205/2312-6337-2020-2-98-105

Russian lexical borrowings in the southern dialect of the Bashkir language

F. G. Khisamitdinova

Institute of History, Language and Literature UFRC RAS, Ufa, Russian Federation

Abstract

The issues of Russian lexical borrowings (rusisms) in the Bashkir language dialects and subdialects have not been addressed yet. Dictionaries and monographs on the Bashkir language dialects and subdialects describe specific dialectal loanwords without providing a dialectal analysis of loanwords and the specific features of their adaptation and functioning in the Bashkir language dialects and subdialects. Meanwhile, studying rusisms in dialects and subdialects can elucidate both the dialectal lexicology and the formation history of the lexical, phonetic, and grammatical features of a particular Turkic language. Investigating rusisms in dialects and subdialects of Turkic languages, including Bashkir, is also relevant for the Russian language dialectology: the chronology of individual borrowings. It is worth studying the Bashkir language southern dialect widespread in the southern regions of modern Bashkortostan, Bashkir-speaking regions of Orenburg, Samara, and Saratov regions of Russia. Historically located in the very

© Ф. Г. Хисамитдинова, 2020

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 2 (вып. 40)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2020. No. 2 (iss. 40)

center of the Orenburg province, this territory bordered the provincial city of Orenburg and by the late 18th and early 19th centuries became one of the administrative, political, economic, and trade centers. It was then that Russian loanwords and lexemes of European languages began to actively penetrate the Bashkir dialects. These borrowings constitute a considerable group, thematically related to household, administrative and managerial, military-marching, and agricultural spheres. All rusisms underwent adaptation to the norms of the Bashkir language Southern dialect, e.g., Russian lexemes with hard-row vowels in the southern dialect have front-row vowels. South Russian dialects are considered the dominant source of the Bashkir language southern dialect lexical borrowings.

Keywords

Bashkir language, Southern dialect of the Bashkir language, Russian borrowings, household vocabulary, lexeme

For citation

Khisamitdinova F. G. Russkie leksicheskie zaimstvovaniya v yuzhnom dialekte bashkirskogo yazyka [Russian lexical borrowings in the southern dialect of the Bashkir language]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2020, no. 2 (iss. 40), pp. 98–105. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2020-2-98-105

Для башкирского языкознания проблема башкирско-русских контактов не нова. Языковеды разных поколений обращались к тем или иным аспектам данной проблемы. Не осталось в стороне изучение русских заимствований в башкирском языке [Дмитриев, 1962; Терегулова, 1957; Киекбаев, 1966; Халикова, 1990; Закирьянов, 2002 и др.]. В работах указанных авторов рассматривались вопросы хронологии, тематические группы, проблемы адаптации русских заимствований и др. К сожалению, ни в работах старшего поколения, ни молодыми учеными не рассматривались вопросы исследования русизмов в диалектах и говорах башкирского языка. Безусловно, в диалектных словарях, монографиях по диалектам и говорам башкирского языка нашли отражение отдельные диалектные заимствования. В частности, в монографиях Н. Х. Максютовой, С. Ф. Миржановой, М. И. Дильмухаметова даны отдельные заимствования из русского языка [Максютова, 1976; Миржанова, 1979, 1991; Дильмухаметов, 2006 и др.]. Однако в указанных и других работах башкирских языковедов отсутствует анализ русизмов по говорам, не указывается специфика заимствований, особенности их адаптации, функционирования в диалектах и говорах башкирского языка. В целом в большинстве статей по русским заимствованиям не только башкирского, но и других тюркских языков, русизмы по диалектам и говорам не представлены. Между тем изучение русизмов по диалектам и говорам может пролить свет не только на диалектную лексикологию, но и историю формирования лексических, фонетических и грамматических особенностей того или иного тюркского языка. В этом плане не составляет исключения башкирский язык, в диалектах и говорах которого русизмы составляют довольно солидную группу.

Изучение русизмов по диалектам и говорам тюркских языков, в том числе и башкирского, актуально и для диалектологии русского языка, т.к. эти данные важны для определения хронологии отдельных заимствований.

В связи с изложенным актуальность изучения русских заимствований в диалектах и говорах башкирского языка не вызывает сомнения. В этом плане, на наш взгляд, интересен южный диалект башкирского языка, распространенный в южных районах современного Башкортостана, башкирорязичных районах Оренбургской, Самарской и Саратовской областей России. Данная территория, исторически расположенная в самом центре Оренбургской губернии, примыкала к губернскому городу Оренбургу, который к концу XVIII – началу XIX в. стал одним из административных, политических, экономических, торговых центров не только в губернии, но и России в целом.

Башкирское население региона жило в Оренбургском, Стерлитамакском, Верхнеуральском уездах Оренбургской, позднее и Уфимской губерний. Часть носителей южного диалекта позднее входила в состав Самарской губернии. Кроме башкир, в регионе проживали в основном яицкие и оренбургские казаки, калмыки, казахи, русские государственные и помещичьи русские крестьяне. До середины XVIII в. население региона было немногочисленным и составляли его в основном башкиры. Однако с конца XVIII в. начинается массовое переселение в край русского, украинского и новокрещенного поволжского финноугорского населения. В этих условиях контакты местного и пришлого населения становятся более интенсивными. Начинается крестьянская колонизация башкирских земель, появля-

ются поселения, заводы, фабрики, растет торговля. Безусловно, в сложившейся ситуации возрастает роль административного управления Оренбургским краем [Злобин, Поляков, 2006]. Что же касается башкир, то для них усиление административного управления, безусловно, было связано и с введением кантонной системы (1798-1865). Изложенные факты не могли не отразиться в этнокультурных и этноязыковых контактах башкир с пришлым русским и другим населением края. Именно в эти годы в башкирские говоры начинают активно проникать русские заимствования и лексемы европейских языков через русский.

С конца XVIII – начала XIX в. русские заимствования входят в язык башкир не только через русских крестьян-соседей, но и в результате служб башкирского населения в Башкиро-мещеряцком войске, участия башкир в войнах России, торгово-меновых операций на торгах в базарах и ярмарках, расширения государственно-чиновничьего аппарата, открытия русско-башкирских школ, которые в XIX в. были довольно популярными в Уфимской и Оренбургской губерниях. Изложенные факты обусловили заимствование в говоры южных башкир не только бытовой, но и военной, торговой, административно-управленческой и др. лексики из русского и европейских языков. Об этом свидетельствуют письменные памятники того времени. В качестве примера можно привести, во-первых, шежере южных башкир и различные акты документы XVIII–XIX вв. башкир в архивах Москвы, Уфы, Оренбурга и др. городов. Судя по исследованиям Р. Х. Халиковой, в указанных документах, кроме бытовой лексики, обнаруживаются названия, связанные с административным делением России того времени. Ср.: *губирнэ* ‘губерния’, *кантун* ‘кантон’, *булыс* ‘волость’, *укрык* ‘округ’, *уйыз* ‘уезд’ и др. Из названий лиц административно-управленческого аппарата в документах нашли отражение такие лексемы, как *кэнсэлэр* ‘канцелярия’, *испрауник* ‘исправник’, *намисник* ‘наместник’ и др. Кроме них, в документах зафиксированы термины *староста* (*Азнайга старосталык бирде*) ‘Азнаю дали должность старосты’ [Кузеев, 1960, с. 29]; *кеназ* (*Мин кеназ Янбакты яздым*) ‘Я, князь Янбакты, написал’ [Кузеев, 1960, с. 51]; *старшина* (*Иван Грозныйдан старшиналык алмыш*) ‘от Ивана Грозного получил должность старшины’ [Кузеев, 1960, с. 94] и др.

Из наименований различных деловых бумаг XVIII–XIX вв. в документах встречаются *рапурт* ‘рапорт’, *грамыт* ‘грамота’, *дагавур* ‘договор’, *кенэгэ* ‘книга’ и др.

В документах имеются заимствования, связанные с сельскохозяйственным производством (*нариз* ‘нарез’, *атвут* ‘отвод’, *барана* ‘борона’, *зимләмир* ‘землемер’, *абрук* ‘оброк’); военная терминология (*балкауник* ‘полковник’, *эфисэр* ‘офицер’, *бахут* ‘поход’, *майур* ‘майор’, *камандир* ‘командир’) и др. [Халикова, 1990, с. 64–66]. Безусловно, многие вышеприведенные лексемы не ограничиваются только говорами южного диалекта, но вошли в разговорный язык башкир и других регионов. В качестве примера можно привести такие широко распространенные слова, как *кэнсэ*, *кантун*, *зимләмир*, *майур* и др. Отдельные лексемы как устаревшие сегодня вошли в состав историзмов башкирского языка. Ср.: *правинсэ* ‘провинция’, как название административно-территориального деления; *өйэз / уйыз* ‘уезд’, *губирнэ кэнсэлэре* ‘губернская канцелярия’, *булыс* ‘волость’ и др. Часть заимствований XVIII в. употребляется в соответствии с нормами современного башкирского языка. Ср.: *бушта* и *почта*, *грамут* – *грамота*, *дагавур* – *договор*, *эфисэр* – *офицер*, *буп* – *поп* и др.

Из письменных источников XIX в. по русским и европейским заимствованиям башкирского языка следуют отметить работы ученого, чиновника, носителя южного диалекта М. И. Уметбаева (1841–1907). В его трудах, особенно публицистике, нашло отражение огромное число русизмов и заимствований из европейских языков. В частности, только в его статье «Йәмғиэт тәртиптәре» (1898 г.) зафиксированы русизмы: *аренда*, *староста*, *старшина*, *власть*, *Положение*, *кантон начальнигы*, *десятина*, *приговор*, *ужым*, *крэстиэндэр*, *судья*, *дачалар* (земельные), *ревизия*, *закон*, *расписка*, *сумма*, *община*, *партия*, *Европа*, *кадет корпусы*, *эскадрон*, *ситса*, *көришәк*, *ялыу*, *розга*, *опека*, *рус*, *Европа культураһы*, *миссионерлык*, *рус грамотаһы*, *рецепт*, *межсалау* и др. [Өмөтбаев, 1983, 89–94 бб.]. Приведенные примеры из статьи М. И. Уметбаева 1898 г. свидетельствуют о широком проникновении в письменный язык башкир как русской, так и европейской лексики.

Безусловно, письменный язык, язык грамотной части народа отличался от языка остального башкирского населения. В разговорном языке, говорах и диалектах башкирского языка того времени русизмов, конечно, было гораздо меньше. К тому же заимствования обычно адаптировались и принимали фонетический облик, близкий к тому или иному диалекту и говору фонетический облик.

Об этом свидетельствуют диалектные словари башкирского языка. В частности, во втором томе словаря башкирских диалектов, относящемся к южному диалекту, содержащем 8990 слов, зафиксировано 359 русских заимствований и лексем из европейских языков, которые подчинены фонетическим особенностям южного диалекта и его говоров [Башкорт, 1970].

Русские заимствования словаря в тематическом плане в основном относятся к бытовой, административно-управленческой, военно-походной и сельскохозяйственной сферам. В настоящей статье мы рассмотрим только бытовую лексику южного диалекта.

Лексемы, связанные с бытовой сферой, включают в себя названия одежды, тканей и украшений, посуды и другой утвари, пищи и пищевых продуктов, дома и домашних построек, а также метрологию и др. Судя по словарю, лексемы, связанные с одеждой, тканями, украшениями, представлены самыми разными вариантами. В частности, для обозначения оборки женского платья в башкирских диалектах и говорах употребляется множество лексем. Ср.: *балитэк, кыршау, катмар, йәрпесәк, йәлтесәк, йәмерей, йәперей, йапырык*. Кроме исконных названий, для обозначения оборки в башкирских говорах участвуют и заимствования. Ср.: *абырка / абурка / аберкә / әберкә* (дем.); *әберкә / әверкә / әуркә* (сред.); *үберкә* (ик-сакм.), лит. *балитэк* ‘оборка’ [Башкорт, 1970, 326 б.]. Следует отметить, что лексема *оборка* в различных фонетических вариантах зафиксирована и в говорах восточного диалекта. Ср.: *убырка / убурка / обурка* (арг., сал.) [Башкорт, 1967].

Приведенные выше варианты наименования части платья восходят к русской лексеме *оборка*, которая в свою очередь происходит от общеславянского *обора* ‘обшивка со складками’, завязка, веревка ← **obvara* ← **obvoriti* ‘завязывать, закреплять, закрывать’, кстати того же корня, что и слова веревка, свора, отворить и т.д. Кроме этого, в русских говорах лексема *оборка* обнаруживается также в значении ‘кайма’; ср. также: *оборень* ‘дырочка в лаптях для продевания веревки’, *оборы* ‘тонкая бечевка’ и др. [Ситникова, 2004].

Интересно отметить, что в говорах южного диалекта башкирского языка в основном зафиксированы заимствования с анлаутными *а* и *э*. Ср.: *абырка, әберкә, абурка, әуркә*. Что же касается заимствований восточного диалекта, то в нем заимствований с анлаутными *а* и *э* не представлено, зато в нем широко употребляются наименования с начальными *у* и *о*. Ср.: *убырка / убурка / обурка* (арг., сал.). Изложенные факты свидетельствуют о том, что с носителями южного и восточного диалектов башкирского языка в указанное время контактировали носители разных диалектных групп русского языка. Если с носителями восточного диалекта башкирского языка общались носители *окающих* русских говоров, то на южный диалект оказали влияние *акающие* московский и южнорусские говоры. Именно поэтому в говорах южного диалекта башкирского языка представлены в основном лексемы с анлаутными *а* и *э*.

Следует отметить еще один интересный факт, связанный с заимствованием лексемы *оборка*. Судя по примерам, в говорах южного диалекта башкирского языка в основном представлены анлаутные переднерядные или мягкорядные варианты заимствованного слова *оборка*. Ср.: *әберкә / әверкә / әуркә* (дем.); *үберкә / үберке* (ик-сакм.). В демском говоре, кроме мягкорядного варианта, как показывают материалы словаря, представлены примеры и с заднерядным или твердорядным *а* в анлауте. Ср.: *абырка, абурка*. Что же касается восточного диалекта, то в нем присутствует только заднерядный анлаутный вариант. Ср.: *убурка, улырка, обурка*. Изложенные факты свидетельствуют о том, что говоры южного и восточного диалектов адаптировали заимствования в соответствии с нормами своей фонетики. Следует отметить, что в ряде кыпчакских и карлукских языков и диалектов отмечено опереднение твердорядных гласных. Ср.: башкирские *асы – әсе* ‘кислый’, *әс* ‘волос’ – *сас* ‘бахрома’, *Әкрам – Акрам* (антропоним) и др. Южный диалект башкирского языка, носители которого в основном имеют кыпчакские корни или связаны с племенами кыпчакской конфедерации, по-видимому, и приобрел эту особенность, относящуюся к опереднению заднерядных гласных. В результате в ряде говоров южного диалекта даже заимствования из других языков, в том числе и из русского, развили переднерядность. Изложенные факты и обусловили появление в говорах южного диалекта вариантов заимствования *оборка* в мягкорядном варианте. И как было показано, только в демском говоре южного диалекта, носители которого в XVI–XVII вв. приняли в свой состав отдельные родоплеменные группы восточных и юго-восточных башкир, носителей восточного

диалекта, зафиксированы как мягкорядные, так и твердорядные варианты русского заимствования оборка. Ср.: *абырка* / *абурка* и *эберкэ*.

Интересный пример заимствования, связанного с товарно-меновыми связями южных башкир, – название украшения башкирских женщин *мәкәрийә* (сурям), который представляет собой мелкий круглый коралл красного цвета [Башкорт, 1970, 179 б.]. По-видимому, появление данной лексемы связано с крупной Макарьевской ярмаркой XVII–XVIII вв., проводимой у Макарьевского монастыря в Нижнем Новгороде, куда южные башкиры ездили торговать. Вероятно, столь популярные до сих пор красные круглые кораллы башкиры покупали именно там. Поэтому в названии коралла *мәкәрийә* нашло отражение наименование Макарьевской ярмарки XVIII в.

Заимствования названий посуды и другой домашней утвари в говорах южного диалекта представлены лексемами *гәришүк* (дем.), *кәришәк* (ик-сакм.), в лит. *кәришәк* ‘горшок’ от русского горшок; *сасалка* (сред.) от чесать, ‘льночесалка’; *кеүәшинә* (сред.), *кеүәшенә* (сурень), лит. *тәпән*; *икмәк күнәге*, от рус. ‘квашня’; *йәмкә* (сред.) ‘совок для угля’, *жәмкә* (сев.-зап.) ‘угольные щипцы’ (клещи), лит. *һоско* от русского *емки* (ухват, рогац, клещи, сковородник, угольные щипцы) или лексемы украинских говоров *емок*, *емки* ‘ухват, рогац, горстка, обхват’ и др. [Ситникова, 2004, Моисеев, 2010].

К заимствованиям, связанным с пищей и пищевыми продуктами, относятся диалектные *бүрәңке* (инз.), *бүрәңе* / *бүрәнке* (сред.), *бүрәңге* (дем.), *бәрәңге* (сакм.) ‘картофель’, лит. *картуф*. Лексема *бәрәңге* зафиксирована в айском и аргаяшском говорах восточного диалекта в том же значении. Данное заимствование восходит к русской диалектной лексеме *паренка* (пареный, парить) в значениях ‘варить’, ‘жарить’.

Литературная форма *картофель* и ее варианты *кәртүк* (ик-сакм.), *кәртүф* (куюр.), *картун* (гайн.), *кәртүк* (миас.), *картуф* (кыз.) также восходят к русскому заимствованию из немецкого и итальянского языков [Шанский, 1971] *картофель* и его разговорным – *картошка*, *картоха* и др.

Нужно отметить и то, что часть заимствований типа *картофель* вошла в разговоры башкирского языка вместе с реалиями. Но некоторые русские заимствования являются одним из вариантов того или иного уже имеющегося у башкир продукта. В качестве примера можно привести лексему *липүшкә* ‘лепешка’, которая в башкирском языке и его диалектах представлена множеством синонимов. Ср.: *йыуаса*, *йәймә*, *маикмәк*, *сәлпәк*, *кәликмәк*, *кәлсә* / *кәлчә*, *кәләчә* и др. Следует отметить, что заимствование *липүшкә* / *ләпүшкә* зафиксировано в инзерском подговоре среднего говора, а также в кубалаякском и миасском говорах восточного диалекта, в которых оно функционирует параллельно с исконной лексемой *йыуаса* ‘лепешка’. Исходя из вышеизложенного, можно говорить о том, что в зоне интенсивных контактов, несмотря на наличие собственных, исконных слов, для этих же реалий появлялись и заимствованные лексемы.

Наименования, связанные с домом и придомовыми постройками, восходящие к русскому языку, в словаре представлены лексемами *келәт* ‘клеть’, *синнек* ‘сени’, ‘мышаник’, ‘омшаник’ и др. В южном диалекте лексема *келәт* в значениях ‘амбар, сени, летний домик, летняя кухня’ зафиксирована в среднем, сакмарском и демском говорах. В лит. языке данная лексема отмечена в значениях ‘амбар, клеть, кладовая’. Из говоров восточного диалекта слово *келәт* зафиксировано в кызылском говоре в значении ‘кладовая, клеть, клетушка в чулане’. Во всех говорах и литературном языке оно восходит к русскому слову *клеть* ‘кладовая при избе или в отдельной постройке для хранения имущества’.

Слово *синнек*, его варианты *синәк*, *синек* зафиксированы во всех говорах южного диалекта в значении ‘сени’. Ср.: *синнек* (сред.) ‘казанка, летняя кухня’, *синнек* / *синәк* (дем., сурян., куюр.) ‘сарай, летний домик, хозяйственная комната, отсек в чулане’; *синек* / *синәк* (сред., ик.) ‘плетеный сарай’, *синәк* (юрм.) ‘ограда для скота, сарай для мелкого скота’, *синек* (сакм.) ‘конюшня, летняя кухня’; *синәк* (инз.) ‘голбец’, в лит. *синнек* ‘летняя кухня во дворе’. В форме *синдек* данное слово имеется в восточном диалекте башкирского языка. Ср.: *синдек* (миас.) ‘место для сена (дровник)’, в айском – ‘полка в кладовке’, кубалаякском – ‘отсек в чулане’, в других говорах восточного диалекта – ‘клеть в чулане’ [Башкорт, 1967; 1970]. Все заимствования восходят к русскому *сени*, *сенцы* ‘помещение между жилой частью дома и крыльцом, используемое в хозяйственных нуждах’, которые в свою очередь связаны с общеславянским *сень* ‘тень, защита, передняя’ [Фасмер, 2004].

Интересным заимствованием из русского языка является в южном диалекте лексема *мышаник* (зил.) ‘утепленное помещение для зимовки пчел’. В литературном башкирском языке и других говорах отмечены слова *умарта базы* и *корт базы* в том же значении. Следует отметить, что в целом бортевая и пчеловодческая терминология в башкирском языке исконная, поэтому в других говорах для обозначения утепленного помещения для зимовки пчел функционируют собственные названия. Что же касается происхождения диалектного термина *мышаник*, видимо, он происходит от русского *омшаник*, который имеет синонимы пчельник, пчелня, пасека и, скорее связан со словом *мох*, т.к. мхом утепляли помещение для пчел.

Заслуживающую внимания группу заимствований составляют в южном диалекте башкирского языка лексемы, относящиеся к народной метрологии. Ср.: *асмуха* ‘осьмушка / восьмушка’, *асминник* ‘осминник’, *сажин* ‘сажень, или мера длины, равная в 2,134 м’. Лексема *асмуха* отмечается в демском, среднем, *эсмуха* – в ик-сакмарском говорах южного диалекта. В литературном языке зафиксирована форма *эсмуха*, в восточном диалекте – *асмуха*, в отдельных говорах северо-западного диалекта – *асмуха*, *эцмуха*, *ацмуха*. Появление заимствованного названия меры веса, видимо, связано с русским *осьмушка / восьмушка*, восьмая часть чего-либо (чая, табака и др.).

Лексема *асминник* имеется в демском и среднем говорах южного диалекта башкирского языка. В Академическом словаре башкирского языка данное слово зафиксировано в форме *эсминник* с пометой устаревшее [Академический словарь..., 2018, с. 331].

Лексема *эсминник* с вариантом *эсминдек* представлена в говорах восточного диалекта. Происхождение башкирских *эсминник*, *эсминдек*, *асминник* восходит, по-видимому, к названию меры земельной площади, равной четверти десятины – *осминник*.

Название меры длины *сажин* ‘длина в 2 шага’ обнаруживается в зилимском подговоре среднего говора. В словаре современного литературного языка отмечен данный термин в форме *сажин* с пометой устаревшее [Академический словарь..., 2015, с. 345]. Термин *сажин* происходит от названия старинной русской меры длины, равной 2,134 м. Лексема *сажень* восходит к общеславянскому *сягати* в значениях ‘достигать’, ‘доставать’. Она связана также с лексемой *недосягаемый*.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

- русские лексические заимствования в южном диалекте башкирского языка составляют довольно солидную группу;
- в тематическом плане они относятся к бытовой, административно-управленческой, военно-походной и сельскохозяйственной сферам;
- все русские лексические заимствования прошли адаптацию в соответствии с нормами южного диалекта башкирского языка. В частности, русские лексемы с твердорядными гласными в южном диалекте представлены с переднерядными гласными. Ср.: *эберкэ* от оборка, *кэртүк* от картофель;
- источником лексических заимствований южного диалекта башкирского языка являются акающие южнорусские говоры (*оборка* → *абырка / эберкэ / эүеркэ*).

Список литературы

- Академический словарь* башкирского языка: В 10 т. Уфа: Китап, 2015. Т. 7. 872 с.
Академический словарь башкирского языка: В 10 т. Уфа: Китап, 2018. Т. 10. 980 с.
Башкорт һөйләштәре һүзлегә. Өфө, 1967. I т. 300 б.
Башкорт һөйләштәре һүзлегә. Көнъяк диалект. Өфө, 1970. II т. 327 б.
Дильмухаметов М. И. Говор среднеуральских башкир. Уфа: Гилем, 2006. 191 с.
Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М.: Изд-во вост. лит., 1962. 607 с.
Закирьянов К. З. Сопоставительная типология русского и башкирского языков. Уфа: РИО БашГУ, 2002. 212 с.
Злобин Н. П., Поляков А. Н. История Оренбургского региона. Оренбург: ГОУ ОГУ, 2006. 256 с.
Киекбаев Ж. Ф. Хәзерге башкорт теленең лексикаһы һәм фразеологияһы. Өфө, 1966.
Кузеев Р. Г. Башкирские шежере. Уфа: Башкнигоиздат, 1960. 304 с.
Максютова Н. Х. Восточный диалект башкирского языка в сравнительно-историческом

освещении. М.: Наука, 1976. 292 с.

Миржанова С. Ф. Южный диалект башкирского языка. М: Наука, 1979. 272 с.

Миржанова С. Ф. Северо-западный диалект башкирского языка. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1991. 295 с.

Моисеев Б. А. Оренбургский областной словарь. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. 191 с.

Өмөтбаев М. Йәдкәр. Шиғырзар, публицистик язмалар, тәржемәләр һ.б. Өфө, 1984. 288 б.

Ситникова А. Этимологический словарь русского языка. Ростов-на-Дону, 2004. 240 с.

Терегулова Р. Н. Русские заимствования в башкирском языке. Уфа: Башкнигоиздат, 1957. 88 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4 т. М.: Адепт: ИДДК ГРУПП, 2004.

1 электрон. опт. диск.

Халикова Р. Х. Язык башкирских шежере и актов документов XVIII–XIX вв. М.: Наука, 1990. 198 с.

Шанский Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. 542 с.

Список сокращений

арг. – аргаяшский говор восточного диалекта башкирского языка

гайн. – гайнинский говор северо-западного диалекта башкирского языка

дем. – демский говор южного диалекта башкирского языка

зил. – зилимский подговор среднего говора южного диалекта башкирского языка

ик. – икский подговор ик-сакмарского говора южного диалекта башкирского языка

ик-сакм. – ик-сакмарский говор южного диалекта башкирского языка

инз. – инзерский подговор среднего говора южного диалекта башкирского языка

куюр. – куюргазинский подговор ик-сакмарского говора южного диалекта башкирского языка

кыз. – кызыльский говор восточного диалекта башкирского языка

лит. – литературный

миас. – миасский говор восточного диалекта башкирского языка

рус. – русский

сакм. – сакмарский подговор ик-сакмарского говора южного диалекта башкирского языка

сал. – сальютский говор восточного диалекта башкирского языка

сев.-зап. – северо-западный диалект башкирского языка

сред. – средний говор южного диалекта башкирского языка

сурян. – сурянский подговор ик-сакмарского говора южного диалекта башкирского языка

юрм. – юрматынский подговор ик-сакмарского говора южного диалекта башкирского языка

References

Akademicheskij slovar' bashkirskogo yazyka: V 10 t. [Academic dictionary of the Bashkir language: In 10 vols]. Ufa, Kitap, 2015, vol. 7. 872 p. (In Russ., in Bash.).

Akademicheskij slovar' bashkirskogo yazyka: V 10 t. [Academic Dictionary of the Bashkir Language: In 10 vols]. Ufa, Kitap, 2018, vol. 10. 980 p. (In Russ., in Bash.).

Bashkort hөylәshtere hыzlege [Dictionary of the Bashkir dialects]. Ufa, 1967, vol. I, 300 p. (In Bash.).

Bashkort hөylәshtere hыzlege. Kөn'yak dialekt [Dictionary of the Bashkir dialects. Southern dialect]. Ufa, 1970, vol. II, 327 p. (In Bash.).

Dilmukhametov M. I. *Govor sredneural'skikh bashkir* [The dialect of middle Ural Bashkirs]. Ufa, Gilem, 2006. 191 p. (In Rus.).

Dmitriev N. K. *Stroy tyurkskikh yazykov* [System of Turkic languages]. Moscow, Izd-vo vost. lit., 1962. 607 p. (In Rus.).

Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language in 4 vols]. Moscow, Adept, IDDK GRUPP, 2004. (In Russ.).

Khalikova R. H. *Yazyk bashkirskikh shezhere i aktovykh dokumentov 18-19 vv.* [Language of Bashkir shezhere and Assembly documents of the 18th-19th centuries]. Moscow, Nauka, 1990. 198 p. (In Russ.).

- Kiyekbayev Zh. G. *Khäzerge bashkort teleneң leksikahy hәм frazeologiyahy* [The Lexicology and Phrasology of the modern Bashkir language]. Ufa, 1966. (In Bash.).
- Kuzeev R. G. *Bashkirskie shezhere* [Bashkir shezheres]. Ufa, Bashknigoizdat, 1960. 304 p. (In Rus.).
- Maksyutova N. H. *Vostochnyy dialekt bashkirskogo yazyka v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii* [The Eastern dialect of the Bashkir language in comparative historical coverage]. Moscow, Nauka, 1976. (In Russ.).
- Mirzhanova S. F. *Yuzhnyy dialekt bashkirskogo yazyka* [Southern dialect of the Bashkir language]. Moscow, Nauka, 1979. 272 p. (In Russ.).
- Mirzhanova S. F. *Severo-zapadnyy dialekt bashkirskogo yazyka* [North-Western dialect of the Bashkir language]. Ufa, Bashk. kn. izd-vo, 1991. 295 p. (In Russ.).
- Moiseev B. A. *Orenburgskiy oblastnoy slovar'* [Orenburg regional dictionary]. Orenburg: Izd-vo OGPU, 2010, 192 p. (In Russ.).
- Shansky N. M. *Kratkiy etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Short etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, Prosveshchenie, 1971, 542 p. (In Russ.).
- Sitnikova A. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Rostov-on-Don, 2004, 240 p. (In Russ.).
- Teregulova R. N. *Russkie zaimstvovaniya v bashkirskom yazyke* [Russian borrowings in the Bashkir language]. Ufa, Bashknigoizdat, 1957. 88 p. (In Russ.).
- Umetbaev M. *Yädkär. Shiäyrzar, publitsistik yazmalar, tärzhemälär* [Yedker. Poems, publicistic notes, translations]. Ufa, 1984, 288 p. (In Bash.).
- Zakiryanov K. Z. *Sopostavitel'naya tipologiya russkogo i bashkirskogo yazykov* [Comparative typology of Russian and Bashkir languages]. Ufa, RIO BashGU, 2002. 212 p. (In Russ.).
- Zlobin N. P., Polyakov A. N. *Istoriya Orenburgskogo regiona* [History of the Orenburg region]. Orenburg, GOU OGU, 2006. (In Russ.).

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
07.08.2020

Сведения об авторах

Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна – доктор филологических наук, научный руководитель Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (Уфа, Россия)
E-mail: hisamitdinova@list.ru
ORCID: 0000-0001-5997-9928
ID scopus: 57192955858

Information about the Author

Khisamitdinova G. Firdaus – Doctor of Philology, Scientific Director of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation)
E-mail: hisamitdinova@list.ru
ORCID: 0000-0001-5997-9928
ID scopus: 57192955858

Лексические репрезентации концепта «Родина» в стихотворных текстах тувинских писателей

А. А. Монгуш, М. В. Бавуу-Сюрюн

Тувинский государственный университет, Кызыл, Россия

Аннотация

Работа посвящена комплексному описанию концепта «Родина» в тувинской языковой картине мира. Она предполагает определение структуры и содержательного наполнения данного концепта, его лексической репрезентации на примере стихотворных произведений тувинских писателей первого и второго поколений в хронологическом срезе. К анализу привлечены материалы тувинских героических сказаний. Они позволяют проследить трансформации при формировании содержания концепта «Родина». Эти изменения обусловлены историческими событиями в жизни тувинского народа, произошедшими в начале XX в. и до распада СССР. Концепт «Родина» в рассматриваемом периоде представлен как большая родина и малая родина, которые репрезентируются топонимами и нарицательными именами существительными. Они в совокупности образуют подвижную структуру ментальности тувинской нации, реагирующую на основные изменения в жизни лингвокультурного сообщества. Релевантность того или иного концептуального признака варьировалась в разные периоды истории тувинского общества.

Ключевые слова

когнитивная лингвистика, тувинский язык, концепт 'Родина', концептуальный признак, семантическая структура, комплексное описание, дистрибуция

Для цитирования

Монгуш А.А., Бавуу-Сюрюн М.В. Лексические репрезентации концепта «Родина» в стихотворных текстах тувинских писателей // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 2 (вып. 40). С. 106–117. DOI 10.25205/2312-6337-2020-2-106-117

Lexical representations of the concept of Motherland in poetic texts of Tuvan writers

A. A. Mongush, M. V. Bavuu-Syuryun

Tuvan State University, Kyzyl, Russian Federation

Abstract

This paper aims to comprehensively describe the concept of Motherland in the Tuvan linguistic worldview. Such a description involves defining the structure and content of this concept, its chronological lexical representation in poetic works of Tuvan writers. Related to the Tuvan linguistic world view, the concept of Motherland is a variant of the universal concept of one's space existing almost in all national world pictures: Motherland is the place of birth of an individual; ancestral motherland-1 is the place of birth of the parents (ancestors) of the individual; ancestral motherland-2 is the place of origin of the people, place of residence, the territory of the tribal group. They are joined by the concept of fatherland, the country of citizenship. The representation core of Motherland is the lexeme *töreen čurt* and related lexemes *töreen čer* "home land," *čer-čurt* "earth-homeland," *ada-čurt* "of the fatherland," *iye-čurt* "motherland," "earth-homeland" *töreen čurt*, characterized by high frequency and minimal dependence on the context. The evolution of the concept of Motherland is distinctly traced in the poems of Tuvan writers of different times in comparison with the oral folk art works, allowing one to trace the content transformations of the concept of Motherland. The period reviewed represents Motherland as "large motherland" and "small motherland" by toponyms and common names. Together, they form a mobile structure of the Tuvan nation mentality, reacting to major

changes in the linguacultural community's life. The relevance of a particular conceptual sign varied in different periods of the Tuvan society's history, demonstrated by the poetic texts of different periods.

Keywords

cognitive linguistics, Tuvan language, concept of Motherland, conceptual feature, semantic structure, complex description, distribution

For citation

Mongush A. A., Bavuu-Syuryun M. V. Leksicheskie reprezentatsii kontsepta "Rodina" v stikhotvornykh tekstakh tuvinskikh pisateley [Lexical representations of the concept of Motherland in poetic texts of Tuvan writers]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2020, no. 2 (iss. 40), pp. 106–117. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2020-2-106-117

Целью данного исследования является комплексное изучение концепта «Родина», его структуры и содержательного наполнения, возможных способов его трансформации на основании анализа семантики языковых репрезентантов данного концепта. Поставленная цель конкретизируется в следующих задачах:

- 1) выявить и проанализировать совокупность лексических средств, репрезентирующих концепт «Родина» в тувинском языке;
- 2) определить ядро и периферию лексических средств репрезентации концепта «Родина» в тувинской языковой картине мира на основе оригинальных стихотворных текстов;
- 3) проследить эволюцию концепта «Родина», обратившись к разновременным корпусам текстов.

Объектом исследования являются лексические репрезентации концепта «Родина» в стихотворных текстах тувинских писателей первого и второго поколений.

Материалом для исследования послужили 387 стихотворных текстов, напечатанных на страницах первых печатных изданий на тувинском языке и первых десяти номеров литературно-художественного альманаха «Улуг-Хем», из личных страниц писателей первого и второго поколений на сайте «Писатели Тувы» (<https://pisатели-tuvy.ru/>).

Актуальность предпринимаемого исследования определяется отсутствием в тувиноведении научных исследований по изучению концептосферы, конкретно – концепта «Родина».

Теоретической базой работы послужили труды отечественных исследователей, посвященные новому в российской лингвистике направлению – когнитивной лингвистике. Особый интерес представляет серия «Антология концептов» под редакцией В. И. Карасика, И. А. Стернина, состоящая из 7 томов. Она является словарем нового типа – концептуарий культурно значимых смыслов, закрепленных в языковом сознании и коммуникативном поведении. В основу книги положены диссертационные исследования, посвященные концептам – сложным ментальным образованиям, воплощенным в различных языковых единицах на материале русского, башкирского, калмыцкого, китайского, английского, немецкого, французского языков [Антология, 2005, с. 3].

Исследователи сходятся в том, что данный концепт представляет собой результат концептуализации индивидом «своего» пространства, места, где живут люди «нашего племени», «нашего рода», «свои», места, где господствует порядок и согласие между людьми, и которое отделяется от того, что вне его, от других мест, где живут «чужие», неизвестные, где наши законы не признаются и где, возможно, законов нет вообще [Степанов, 1997, с. 46].

Анализ языкового материала разных словарей, текстов стихов тувинских поэтов позволил выявить 157 лексических единиц, языковых репрезентантов концепта «Родина», образующих одноименное лексико-семантическое поле, центром которого является лексема *төрээн чурт*. В нем достаточно четко выделяется ядро, которое составляют лексемы *төрээн чер* 'родная земля', *чер-чурт* 'земля-родина', *ада-чурт* 'отечество', *ие-чурт* 'родина-мать', *ие чер* 'мать-земля', *төрээн чурт* 'родина', характеризующиеся высокой частотностью и в минимальной степени зависящие от контекста.

Концепт «Родина», принадлежащий тувинской языковой картине мира, представляет собой вариант универсального концепта «Свое пространство», существующий практически во всех национальных картинах мира):

«родина» – место рождения индивида;

«прародина-1» – место рождения родителей (предков) индивида;

«прародина-2» – место происхождения народа «место жительства. К ним присоединяется понятие «отечество» – страна, гражданином которой является индивид.

Концепты, концептосфера в тувинском языкознании представлена небольшим числом статей, написанных разными авторами. Чаще всего объектом внимания авторов становились концепты «время» и «пространство». Специальное исследование концепта «Природное время» на материале произведения К.Кудажы «Уйгу чок Улуг-Хем» была предпринята Ш. Ю. Кужугет [Кужугет, 2015].

Л. К. Хертек был проанализирован концепт «мать» как отдельный фрагмент картины мира в тувинском эпическом тексте. Ею рассматриваются значения слов «ие» и «ава», особенности их семантической структуры, коннотации, синтагматические связи, выполняемая синтаксическая функция, вхождение в состав устойчивых выражений [Хертек, 2015, с. 341–342]. Она также исследовала специфику восприятия и вербальной репрезентации концепта «пространство» в эпической картине мира, провела анализ семантики языковых единиц, объективирующих концепт «пространство». Ею отмечается, что концепт «пространство» как особый тип этнокультурного концепта отражает национально-культурную и аксиологическую специфику эпической картины мира [Хертек, 2018, с. 402–403].

Способы выражения пространства на материале отдельных эпических сказаний были объектом исследования в статьях А. Б. Хертек [2015], В. С. Ондар [2016]. В работе А. Б. Хертек отмечено, что пространство в фольклорных текстах тувинского языка имеет горизонтальную и вертикальную плоскости, которые пересекаются в одной точке, представляя трехмерное образование [2015, с. 326–329]. Анализируя именные лексемы с пространственной семантикой в тексте героического сказания «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей», В. С. Ондар отмечает, что в нём особое место занимают такие элементы ландшафта, как горы, реки, степи, тайга. Они свидетельствуют о значимости данных компонентов ландшафта в жизнедеятельности героев эпоса, они являются ключевыми фрагментами действительности [Ондар, 2016, с. 129].

Из краткого обзора видно, что концепт «Родина» ещё не был предметом специального исследования тувинистов. Поскольку тувинский язык является младописьменным (письменность была создана в 1930 г.), материалы тувинского фольклора становятся тем источником, к которому можно апеллировать при установлении путей расширения или сужения структуры концепта «Родина». Эволюция содержания концепта «Родина» особенно четко прослеживается по стихотворениям тувинских писателей разных времен в сопоставлении с произведениями устного народного творчества.

Для анализа мы привлекли 2 наиболее известных текста тувинских героических сказаний. В тексте «Алдай-Буучу» [1993] всего 27 упоминаний со словом *чурт*, из них 5 в составе сложного слова *аал-чурт ээлээр* ‘оставаться хозяином, сторожить **стойбище**’, 3 – *чер-чурт эжелээр* ‘страну, **земли** завоевать’, 1 раз встречается *оран-чурт* ‘родина, родная сторона’.

В тексте «Бокту-Кириш, Бора-Шээлей» в исполнении Иргита Ширинена [Бокту-Кириш, Бора-Шээлей, 1995] 45 упоминаний слова *чурт*, из них 10 в составе сложного слова *аал-чурт*, 16 – *чер-чурт*; *оран-чурт* отсутствует.

Слово *чурт* в сказаниях обозначает территорию родо-племенной группы: *Кайы чурттуң албатызының оолдары силер?* [Бокту-Кириш, Бора-Шээлей, 1995, с. 14] ‘Детьми гражданина какой страны являетесь?’; *Бис болза, бир чурттан / Мынчап, азып-тенип келген болгай бис. Улуг хаанның чуртунга келгештиң / Маңа кээп чурттаан улус болгай бис.* [Там же, с. 20] ‘Мы пришли из другой стороны, заблудившись. Придя на стойбище великого хана, стали здесь жить’. В данном случае слово *чурт* мы перевели как ‘сторона, стойбище’, имея ввиду территорию, принадлежащую предводителю родо-племенной группы. Он назван в тексте как *хаан* ‘царь, вождь’, впрочем как и во всех сказках. Реально под словом *чурт* имеется ввиду территория обитания родоплеменной группы, которая состоит из стойбищ членов родоплеменной группы, охотничьих угодий и пастбищ, принадлежащих им. В следующей фразе слово *чурт* понимается именно как стойбище: *Чурт солувас болза, кайын болур, оглум* [Там же, с. 21] ‘Нужно поменять стойбище, сынок’.

В этих же текстах противопоставление *свое* и *чужое*, как правило, определяется через принадлежность к конкретному лицу, то есть к главному герою. Границы этой территории определяются фразами: *Чиңге-Кара-Хемни эжелей чурттаан* ‘живущий, занимая (русло реки) Чиңге-Кара-Хем’. Чужую территорию репрезентируют в сочетании со словом *кижи* ‘человек’: *Сен кижжи*

чуртунга келгештиң... [Бокту-Кириш, Бора-Шээлей, 1995, с. 21] ‘Ты, придя на чужую сторону (родину) (букв.: ты, человека родину (сторону) придя)’; *Кижичурту кадыг, / Киштиң черикадыр* [Там же, с. 59] ‘Чужая сторона сурова, / место (обитания) соболя крутое’.

Территорию проживания, стойбище предводителя племени:

Күскү чурт=у=н күзүрүм баскан, / Часкы чурт=у=н чаптан сиген баскан [Там же, с. 199] ‘Осеннее стойбище бурьян покрыл, / Весеннее стойбище полынь покрыла’. В данном примере из текста сказания использованы словосочетания *күскү чурт* ‘осеннее стойбище’, *часкы чурт* ‘весеннее стойбище’, где слово *чурт* реализует значение ‘территория сезонной стоянки’; а зависимые слова конкретизируют время года. Именно прилагательные *күскү* ‘осенний’, *часкы* ‘весенний’ дают возможность определить лексико-семантический вариант лексемы *чурт*.

В следующем примере используются производные от основы *чурт*: *чурт=та=ан, чурт=туг, аал-чурт=уң*. Форма *чурт=та=ан* состоит из основы *чурт=*, словообразовательного аффикса *=та*, аффикса причастия *=ган*. Как правило, причастие на *=ган* выражает признак действия в прошлом, но в данном случае оно обозначает статическое состояние. Относительное прилагательное *чурт=туг* передает значение ‘имеющий, обладающий своей землей’. Сложное слово *аал-чурт* обозначает ‘место жительства, место стоянки’. Таким образом, можно заключить, что в данном фрагменте фольклорного текста слово *чурт* реализует значение ‘территория стоянки, стойбища с сезонными пастбищами’.

Широкий контекст, в котором функционирует слово *чурт*, позволяет определить лексико-семантические варианты этой лексемы. Анализ дистрибуции показывает интересный случай управления: глагол *чуртта=* ‘жить’, производный от *чурт*, не является переходным и не может управлять винительным падежом, но в тексте сказания он управляет винительным падежом: *Сарыг-Хем=ни чуртта=ан* ‘живущий на Сарыг-Хеме (букв.: Сарыг-Хем=Вин.п. живущий). Сохраняя семантику конструкции и соответствующие позиции, можно предположить первоначально *Сарыг-Хем=ни чурт кылган* ‘Сделал Сарыг-Хем местом стоянки’. То есть глагол *чурттаар* мог иметь значение ‘сделать местом жительства’ и сохранил своё глагольное управление. В значении *чуртта=* ‘жить’ глагол управляет локальными (местным или дательным) падежами в зависимости от временной формы [Пальмбах, Исаков, 1961, с. 128; Хертек, 2013, с. 150–151]. При переводе фольклорных текстов на русский язык, безусловно, нужно исходить из контекста.

Родоплеменная группа в сочетании со словом *аал* ‘отдельная территория, где стоят юрты одной семьи или близких родственников, имеются хозяйственные постройки и ограждения или помещения для скота’ в тексте сказаний в сочетании с глаголом *көжөр* ‘кочевать’ понимается как ‘кочующая семья со скотом и скарбом’: *Аал-чурту көшкен-дүшкен турганнар* [Бокту-Кириш, Бора-Шээлей, 1995, с. 207] ‘Аал со всем хозяйством переезжал’.

Кстати сказать, в толковом словаре значится ААЛ. I. 1. *Чаңгыс азы элээн каш өгден, оларның малының кажсаа-хораазындан тургустунган улус чурттаар чер* – аал. – Селение, состоящее из одной или нескольких юрт и помещений для скота. 2. *Көдээ суур*. – Деревня, хутор. 3. *Аңгы-аңгы өглер, өг-бүлелер, чаңгыс өг*. — Отдельные юрты (юрта), семьи. ◊ Аал ишти. 1) *өгнүң эр азы херээжен ээзи, ашаа азы кадайы* – муж или жена. 2) *аалда бүгү кижилер* – все люди аала (селения). ... *аал ишти чурттаар. Кандыг-бир тодаргай санныг өг-бүле чурттаар, ... квартиралыг (бажың)*. – Имеющий (столько-то) квартир, ... квартирный (о доме). Аал коданы. *Аалдын турар чери, девискээри*. – Территория аала, селения. Аал кожа. *Аалы-биле кожа турар*. – Соседний. Аал малы. *Азырал амытаннар*. – Домашние животные. Аал ээзи. 1) *шоод*. аалдан үнмес кижичи – домосед. 2) *аалда эң улуг назылыг кижичи* – самый старший человек в аале. 3) *шаж*. бук – дух, домовый. [Толковый словарь..., 2003, с. 36].

Аал-чурт и парные слова компонентом *аал* и *чурт* в словаре толкуются следующим образом:

ААЛ-ЧУРТ [-ь]. 1. *Кижиниң аалы, чурттап турар чери*. – Местожительство. 2. *Өөнүң ишти, өг-бүлөзи*. – Семья, члены семьи.

ААЛ-ОРАН. *Өг, бажың, чурттаар чер*. – Юрта, дом, местожительство.

Очень редко встречается сложное слово *оран-чурт*. В современном тувинском языке слово *оран*, как правило, передает значение: ОРАН-ЧУРТ. *Чер, чурт, төрээн чурт*. – Страна, земля, родина. [Толковый словарь..., 2011, с. 461].

Приведем примеры из фольклорных текстов: *Алды адашкы оран-чуртунга / Көжүп кээп хонуп алгаи, / Чишин чире, / Оюн оя чурттап-ла турган.* [Бокту-Кириш, Бора-Шээлей, 1995, с. 207] ‘Вшестером отец с сыновьями на свою родину/ перекочевав,/ углубляя ложбины,/ прорезая лощинки/ стали жить’; *Устүү оранда үш дээрниң кырында / Ол үш хаанның аал оранынга / Адыг-тудуг, адаан-мөөрей болур* [Там же, с. 76] ‘В верхнем мире в трех небесах / на родине этих трёх каганов / состоится схватка-борьба, состязание будет’.

К сожалению, толковый словарь тувинского языка вышел в двух томах и заканчивается на букве «С», в связи с чем толкование значений слов *чер*, *чурт* не представляется показать в полном объеме. Тувинско-русский словарь переводит следующие значения слов. Рассмотрим их по отдельности. Слово *чер* переводится в следующих значениях:

чер 1. 1) земля; суша // земной, земляной, земельный; *чер ажылы* земледелие; *чер ажылдыглар* земледельцы; *чер ажылының чепсектери* земледельческие орудия; *чер казыкчызы* землекоп; *чер эдилели* землевладение; *чер ажыглалы* землепользование; *чер хемчекчизи* землемер; *чер шимчээшкини* землетрясение; *чер шала* земляной пол; *чер иитиниң сулары* подземные (грунтовые воды); 2) место, местность, сторона, край;

төрээн чери 1. место рождения, родной край; *өске чер* чужая сторона; 2. как вспомогательное слово употребляется для образования имен существительных, обозначающих какой-л. пункт, предприятие, учреждение; *албан чери* учреждение; *ном үндүрер чер* книгоиздательство; *баштаар чер* правление; ... [Тувинско-русский словарь, 1968, с. 528]

Как видно, в сочетании со словом *төрээн* ‘родной’ (причастная форма на =ган глагола *төрү* = ‘плодить, родиться’ [Там же, с. 420] слово *чер* обозначает место рождения, что в прямом переводе обозначает также понятие ‘родная земля’. По нашим наблюдениям для обозначения места рождения, как правило, используют форму на =ган глагола *төрү* с основой от возвратного залога – *төрү-ттунген*, и существительного *чер*, которое оформляется аффиксом принадлежности 3-го лица =и > *чер=и* в целом сочетание выглядит как *төрү=ттун=ген чер=и* ‘место рождения’. Кроме этого тувинцы говорят *төрүттүнген*, *төк дүшкен чери* ‘место рождения, где стукнулся, выпал’, отделяя это понятие от понятия о малой родине *төрээн чер* ‘место, где вырос, возмужал; родная земля’. У современных тувинцев замечается такая тенденция, когда родными местами признаются малая родина родителей. Например, родился, вырос и живёт в Кызыле – *төрүттүнген*, *төк дүшкен чери* – Кызыл ‘место рождения Кызыл’, но своей малой родиной – *төрээн черим* – может назвать и Самагалтай, Ийи-Тал, Хайыракан, то есть это может быть как район, так и отдельно взятый населенный пункт. Таким образом, в языковой картине мира тувинцев выражения *төрүттүнген*, *төк дүшкен чери* обозначает место рождения, а сочетание *төрээн чер* понимается как ‘место, где вырос, возмужал; родная земля’ малая родина, причем они могут как совпадать, так и не совпадать.

В свое время М. В. Бавуу-Сюрюн слово *чер* отнесла к синсемантическим словам, которые конкретизируют свое значение в зависимости от дистрибуции [1988, с. 15]. В сочетании *чер чурт* данное слово обозначает малую родину, а в другой последовательности *чурт чер*, где главное слово *чер*, зависимое – *чурт*, обозначает место, где обычно устраивают стойбище.

Таким образом, производные от слова *аал*, *чер*, *чурт* вербализуют концепт «Родина» в равной мере.

Концепт «Родина» в произведениях тувинских писателей разных времен отличается разными красками, оттенками. В них есть основное ядро, не подверженное различным политическим установкам и вмешательствам. Наблюдается также некоторый пласт, который трудно однозначно оценить и который воспринимается как нечто политизированное, он может определяться настроениями, существовавшими в то время. Эти пласты отражают те исторические вехи в жизни тувинского народа, которые оставили глубокий след в его жизни. Кратко остановимся на них.

Первый период приходится на начало XX в. В 1921 г. была провозглашена Тувинская Народная Республика, которая в 1944 г. стала частью СССР на правах автономной области, а с 1964 г. – автономной советской социалистической республики. Ориентация на СССР в политической жизни, принятие революции – вехи новой жизни коренного населения Тувы, кочевников Центральной Азии. Одновременно культурная революция, принятие тувинской письменности на латинской графической основе в 1930 г. дали возможность возникновения нового явления в духовной жизни тувинского народа – ху-

дожественной литературы на родном языке. Понятно, что первые ее шаги становления ярко окрашены мотивами революционных идей преобразования Тувы, свободы.

Стихотворение В. Көк-оола «Чуртум бо-дур» («Вот она, страна моя»), ставшее песней *Ават ыскаш ынак curtum* («Как мама моя, любимая страна моя»).

Curtum po tur («Вот она, страна моя»)

Тувинский текст
Sagъs-setkil corgaar curtum
Sajaan polgaş tañđым po tur.
Ават ыскаш ынак curtum
Am-taa ulam telgerezin.

перевод
 Душой свободная страна-моя,
 Саяны и Танды – вот они.
 Как мама, любимая страна моя
 Пусть и дальше здравствует!

[Revolustun xereli, 1941, с. 28].

Союз Советских Социалистических Республик стал для молодой Тувинской Народной Республики не просто северным соседом, провозгласившим социалистический путь развития, но и центром новой формации, объединившей в своем составе многонациональный народ. Соседи скреплены не только смежной территорией, хозяйственно-экономическими связями, но и идеологией нового времени. Союз представляется как старший брат в большой семье, гарант безопасности, свободы, благополучия его младшего брата – Тувинской Народной Республики: *чурт улуг, күштүг* «страна большая, сильная». Его отеческая забота выражена новым для тувинского языка сложным словом *ада-чурт* «отечество» (букв.: отец-страна).

Ezibiske uzuraşть («Встретился с нашим другом»)

Тувинский текст
Аньjak салъ ынак ezim
Ajыtkan çerге tanaan ыскаş
Ajтыр turar, surgap turar
Ada-Ia өгbe SSRE-ni

Перевод
 Юный, молодой любимый друг мой
 Словно ждет в указанном месте.
Направляющий, учащий разуму
(Как) Отец, родитель СССР.

[Съьндъ cogaaldar, 1937, с. 70].

Kamgalanъr кузу-taa par («Защищаться сила даже есть»)

Тувинский текст
Raaşкъ songu tañđыlarda
Rajlak-taa par, aңnar-taa par,
Paraan-saraan perip turar
Pađъ pъзьё SSRE par.

Перевод
 На северных, южных хребтах
 Богатства есть, дикие животные есть.
 Дающий товар
Очень надежный СССР есть.

[Съьндъ cogaaldar, 1937, с. 71].

Советский Союз представляется как *Paraan-saraan perip turar* «Дающий товар (предоставляющий материальную помощь), *Ajтыр turar surgap turar Ada-Ia өгbe* «Направляющий, учащий разуму отец, родитель».

В стихотворении Сергея Пюрбю *Совет чурт* «Советская страна», написанном в 1939 г., но изданном на страницах альманаха позже, в понятие родины входит Советский Союз, куда Тува официально еще не вошла: *Совет чуртка улуг, күштүг Төрээн чуртка / Чоргаар болбайн, сеткилинден ынак болбайн! / Страной большой Советской, страной родной, сильной / Как не гордиться, от души не любить?!* [Улуг-Хем, 1946, с. 18].

В первые годы пребывания в составе СССР восславляется советская страна, названная родиной, например, в стихотворении Л. Чадамбы *Совет чурт* («Советская страна»)

Тувинский текст
Ырывыска алгаанывыс совет чери –
Төрээн чурт деп ынак адаан чуртувус бо.
Тишлеп алган эргелери дүрүм болган
Ие төрээн, ынак Совет чуртувус бо.

Перевод
 Воспетая в песнях советская земля,
Родной страной названная, любимая **наша страна.**
 Завоеванные права стали правилами
Любимая советская страна – мать родимая.

[Улуг-Хем, 1946, с. 9].

Авторы «Истории тувинской литературы» считают, что «наряду с произведениями с отчетливо выраженной идеологической тенденциозностью тувинские поэты начали создавать и первые лирические стихотворения, воспевающие родной край, природу, любовь, вечные человеческие чувства и ценности. Эти немногие стихотворения создали основу для расцвета тувинской поэзии в последующие этапы ее развития. И хотя эволюция тувинской поэзии осуществлялась в эпоху социализма, а значит, под прессом идеологических установок, все же тувинские авторы начали проявлять интерес к истории и национальной самобытности своего народа, его культурному наследию, а также выразить тонкие индивидуальные чувства и мысли тувинца» [История тувинской литературы, 2013, с. 184]. Мы также далеки от мысли, что первые тувинские писатели, называя СССР своим отечеством, оплотом, гарантом свободы и счастливой жизни, полностью подчинялись идеологическим установкам, поэтому в коннотацию концепта родина данного времени входит СССР как отечество, объединяющий многонациональный народ, старший брат.

Другой важной вехой в жизни тувинского народа, а также в творчестве тувинских писателей была годы Великой Отечественной войны. Ее тувинский народ принял как вызов для себя, чувствовал себя как часть великой Родины, хотя Тува вошла в состав СССР только в 1944 г. «Поэзия выражала неразрывную связь тувинских аратов с фронтом, куда отправились в 1943 г. добровольцы ТНР. Одно за другим звучали стихотворения, написанные как поэтические письма тувинским добровольцам: «Дайынчыга» («Бойцу») С. Пюрбю, «Танкиске чагыг» («Наказ танкисту»), «Кызыл Шеригде барган өңнүүмге» («Другу в Красной Армии») С. Сарыг-оола, «Майның белээ» («Майский подарок») Л. Чадамбы, «Төрээн чурттуң патриотчуларынга» («Патриотам Родины») С. Самба-Люндупа, «Хайыра чок сок-ла, эжим» («Бей, друг, беспощадно!») И. Эргил-оола и т.д. Герои этих стихов – отцы и матери, друзья, любимые фронтовиков – высказывают им свои сокровенные пожелания, дают наказ беспощадно и без страха биться с врагами, желают своим землякам с победой вернуться на родину» [Там же, с. 176].

Уже в 1944 г. Тува, войдя в состав СССР, продолжает преобразования в своем хозяйственном укладе жизни, начинается массовый переход на оседлый образ жизни. Поэтому следующий этап изменения структуры концепта происходит в период строительства стационарных жилищ. Для кочевых скотоводов это был новый этап в их хозяйственном обустройстве. Появляются сочетания *төрээн суурум* ‘родная деревня=моя’, *колхоз суурум* ‘колхозная деревня=моя’. Атрибутами родной деревни становятся *сайгылгаан от* ‘электричество’, *аныяк сад* ‘молодой сад’, *ойнаарактыг яслазы* ‘детский сад’, *чаа туткан школазы* ‘новая построенная школа’, *эмнелгези* ‘больница’, *трактор*. Деревня представляется *четче бүрүн хөгжүп орап* ‘в полной мере развивающаяся’, *чечектелген* ‘цветущая’, *хүннүң даңның өзүп орап* ‘растущая изо дня в день’, *дуяа-херел бүргеп турар* ‘лучами окруженная’, *мактап ханмас хөгжүп орап* ‘необычайно развивающаяся’, *магаданчыг байлак-тыр* ‘удивительно богатая ведь’ [Улуг-Хем, 1953, с. 33].

Приведем строки С. Сарыг-оола из «Колхозчу кожамык» (‘Колхозные припевки’): *Аймак сөөк деп ылгал турбас / Амыр, хостуг Совет чуртум* ‘Не различает на национальности / Свободная Советская страна [Улуг-Хем, 1950, с. 72]. Также далее приводим стихотворения С. Сарыг-оола «Мээң Тывам» (‘Моя Тыва’) и «Майда» (‘В мае’).

Мээң Тывам (‘Моя Тыва’)

Тувинский текст	Перевод
<i>Таңды, Саян ийи сынның аразындан</i>	У берегов Великого Енисея,
<i>Тайлып баткан Улуг-Хемниң эриин дургаар</i>	Между двумя хребтами Саян и Танды,
<i>Түмен чылдар дүнүн өттүр азып, тенип,</i>	Блуждая во тьме тысячи ночей,
<i>Түрег багын бистиң Тыва көрүп эрткен.</i>	Наша Тыва пережила страдания вековые.
<i>Төрээн чурт-даа көже бербээн хевээр туру –</i>	Родная страна даже не исчезла – осталась,
<i>Төөгү-даа элеп читпээн сөглөп туру.</i>	История даже не простилась – рассказывает.
	[Улуг-Хем, 1946, с. 29].

Майда ('В мае')

Тувинский текст
*Улуг совет Төрээн чурттуң
Ужу кыдыы – кайыыртан бээр
Чайның башкы ай хаязында
Чаагай өйде чурттап чор бис.*

Перевод
На заре (первого летнего месяца) лета,
В благодатное время
Живем мы от края до края
Большой советской родной страны.

[Улуг-Хем, 1947, с. 35].

Лексемой *ада-чурт* 'отечество (букв.: отец-родина)' репрезентируется понятие «страна, государство», гражданином которой является индивид; ее символизирует также Москва (как столица отечества, большой родины). Это можно увидеть в следующих строках О. Сувакпита «Ада-чуртум» ('Отечество мое').

Ада-чуртум ('Отечество мое')

Тувинский текст
*Ак-көк хемим – Ие чуртум
Алдын Москвам – Ада чуртум
Ыдык сүлдем – алдын Москвам
Ынчангаши мен адам дээр мен.*

Перевод
Голубая река – материнская страна моя.
Золотая Москва – **Отечество мое.**
Священный герб мой – **золотая моя Москва,**
Потому **зову тебя отцом.**

[Улуг-Хем, 1952, с. 61].

На страницах альманаха «Улуг-Хем» – главного издания вновь созданного Союза писателей Тувы – появились стихи нового периода, после вхождения Тувы в состав СССР. Это историческое событие, конечно, отразилось в произведениях тувинских писателей, например:

Арбын чоңум, Совет чуртум магаданчыын / Адап деңнээр дээди чүве тыппас-дыр мен [Улуг-Хем, 1947, с. 105] 'Восхищаюсь многочисленным народом, Советской страной / Не могу найти еще высшее равноценное'; *Совет чуртка улуг, куштүг Төрээн чуртка / Чоргаар болбайн, сеткилинден ынак болбайн!* [Улуг-Хем, 1946, с. 18] 'Страной большой Советской, страной родной, сильной / Как не гордиться, от души не любить?!'.

В них концепт «Родина» репрезентируется сочетаниями *Советтиг Тыва, Совет Тыва* 'Советская Тува', например: *Совет Тывам – аныяк Тывам / Социалистиг ынак Тывам* (С. Сарыг-оол «Совет Тывам» (Советская Тыва)) [Улуг-Хем, 1954, с. 110] 'Советская моя Тыва – молодая моя Тыва, / Социалистическая моя Тыва'.

Совет Тыва ('Советская Тыва')

Тувинский текст
*Алдын шокар үнүш шыткан даглыг, хемниг,
Авам болган төрээн чуртум чараш каазы –
Маңнык торгу хевин кеткен түмен кыстар
Байыр-наадым болган черде чыылган ышкаш.*

Перевод
Горная, речная, покрытая золотом растущих деревьев,
Красота **моей родной, как мать, земли**
Похожа на шелковый наряд девушек
букв.: наряженных на празднике-наадым.

*Сорук, күзел, ынаам сиңген төрээн чуртум
Совет туктуң херелинге чырып кээрге,
Ынакшылым улам дендеп, бо хүн келгеш,
Ынак черим көрүзүнүн ошкап тур мен.*

Страна моя родная – воплощение моей любви, воли и стремлений,
Освещенная в лучах **советского флага,**
Сегодня моя к тебе любовь становится еще сильней,
Целую я плодородную почву твою.

[Улуг-Хем, 1946, с. 29].

Произведение Л. Чадамбы *Совет Тыва* ('Советская Тыва').

Тувинский текст	Перевод
<i>Ленин берген, Сталин баштаан</i>	Мы и есть дети, хозяйва
<i>Изиг төрээн совет чурттуң</i>	многонациональной, дружной,
<i>Аймак нация көвей өөрлүг</i>	Ленином данной, Сталином возглавляемой
<i>Ажы-төлү ээлери бис.</i>	Горячо родной Советской страны [Улуг-Хем, 1946, с. 8].

Следующие строки принадлежат В. Шаравии.

Чечектел, совет Тывам ('Цвети моя советская Тыва')

Тувинский текст	Перевод
<i>Сууржуп турар Совет Тывам, чечектел-ле!</i>	Цвети, моя оседлая советская Тыва!
<i>Чалгыт чыдар, Совет Тывам, чечектел-ле!</i>	Цвети, моя волнующаяся советская Тыва!
<i>Ырлап турар, Совет Тывам, чечектел-ле!</i>	Цвети, моя поющая советская Тыва!
	[Улуг-Хем, 1952, с. 78].

Данный период жизни тувинского народа и творчества тувинских писателей характеризуется со- ставителями «Истории тувинской литературы» так: «В связи с тем, что в годы социальных преоб- разований и культурной революции в Туве происходило крушение идеалов, уничтожение основ рели- гии, традиционного мировоззрения, материальной и духовной культуры, подвергались жестокой кри- тике и литературные произведения, которые не прославляли идейно-политические установки нового общества и строительство новой жизни, а лишь освещали «пережитки старой, кочевой Тувы» [История тувинской литературы, 2013, с. 166].

Родная земля для поэтов первого и второго поколения чаще всего предстает как *хостуг* 'свободная', *делгем* 'просторная', *шөлээн* 'свободная', *хөгжүп орап* 'развивающаяся', *бурунгаар шапкын хөгжээн* 'устремленная в будущее', *аас-кежиктиг* 'счастливая'. Она богата скотом, недра- ми, и народ в ней *ажылчы* 'работающий', *ырлыг-шоорлуг* 'с песнями', *экти бедик* 'гордый' (букв.: плечо=его высокое), *хөрээ хостуг* 'свободный' (букв.: грудь=его свободная), *чоргаар* 'гордый'.

В стихах тувинских писателей первого и второго поколения репрезентация концепта «Родина» представляется в основном известными топонимами: *Тыва*, *Улуг-Хем*, *Каа-Хем*, *Биш-Хем*, *Самагалдай*, *Бай-Тайга*, *Чапты-Хем*, *Хемчик хем*, *Хандагайты*. Они известны всей Туве, упоминаются в народных песнях. Очень редко концепт «Родина» представлен микропонимами, в отличие от стихов позднего времени. Причина, как нам кажется, кроется в том, что первые стихи тувинских поэтов, опубликованные в свое время в 30-е гг. в сборниках, содержали микропонимы как способы выражения концепта «Родина» в значении «малая родина». Но в конце 40-х гг. они же стали поводом для обвинения двух писателей.

Лексема *таңды* представляется чаще всего не как собственное, а как нарицательное имя, обозначающее горно-таежный ландшафт: горы, покрытые хвойным лесом. Большая родина представляется лексемами *оран-чурт* и *ада-чурт* как покровитель, опора; они конкретизируются микропонимом *ССРЭ* 'СССР', сочетаниями *орус чурту* 'русская страна', *акы-дуңмалышкы* собир. 'братья и сестры'; 'родственники'; 'братский, родственный'; *халышкы чон* 'братский народ'.

Таким образом, концепт «Родина» в рассматриваемом периоде представлен как большая родина и малая родина, которые репрезентируются топонимами и нарицательными именами существительными. Они в совокупности образуют подвижную структуру ментальности тувинской нации, реагирующую на основные изменения в жизни лингвокультурного сообщества. Релевантность того или иного концептуального признака варьировалась в разные периоды истории тувинского об- щества, что показывают стихотворные тексты разных периодов. Все множество возможных способов трансформации концепта «Родина», заключающихся в изменении связей и отношений между его со- ставляющими, находит свое отражение в корпусах разновременных стихотворных текстов тувинских писателей. Их анализ позволил проследить эволюцию данной структуры в сознании носителей языка от периода ее становления в тувинской национальной картине мира до ее современного состояния.

Ядро концепта «Родина» составляют нарицательные существительные: *чер, чурт, төрээн чурт, төрээн чер*; близкой периферией можно считать названия топонимов Тувы, где проживают этнические тувинцы; на далекой периферии – лексика ландшафта, лексемы, обозначающие определенные территории проживания.

Список литературы

- Алдай-Буучу*: Тыва улустун маадырлыг тоолдары. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1993. Т. 2. 288 с.
- Антология концептов*. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. 352 с.
- Антология концептов*. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2006. Т. 4. 358 с.
- Бавуу-Сюрюн М. В.* Определительные конструкции в тувинском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1988. 18 с.
- Бокту-Кириш, Бора-Шээлей*: Тыва улустун маадырлыг тоолу. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1995. Т. 4. 224 с.
- История тувинской литературы*. Истоки. Литература Тувинской Народной Республики (1921–1944). Новосибирск: Издательство СО РАН, 2013. Т. 1. 266 с.
- Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М.: Восточная литература, 1961. 472 с.
- Кужугет Ш. Ю.* Лексико-семантическое поле ‘Природное время’ в прозе К.-Э.К. Кудажы: дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 285 с.
- Ондар В.С.* Отражение категории пространства в тувинском языке (на материале героического эпоса «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 2 (56). С. 129–134.
- Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 1997. 825 с.
- Толковый словарь тувинского языка*. Новосибирск: Наука, 2003. Т. 1. 599 с.
- Толковый словарь тувинского языка*. Новосибирск: Наука, 2011. Т. 2. 798 с.
- Тувинско-русский словарь* // Под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. 648 с.
- Улуг-Хем*. Кызыл: Тыва автономнуг областың ном үндүрер чери. 1946. № 1. 89 с.
- Улуг-Хем*. Кызыл: Тыва автономнуг областың ном үндүрер чери. 1947. № 2. 136 с.
- Улуг-Хем*. Кызыл: Тыва автономнуг областың ном үндүрер чери. 1950. № 3. 129 с.
- Улуг-Хем*. Кызыл: Тыва автономнуг областың ном үндүрер чери. 1952. № 5. 100 с.
- Улуг-Хем*. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери. 1953. № 6. 103 с.
- Улуг-Хем*. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери. 1954. № 7–8. 216 с.
- Хертек А.Б.* Категория пространства в тувинских фольклорных текстах (на материале героических эпосов и сказок) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 1. С. 326–329.
- Хертек Л.К.* Концепт «пространство» в эпической картине мира. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 6-2 (84). С. 402–407.
- Хертек Л.К.* Концепт «мать» в тувинских героических сказаниях // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 6. С. 341–345.
- Сьындь согаалдар*. Кызыл: Cogaal komitedi, 1937. 193 с.
- Revolustunǵ xereli*. Кызыл, 1941. № 2. 40 с.

References

- Alday-Buuču: Tıva ulustuj maadirliġ tooldarı* [Alday-Buuču: Tuvan Heroic Legends]. Kyzyl. Tıvanıñ nom ündürer čeri. 1993, vol. 2, 288 p. (In Tuv.).
- Antologiya kontseptov* [Anthology of Concepts]. V. I. Karasik, I. A. Sternin. (Eds). Volgograd, Paradigma, 2005, vol. 1, 352 p. (In Russ.).
- Antologiya kontseptov* [Anthology of Concepts]. V. I. Karasik, I. A. Sternin. (Eds). Volgograd, Paradigma, 2006, vol. 4, 358 p. (In Russ.).
- Bavuu-Syuryun M. V. *Opredelitel'nye konstruksii v tuvinskom yazyke* [Attributive constructions in the Tuvan language]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Alma-Ata. 1988, 18 p. (In Russ.).
- Boktu-Kiriš, Bora-Šeeley: Tıva ulustuj maadirliġ toolu* [Boktu-Kiriš, Bora-Šeeley: Tuvan Heroic Legend]. Kyzyl, Tıvanıñ nom ündürer čeri. 1995, vol. 4, 224 p. (In Tuv.).
- Сьндь cogaaldar*. КЪЗЫ, Cogaal komitedi, 1937, 193 p. (In Tuv.).
- Iskhakov F. G., Pal'mbakh A. A. *Grammatika tuvinskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Tuvan grammar. Phonetics and morphology]. Moscow, Vost. lit., 1961, 472 p. (In Russ.).
- Istoriya tuvinskoj literatury. Istoki. Literatura Tuvinskoj Narodnoj Respubliki (1921–1944)* [History of Tuvan literature. Literature of Tuvan People's Republic (1921–1944)]. Novosibirsk, SB RAS, 2013, vol. 1, 266 p. (In Russ.).
- Khertek A. B. Kategoriya prostranstva v tuvinskikh fol'klornykh tekstakh (na materiale geroicheskikh eposov i skazok) [The category of space in the Tuvinian folklore texts (in heroic eposes and fairy tales)]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2015, no. 1, pp. 326–329. (In Russ.).
- Khertek L. K. Kontsept “mat” v tuvinskikh geroicheskikh skazaniyakh [The concept “mother” in Tuvan heroic tales]. *The world of science, culture and education*. 2015, no. 6, pp. 341–345. (In Russ.).
- Khertek L. K. Kontsept “prostranstvo” v epicheskoy kartine mira [The concept of “space” in the epic picture of the world]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2018, no. 6–2 (84), pp. 402–407. (In Russ.).
- Kuzhuhet Sh. Yu. *Leksiko-semanticheskoe pole ‘Prirodnoe vremya’ v proze K.-E.K. Kudazhy* [Lexical-semantic field “Natural time” in the Prose of K. -E. K. Kudazhy]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow. 2015, 285 p. (In Russ.).
- Ondar V. S. Otrazhenie kategorii prostranstva v tuvinskom yazyke (na materiale geroicheskogo eposa “Boktug-Kiriš, Bora-Šeeley”) [Reflection of the category of space in the Tuvan language (in the heroic epos “Boktug-Kiriš, Bora-Šeeley”). *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2016, no. 2 (56), pp. 129–134. (In Russ.).
- Revolustuj xereli*. КЪЗЫ, 1941, no. 2, 40 p. (In Tuv.).
- Stepanov Yu. S. *Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury*. [Constants. Dictionary of Russian culture]. Moscow, LRC Publishing House, 1997, 825 p. (In Russ.).
- Tolkovyy slovar' tuvinskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Tuvan language]. Novosibirsk, Nauka, 2003, vol. I., 599 p. (In Tuv., in Russ.).
- Tolkovyy slovar' tuvinskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Tuvan language]. Novosibirsk, Nauka, 2011, vol. 2, 798 p. (In Tuv., in Russ.).
- Tuvinsko-russkiy slovar'* [Tuvan-Russian dictionary]. E. R. Tenishev (Ed.). Moscow, Sov. entsikl., 1968, 648 p. (In Tuv., in Russ.).
- Ulug-Xem*. Kizil, Tıva avtonomnug oblastıñ nom ündürer čeri, 1946, no. 1, 89 p. (In Tuv.).
- Ulug-Xem*. Kizil, Tıva avtonomnug oblastıñ nom ündürer čeri, 1947, no. 2, 136 p. (In Tuv.).
- Ulug-Xem*. Kizil, Tıva avtonomnug oblastıñ nom ündürer čeri, 1950, no. 3, 129 p. (In Tuv.).
- Ulug-Xem*. Kizil: Tıva avtonomnug oblastıñ nom ündürer čeri, 1952, no. 5, 100 p. (In Tuv.).
- Ulug-Xem*. Kizil, Tıvanıñ nom ündürer čeri. 1953, no. 6, 103 p. (In Tuv.).
- Ulug-Xem*. Kizil, Tıvanıñ nom ündürer čeri. 1954, no. 7–8, 216 p. (In Tuv.).

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
07.12.2020*

Сведения об авторах

Монгуш Андрей Алдын-оолович – аспирант Тувинского государственного университета (Кызыл, Россия)

E-mail: tyva_men@mail.ru
ORCID 0000-0003-2492-7655

Бавуу-Сюрюн Мира Викторовна – доктор филологических наук Тувинского государственного университета (Кызыл, Россия)

E-mail: mira.bavuu_surun@mail.ru
ORCID 0000-0002-7456-7339

Information about the Authors

Andrey A. Mongush – Postgraduate Student of Tuvan State University (Kyzyl, Russian Federation)

E-mail: tyva_men@mail.ru
ORCID 0000-0003-2492-7655

Mira V. Bavuu-Syuryun – Doctor of Philology of Tuvan State University (Kyzyl, Russian Federation)

E-mail: mira.bavuu_surun@mail.ru
ORCID 0000-0002-7456-7339

РЕЦЕНЗИИ

УДК 398.8 (=512.111)

DOI 10.25205/2312-6337-2020-2-118-127

**Музыкальная компаративистика фольклорных традиций народов Поволжья.
Рецензия на книгу: Кондратьев М. Г. Чувашская музыка в зеркале
параллелей: к проблеме Волго-Уральской музыкальной цивилизации.
Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. 447 с.: ил.**

Е. И. Исмаилова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

Рецензия посвящена характеристике опубликованной в 2018 г. монографии известного чувашского музыковеда М. Г. Кондратьева – обобщающего труда в области этномызыкальной компаративистики фольклорных традиций народов Поволжья. В книге прослежены типологически сходные или генетически общие явления и закономерности на разных уровнях организации фольклорных произведений, бытующих в традиционных культурах чувашей, татар, марийцев и удмуртов. «Точкой отсчета» при этом явилась чувашская музыкально-поэтическая система, которой свойственна глубокая структурированность песенных текстов, формообразования, ритмики, ладообразования и мелодики. Музыкальные традиции перечисленных этносов рассматриваются в сравнении с ней, путем анализа указанных параметров. В Заключении автор монографии формулирует свою концепцию Волго-Уральской музыкальной цивилизации и описывает ее основные компоненты. Апробированная в книге М. Г. Кондратьева методология, на наш взгляд, будет актуальной и полезной для исследования проблем взаимодействия музыкально-фольклорных традиций народов Сибири.

Ключевые слова

музыкальный фольклор народов Поволжья, сравнительные исследования фольклорных традиций, Волго-Уральская музыкальная цивилизация

Для цитирования

Исмаилова Е. И. Музыкальная компаративистика фольклорных традиций народов Поволжья. Рецензия на книгу: Кондратьев М. Г. Чувашская музыка в зеркале параллелей: к проблеме Волго-Уральской музыкальной цивилизации. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. 447 с.: ил. // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 2 (вып. 40). С. 118–127. DOI 10.25205/2312-6337-2020-2-118-127

© Е. И. Исмаилова, 2020

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 2 (вып. 40)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2020. No. 2 (iss. 40)

**Musical comparative studies of the folklore traditions of Volga region peoples.
Book review: Kondratiev M. G. Chuvash music in the mirror of parallels:
on the problem of Volga-Urals musical civilization.
Cheboksary, Chuvash publ. house, 2018, 447 p., ill.**

E. I. Ismagilova

Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The book by the Chuvash musicologist M. G. Kondratiev is one of the generalizing works in ethnomusicological comparative studies of the Volga region peoples' folklore traditions. The author of the monograph focuses on revealing the common phenomena at different levels of organization of folklore works in the traditional cultures of Chuvash, Tatars, Mari, and Udmurts. Musical traditions of the ethnic groups concerned are considered in comparison with the Chuvash folklore by using the specified parameter analysis. The three chapters of the first part consider the peculiarities of the Volga region historic-ethnographical location formation and analyze the musical and aesthetic conceptions of the tradition bearers in specified ethnic groups. The second part, composed of four chapters, is dedicated to analyzing the morphology and text structures of song lines of different lengths. The third part deals with contextual and structural regularities of short plot samples of Chuvash folk poetry *shavra youra* compared with similar monostrophic forms of Tatar, Mari, and Udmurt folk lyrics. The fourth part thoroughly examines the relations of Chuvash and individual local groups of other Volga ethnic groups at the level of genre correspondences and intonation pattern. In the summary, the author argues for his concept of the Volga-Urals civilization, determining the place of Chuvash culture within this concept as fundamentally important. The methodology approbated in M. G. Kondratiev's book is expected to be actual for studying the problems of interaction of music-folklore traditions of Siberian peoples.

Keywords

musical folklore of the Volga region peoples, comparative studies of the folklore traditions, Volga-Urals musical civilization

For citation

Ismagilova E. I. Muzykal'naya komparativistika fol'klornykh traditsiy narodov Povolzh'ya. Retenziya na knigu: Kondrat'ev M. G. Chuvashskaya muzyka v zerkale paralleley: k probleme Volgo-Ural'skoy muzykal'noy tsivilizatsii. Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo, 2018. 447 p.: il. [Musical comparative studies of the folklore traditions of Volga region peoples. Book review: Kondratiev M. G. Chuvash music in the mirror of parallels: on the problem of Volga-Urals musical civilization. Cheboksary, Chuvash publ. house, 2018, 447 p., ill.]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2020, no. 2 (iss. 40), pp. 118–127. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2020-2-118-127

В настоящее время, когда музыкально-фольклорные традиции разных этносов уже достаточно глубоко изучены, чрезвычайно актуальными становятся исследования обобщающего плана, основанные на сравнительном анализе традиций, бытующих в одном регионе. В конце XX – первых десятилетиях XXI в. появились как отдельные статьи, так и целые монографии, посвященные проблемам этномузыкальной компаративистики. Вопросы межэтнических связей народов Поволжья и региональной этномузыкологии неоднократно рассматривались в работах Н. Ю. Альмеевой [1999, 2010, 2013, 2017]. Подобная проблематика на материале сибирских этносов была затронута в статье В. В. Мазепуса [1997, с. 13, 14], а также освещена в монографии Ю. И. Шейкина [2002]. В течение более чем трех десятилетий вопросы сравнительного исследования музыкальных культур народов Поволжья и построения концепции Волго-Уральской музыкальной цивилизации привлекали внимание известного чувашского музыковеда и фольклориста М. Г. Кондратьева. Разные аспекты взаимосвязей и взаимодействия фольклорных традиций чувашей, татар, русских, удмуртов были отражены им в многочисленных докладах и публикациях [Кондратьев, 1990, 1993, 1995, 1999, 2000, 2007 и др.]. Многолетнее изучение этой проблемной области привело к созданию обобщающего труда, ставшего предметом рассмотрения в настоящей рецензии.

Монография М. Г. Кондратьева «Чувашская музыка в зеркале параллелей: к проблеме Волго-Уральской цивилизации» была опубликована в 2018 г. Краткую характеристику книги к моменту ее

выхода из печати подготовил доктор искусствоведения, профессор К. В. Зенкин [2020]. В нашей же статье предпринимается более подробное, обстоятельное описание ряда научных проблем, раскрытых в монографии, а также подчеркивается значение этого исследования для изучения музыкально-фольклорных традиций сибирского региона. Автором рецензии руководило желание познакомить широкий круг фольклористов и, прежде всего, специалистов по фольклору народов сибирского региона с новым обобщающим трудом в области этномызыкальной компаративистики. Наш отклик на события музыкальной науки Поволжья является не единственным среди отзывов сибирских исследователей: несколькими годами ранее была опубликована рецензия новосибирского этномызыколога Г. Е. Солдатовой на комплексное издание песен татар-кряшен, выполненное Н. Ю. Альмеевой [Солдатова, 2015]. Настоящая рецензия находится в том же русле взаимоотношений между поволжским и сибирским этномызыкознанием.

Предмет исследовательского внимания автора монографии можно обозначить как обнаружение типологически сходных или же генетически общих явлений и закономерностей на разных уровнях организации фольклорных произведений, бытующих в традиционных культурах чувашей, татар, марийцев и удмуртов Поволжья¹. «Точкой отсчета» при этом явилась чувашская музыкально-поэтическая система, которой свойственна глубокая структурированность в отношении песенных текстов, формообразования, ритмики, ладообразования и мелодики. Музыкальные традиции перечисленных этносов рассматриваются в сравнении с ней, путем анализа указанных параметров. На основании полученной информации М. Г. Кондратьев формулирует свое представление о Волго-Уральской музыкальной цивилизации и описывает ее основные компоненты.

Книга состоит из Введения, шестнадцати глав, сгруппированных в четыре части, и Заключения. Во Введении автор обосновывает свою точку зрения на чувашскую фольклорную традицию как на «исходную основу при изучении общих свойств музыкально-поэтических традиций крупнейших современных народов региона» (Рец. изд., с. 10), свидетельствует о существовании феномена *музыкальной цивилизации* (курсив автора), опираясь здесь в том числе и на идеи В. В. Мазепуса, изложенные во Введении к многотомнику «Музыкальная культура Сибири», а также рассказывает о структуре монографии.

В трех главах первой части прослеживается история изучения фольклорных традиций народов Поволжья, рассматриваются особенности формирования этой историко-этнографической области, анализируются музыкально-эстетические представления носителей традиций указанных этносов. Автор также останавливается на описании народно-музыкального инструментария и различных способах классификации песенных жанров; отдельная глава посвящена сущностным чертам татарского песенного фольклора.

Вторая часть, состоящая из четырех глав, посвящена анализу формообразования и текстовых структур песенных строк различной протяженности; охарактеризованы их взаимосвязи с ритмической организацией песенных образцов. Отдельные главы посвящены описанию четырех-, пяти-, трехшестичейковых песенных форм, бытующих в традициях всех четырех народов. В третьей части (главы 8–12) рассматриваются содержательные и структурные закономерности краткосюжетных образцов чувашской народной поэзии *савра юрй* в сравнении с подобными монострофными формами народной лирики у татар, марийцев и удмуртов.

В четвертом крупном разделе монографии подробно анализируются взаимосвязи чувашей и отдельных локальных групп татар (молькеевские кряшены²), марийцев (горные и восточные марийцы), удмуртов (завятские удмурты). Рассматриваются жанровые соответствия, сходные черты ритмики, ладообразования и интонационности. В Заключении М. Г. Кондратьев, суммируя все сказанное выше, обосновывает свою концепцию Волго-Уральской цивилизации и описывает ее устойчивые компоненты, определяя при этом место чувашской культуры в ней как фундаментально важное.

¹ Башкиры, мордва и русские не вошли в круг рассматриваемых этносов вследствие значительных типологических отличий их музыкально-поэтических систем от традиций указанных этносов.

² Кряшены – субэтнос крещеных татар.

Эта объемная (447 с.) книга содержит очень много ценной, разноплановой информации и интереснейших наблюдений автора. М. Г. Кондратьев свободно оперирует данными этногенеза, истории, лингвистики и других гуманитарных наук, обнаруживая при этом глубокое знание истории и культуры народов Поволжья (и не только!), окружавших чувашей на протяжении последних более чем десяти столетий. Чтобы по-настоящему понять это исследование, конечно, нужно знакомиться с самим его текстом. В рамках же рецензии коротко (насколько это возможно) остановимся на самых существенных моментах авторской позиции.

Чувашская музыкально-поэтическая система отличается глубокой структурированностью, проявляющейся на всех уровнях организации, а также особой стабильной элементов, сохраняющейся на протяжении не менее чем тысячи лет (Рец. изд., с. 4). Она «как бы вобрала в себя ряд существенных общих региональных свойств» (Рец. изд., с. 9), что дает основания рассматривать ее как исходную основу для сравнительного изучения общих с характерными чертами соседних народов Поволжья закономерностей.

В первой главе автор описывает этапы развития науки о музыкальном фольклоре Поволжья, от первичного собирания фольклорного материала, ее анализа и публикации (монокультурное направление) к сравнительным исследованиям и выявлению межэтнических параллелей, и далее – к рассмотрению региона как целостного феномена – Волго-Уральской музыкальной цивилизации. Описывая специфику формирования многонационального поволжского региона, автор указывает на проживание в нем крупных (миллионных и полумиллионных) по численности народов, имеющих статус титульных наций в республиках, на относительную территориальную компактность их размещения, а также на длительный (не менее тысячи лет) и мирный характер их сосуществования.

Во второй главе рассматриваются способы классификации фольклорного материала поволжских этносов. Учитывая и кратко описывая инструментальную ветвь музыкального творчества, исследователь указывает на приоритет «высокоразвитой песенной лирики», являющейся центром жанровой системы всех привлекаемых к сравнению традиций. Повествовательные жанры в музыке чувашей, татар, марийцев и удмуртов развиты в значительно меньшей степени. Общность обрядовых систем перечисленных этносов сформировалась в зависимости от географических условий их обитания, а именно – проживания в лесостепной зоне. Зависимость от мест расселения разных этносов выглядит следующим образом: лесная среда влияет «и на звуковой ландшафт, и на исконные хозяйственные занятия марийцев и в еще большей мере удмуртов» (имеются ввиду охотничьи и бортничьи песни, «личные песни» северных удмуртов) (Рец. изд., с. 49). Для татарской традиционной культуры большую роль играл кочевой тип хозяйствования, что определило более заметное, по сравнению с другими традициями, присутствие жанров музыкального эпоса в татарском фольклоре. Обобщая картину, автор делает вывод, что ядром всех традиций является широко трактованная лирика, включающая в себя обрядово-земледельческий и жизненные циклы. Кроме лирической песенности фольклорные системы рассматриваемых этносов включают лиро-эпические песни-баллады, танцевальные припевки и песни-плачи.

Далее для более глубокого понимания музыкальной специфики изучаемого региона исследователь останавливается на системе жанров татарской музыки. М. Г. Кондратьев характеризует влияние профессионального (отсутствие многоголосного пения у казанских татар, основные носители песенной традиции – мужчины, а не женщины), этнического (разные этнические истоки у разных локальных групп татар, присутствие кочевнического элемента) и социокультурного (развитие традиций городской культуры) факторов на татарскую народную музыку. Опираясь на достижения других исследователей музыкальных культур поволжского региона, в частности, на работы Н. Ю. Альмеевой, автор указывает на родство дохристианской обрядовой жанровой системы крышен с чувашской и жанровыми системами других народов Поволжья. Элементы «древней субстратной общности в культурах татар и чувашей», «остатки языческообрядовой земледельческой фольклорной традиции», по мнению исследователя, свидетельствуют о глубоком генетическом родстве чувашской и татарско-крышенской культуры. Нужно заметить, что, рассуждая о многослойных субстратных явлениях, вошедших в традиционные культуры на разных этапах их сосуществования, исследователь не упрощает эту многоаспектную и сложную проблему, не трактует данные анализа в произвольном ключе, но выстраивает свою систему аргументов, стараясь принимать во внимание все многообразие процессов и явлений.

В главах об особенностях формообразования народов Поволжья М. Г. Кондратьев рассматривает окристаллизованные (структурно устойчивые, *многопланово формульные* (курсив автора)) и неокристаллизованные (свободно варьируемые, подвижные) формы. Квантитативную природу ритмической организации автор книги определяет как специфическое региональное свойство (Рец. изд., с. 96). Результатом глубокой кристаллизации на разных структурных уровнях явились песенные формы, обладающие определенной совокупностью стиховых и музыкально-интонационных признаков. М. Г. Кондратьев очень подробно анализирует песенные формы разной протяженности и организации (четырёхъячейковую форму «такмак», многослоговую пятиячейковую форму, трёхшестиячейковую форму), приводя большое количество текстов на национальных языках (с переводами на русский язык), нотных примеров, ритмических схем. С помощью сравнительно-аналитических процедур автор выявляет общие основания и частные, сугубо национальные особенности в реализации семи-восьмисложника (четырёхъячейковая форма) в музыкальных традициях поволжских этносов³. Среди важнейших основ фольклорного мышления народов рассматриваемого региона исследователь указывает на многословную песенную форму – «один из структурных канонов музыкально-поэтического творчества чувашей, татар, марийцев и удмуртов» (Рец. изд., с. 160). Это качество, по мнению исследователя, является одним из определяющих признаков всего поволжского региона: «Волго-Уральскую историко-этнографическую общность можно называть и «зоной музыкально-поэтического многосложника» (Рец. изд., с. 161).

В третьей части автор монографии предпринимает исследование поэтических текстов чувашских песен в сравнении с песенными текстами других народов. М. Г. Кондратьев проводит серьёзное филологическое исследование песенной поэзии и приходит к выводу, что «важнейшее общее свойство классических песен народов Волго-Уральской ИЭО – афористическая краткосюжетность» (Рец. изд., с. 177). Общетипологической чертой песенных текстов является образный параллелизм, заключённый в двухзвенную композицию сюжета. В наиболее чистом виде это присутствует именно в чувашской *çавра юрă* – афористической краткосюжетной песне. Сравнивая чувашские песни с татарскими *кыска жыр* (короткая песня), автор приходит к выводу, что в татарской поэзии при сохранении двухзвенности часто исчезает параллельность образов (Рец. изд., с. 197). Чувашские же образцы в большей степени сохраняют исходные, целостные формы кратких песен. Они дополняют татарский материал и могут способствовать более точному пониманию структуры и содержания татарских *кыска жыр*, в которых зачастую утрачивается логическое единство частей вследствие размыкания двухзвенной композиции и возникновения новых связей с другими сюжетными мотивами.

При сравнении чувашских *çавра юрă* с марийскими *муро-шоньмаш* и удмуртскими *кырзанъёс-малтаськонъёс* автор обнаруживает частые близкие соответствия и совпадения среди их сюжетов. В главе «Параллели в обрядовых и мифологических сюжетах» исследователь развивает свои мысли, изложенные в более ранней монографии [Кондратьев, 2007, с. 35–46]. Реконструируя архаичные сакральные сюжетные мотивы, М. Г. Кондратьев выявляет их в более поздних по происхождению чувашских и татарских лирических текстах. По мнению исследователя, «чувашская *çавра юрă* удержала наибольшее количество архаических черт – начиная с сохранности собственно обрядовых жанров вплоть до целостных обрядовых и мифологических сюжетов» (Рец. изд., с. 281). Завершая сравнительное исследование вербальных текстов, принадлежащих разным традициям, автор приходит к следующему выводу: «Очевидно, краткосюжетная традиция в Волго-Уральском регионе представляет собой одну из фольклорных ветвей древних афористических форм поэзии народов Востока» (Рец. изд., с. 280).

К отношениям между чувашской и татарской традиционными культурами, находящимися между собой в определенном родстве, М. Г. Кондратьев обращается на протяжении всей работы, им также посвящены несколько отдельных глав (третья, девятая, тринадцатая и четырнадцатая). Выявление и характеристика этих взаимосвязей представляются исследователю задачей первостепенной важности

³ Заметим, что подобная форма семи-восьмисложника широко распространена и в фольклорных традициях тюрков Южной Сибири: алтайцев, шорцев, тувинцев и др., видимо, являясь универсальной ритмо-слоговой структурой тюркской поэзии.

для верного понимания общерегиональной картины. Особенно подробно в книге анализируется музыкально-фольклорная традиция молькеевских кряшен⁴ с точки зрения ее взаимоотношений с чувашской фольклорной традицией. Цепь рассуждений автора приводит к выводу о генетическом родстве обеих традиций, их возможном происхождении «из единого болгарского корня», относящемуся к эпохе Волжско-Камской Булгарии (X–XIII вв.) и даже к более ранним периодам. Наибольшая общность, вплоть до присутствия общего субстрата, сохранившегося от первичной «проточувашской» / «прототатарской» традиции при наличии и более поздних контактных взаимодействиях, наблюдается между музыкальными традициями низовых чувашей (*анатри*) и татар-кряшен. Родство между ними автор доказывает, основываясь на историко-этнографических данных и результатах музыковедческого анализа. При этом М. Г. Кондратьев во многом опирается на исследования фольклорной традиции молькеевских татар, выполненные Н. Ю. Альмеевой – другим ведущим специалистом по музыкальным культурам волжского региона, но в некоторых вопросах и заметно полемизирует с ней.

Контакты между чувашской и марийской этническими культурами непрерывно существовали в течение более чем тысячи лет. Эти связи наиболее очевидны между территориально близкими группами верховых чувашей (*вирьял*) и горными марийцами. В монографии прослеживается типологическое сходство их музыкально-поэтических систем, что проявилось в сходстве семи-восьмислоговой структуры стиха, наличии почти одинаковых асемантических припевных слогов в песнях, квинтовой транспозиция половины мелострофы в мелодиях, частом употреблении триольных ритмических фигур, явной близости мелодических оборотов. Перечисленные сходства исследователь вслед за историками и языковедами объясняет ассимиляцией чувашами значительной части горных марийцев, произошедшей в IX–X вв.

Иной способ взаимодействия выявлен между восточными марийцами и низовыми чувашами Закамья. Их контакты сложились в значительно более поздний период (начиная с XVI в.), когда переселившиеся на восток марийцы попали под влияние местных тюркоязычных культур (в том числе чувашей). При всех специфических особенностях и отличиях этих музыкальных культур в них также наблюдается определенное сходство, проявившееся в слогоритмической организации (возможно, восточные марийцы заимствовали многословную (пятычейковую) песенную форму у своих тюркоязычных соседей), квантитавной ритмике, опоре на пентатонный звукоряд, распространенности в обеих культурах родственных музыкальных инструментов. Общие черты между марийской и чувашской традиционными культурами присутствует также и в деталях прикладного искусства, например, в узорах украшений головных повязок чувашей *вирьял* и горных марийцев, что продемонстрировано на фотографиях, расположенных на цветной вкладке.

Параллели у чувашей с фольклорной традицией удмуртов возникли в результате непосредственных контактов (исходные свойства этих культур весьма различны). Анализируя песенные образцы, записанные в деревнях Кукморского района Республики Татарстан, где проживают южные удмурты (так называемая кукморская группа завятских удмуртов), автор предпринимает их рассмотрение с позиций закономерностей чувашской музыкально-поэтической системы. Обнаруживая сходство в сюжетах песенных текстов, особенностях жанровой системы (преобладание обрядовых и обрядово-приуроченных жанров), песенных формах, музыкально-ритмической и звуковысотной организаций (родственность ладоинтонационной системы завятских удмуртов с интонационным комплексом чувашской ангеми-tonной структуры), исследователь приходит к выводу об ассимиляции в этих населенных пунктах удмуртами ранее проживавшего там чувашского населения. Этот вывод подтверждает и мнение историков о том, что чувашское население существовало и контактировало с удмуртами в Закамье еще до XVIII в. В целом же параллели между чувашами и удмуртами автор обозначил как два пласта: уже хорошо известный по данным лингвистики «древнеболгарский “след” VIII–XIII вв. н.э. в удмуртской культуре» (Рец. изд., с. 405) и генетические связи отдельных групп удмуртов и чувашей, описанные в главе «Чувашский след» в фольклоре завятских удмуртов» рассматриваемой работы. Укажем здесь, что до выхода в свет настоящей монографии чувашский компонент в культуре удмуртов еще не был столь убедительно доказан и охарактеризован.

⁴ Этноконфессиональная группа крещеных татар, проживающих в девяти населенных пунктах Кайбицкого района Республики Татарстан, в том числе в селе Молькеево.

В Заключении монографии говорится о том, что при всех глубоких типологических различиях, существующих между рассматриваемыми культурами, кросскультурные связи, сложившиеся в течение более чем десяти столетий, привели к образованию некоей региональной целостности. Вслед за этнографами, свидетельствующими о существовании Волго-Уральской историко-этнографической области, и лингвистами, развивающими концепцию Волго-Камского языкового союза, многие музыковеды (Н. Жиганов, К. В. Квитка, И. В. Нестьев, Ю. В. Келдыш, Я. М. Гиршман, М. Н. Нигмедзянов и др.) уже с середины XX в. используют понятие пентатонной зоны Поволжья и Приуралья. М. Г. Кондратьев выявляет также и другие признаки целостности этнокультурного пространства Поволжья, что позволяет ему назвать эту целостность Волго-Уральской музыкальной цивилизацией (Рец. изд., с. 412). Среди них более важная роль вокальных видов музицирования, чем инструментальных, преобладание лирических жанров над эпическими, ведущая роль ангетимитонной пентатоники (в той или иной степени сочетающейся с диатоникой), квантитативная ритмическая организация, силлабическая многослоговая пятнадцатичленная композиционная форма, краткосюжетный тип стихосложения, общность музыкального инструментария. Обобщая описание этих признаков, исследователь доказывает, что «Волго-Уральская музыкальная цивилизация отличается самобытными сочетаниями свойств, известным другим мировым музыкальным «метакультурам» (Рец. изд., с. 417). Роль чувашской музыкальной культуры при этом определяется как фундаментально важная, поскольку, обладая центростремительными свойствами, она наиболее других музыкальных культур региона «сохранила в себе черты архаичного “корня” Волго-Уральской музыкальной цивилизации южного происхождения, распространившегося на весь регион, и вобрала в себя некоторые черты соседящих культур» (Рец. изд., с. 418).

Как и всякое большое исследование, эта работа или ее отдельные положения могут быть дискуссионны. Так, например, иногда возникает ощущение, что автор несколько преувеличивает значение чувашской музыкально-фольклорной традиции для формирования интонационных культур других народов Поволжья. Однако при внимательном следовании за ходом авторской мысли это ощущение проходит, поскольку все выводы логично и убедительно доказаны – проиллюстрированы большим количеством нотных примеров, слогоритмических схем, текстов на языках народов исследуемых культур, снабженных переводами на русский язык. Иной раз даже возникает мысль, что текстовых примеров слишком много или же они более протяженные, чем это необходимо. Но, наверное, М. Г. Кондратьев прав в своем стремлении не только аргументировать свои рассуждения, но и познакомить русскоязычного читателя с лучшими образцами удивительно красивой, емкой, точной и философски глубокой поэзии народов Поволжья.

Хотелось бы также обратить внимание на стиль изложения книги. Можно сказать, что исследование чрезвычайно насыщено большим количеством концентрированной информации. Но при этом автор умеет выражать свои мысли ясно, просто и вместе с тем увлекательно, даже при описании сложных сугубо аналитических процедур. Поэтому представляется, что отдельные главы книги могут быть полезны не только этномузыкологам, но также филологам, этнографам, историкам и более широкому кругу лиц, интересующихся традиционной культурой народов Поволжья.

Книга хорошо издана, сопровождается обширным списком источников и литературы, а также предметно-тематическим указателем. Каждая часть монографии открывается изображениями представителей рассматриваемых этносов в народных костюмах, реконструированных с рисунков XIX в. Книгу украшает цветная вклейка с современными и архивными фотографиями образцов вышивки, одежды и предметов традиционного быта народов Поволжья. Более комплексному показу музыкального фольклора поволжских народов очень бы способствовало и приложение с аудиозаписями, размещенное на компакт-диске, флеш-карте или в сети Интернет.

Автор монографии называет взаимоотношения поволжских этносов «плотным, ...изрядно запутанным клубком межнациональных этнокультурных связей» (Рец. изд., с. 285). Подобное определение хорошо подходит также и для характера взаимодействий народов Сибири и Дальнего Востока. В связи с этим хотелось бы отметить важность настоящего исследования и для изучения фольклорных традиций сибирского региона. Известно, что в Сибири в течение уже более сотни лет проживают

потомки переселенцев с Волги – чувашей, казанских татар, мордвы, удмуртов, марийцев. В настоящее время традиционные культуры этих этносов активно исследуются в аспекте сравнения их материального и диаспорного бытования, а также между собой [Шахов, 2020]. Думается, что рецензируемая работа должна представлять определенный интерес для специалистов, занимающихся подобной проблематикой. Но, пожалуй, еще большее значение монография о Волго-Уральской музыкальной цивилизации будет иметь для изучения традиций коренных народов Сибири и Дальнего Востока. Со существование сибирских этносов, их многочисленные и разнообразные контакты друг с другом также приводили к формированию различных общностей и музыкально-культурных союзов [Мазепус, 1997, с. 14]. Несмотря на то, что уже существует целый ряд опубликованных работ сибирских этномузыкологов, эта чрезвычайно актуальная для сибирского региона тема к настоящему моменту еще далека от своего исчерпания. Сформулированная и апробированная в книге М. Г. Кондратьева методология, на наш взгляд, может явиться полезной и для решения проблем взаимодействия музыкально-фольклорных традиций народов Сибири.

Список литературы

- Альмеева Н. Ю. Обрядовый фольклор в этнокультурном контексте (к вопросу о региональной этномузыкологии) // Музыкальная наука Среднего Поволжья: итоги и перспективы: Материалы юбилейной науч. конф. (Казань, 20 июня 1996 г.) / Казанская консерватория. Казань, 1999. С. 64–67.
- Альмеева Н. Ю. Календарное сознание народов Волго-Камья (этномузыкологический аспект) // Временник Зубовского института. 2010. № 5. С. 13–19.
- Альмеева Н. Ю. Вопросы изучения межэтнических связей в фольклоре народов Поволжья и Урала // Межэтнические связи в фольклоре: Материалы V-й Междунар. Школы молодых фольклористов. СПб, 2016. С. 80–98.
- Альмеева Н. Ю. Финно-угры, тюрки: вопросы этнической идентичности фольклорных мелодий в волго-камском регионе // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Т. 11. № 2. С. 161–168.
- Зенкин К. В. Рецензия на монографию «Чувашская народная музыкально-поэтическая система в зеркале региональных параллелей: К проблеме Волго-Уральской музыкальной цивилизации». Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. 466 с. // Проблемы изучения истории и теории музыки народов России: Материалы Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. (Чебоксары, 2–3 октября 2018 г.) / Сост. и науч. ред. Л. И. Бушуева; ЧГИГН. Чебоксары: ЧГИГН, 2020. С. 280–282.
- Кондратьев М. Г. О чувашско-удмуртских этномузыкальных параллелях // Этническая культура чувашей: вопросы генезиса и эволюции: Сб. статей. Чебоксары, 1990.
- Кондратьев М. Г. Чувашская *çавра юрă* и ее татарские параллели / Чувашская национальная академия наук и искусств. Чебоксары, 1993.
- Кондратьев М. Г. Чувашская народная музыкальная система и ее национальные параллели: Науч. доклад... д-ра искусствоведения. М., 1995.
- Кондратьев М. Г. Об общих компонентах музыкально-поэтических систем Поволжья и Приуралья // Музыкальная наука Среднего Поволжья: Итоги и перспективы: Материалы юбилейной науч. конф. (Казань, 20 июня 1996 г.) / Казанская консерватория. Казань, 1999. С. 59–64.
- Кондратьев М. Г. К понятию Волго-Уральской музыкальной цивилизации // Теоретические концепции XX века: итоги и перспективы отечественной музыкальной науки: Материалы Всерос. науч. Конф., 14–18 ноября 2000 г. / Новосибирск: Новосибирская гос. консерватория им. М. И. Глинки, 2000. С. 320–329.
- Кондратьев М. Г. Чувашская музыка: от мифологических времен до становления современного профессионализма. М.: ПЕР СЭ, 2007.
- Мазепус В. В. Музыкальные культуры Сибири и принципы их описания // Музыкальная культура Сибири: В 3 т. Новосибирск: Новосиб. гос. консерватория, 1997. Т. 1. Традиционная музыкальная культура народов Сибири. Кн. 1. Традиционная музыкальная культура коренных народов Сибири. С. 8–16.
- Солдатова Г. Е. Комплексное издание народных песен татар-кряшен. Рец. на кн.: Альмеева Н. Ю. Песни татар-кряшен / Под общ. ред. И. И. Земцовского / Рос. ин-т истории искусств. СПб.; Казань,

2007. Вып. 1: Пестречинская (примёшинская) группа. 311 с. + CD; 2012. Вып. 2: Молькеевская группа. 472 с. + DVD // Сибирский филологический журнал. 2015. № 3. С. 264–270.

Шахов П. С. К изучению локальных фольклорных традиций народов Поволжья автохтонного и сибирского бытования (о проекте по созданию интерактивного атласа звучащих текстов). Вестник музыкальной науки. 2020. Т. 8, № 2. С. 87–101.

Шейкин Ю. И. История музыкальной культуры народов Сибири: сравнительно-историческое исследование. М.: Вост. лит., 2002.

References

Al'meeva N. Yu. Obryadovyy fol'klor v etnokul'turnom kontekste (K voprosu o regional'noy etnomuzykologii) [Ritual folklore in an ethnocultural context (on the issue of regional ethnomusicology)]. In: *Muzykal'naya nauka Srednego Povolzh'ya: itogi i perspektivy: Materialy yubileyной nauchnoy konferentsii* [Musical Science of the Middle Volga Region: Results and Prospects: Materials of the Jubilee Scientific Conference]. Kazan, 1999, pp. 64–67. (In Russ.).

Al'meeva N. Yu. Kalendarное soznanie narodov Volgo-Kam'ya (etnomuzykologicheskiy aspekt) [Calendar consciousness of the peoples of the Volga-Kama region (ethnomusicological aspect)]. *Annals of the Zubovskiy Institute*. 2010, no. 5, pp. 13–19. (In Russ.).

Al'meeva N. Yu. Voprosy izucheniya mezhetnicheskikh svyazey v fol'klore narodov Povolzh'ya i Urala [Issues of studying interethnic relations in the folklore of the peoples of the Volga region and the Urals]. In: *Mezhetnicheskie svyazi v fol'klore: Materialy V Mezhdunarodnoy Shkoly molodykh fol'kloristov* [Interethnic Relations in Folklore: Materials of the 5th International School of Young Folklorists]. St. Petersburg, 2016, pp. 80–98. (In Russ.).

Al'meeva N. Yu. Finno-ugry, tyurki: voprosy etnicheskoy identichnosti fol'klornykh melodiy v volgo-kamskom regione [Finno-Ugrians, Turks: Issues of Ethnic Identity of Folklore Melodies in the Volga-Kama Region]. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2017, vol. 11, no. 2, pp. 161–168. (In Russ.).

Kondrat'ev M. G. O chuvashsko-udmurtkskikh etnomuzykal'nykh parallelyakh [About the Chuvash-Udmurt ethnomusical parallels]. In: *Etnicheskaya kul'tura chuvashy: voprosy genezisa i evolyutsii: Sb. statey*. [Chuvash ethnic culture: issues of genesis and evolution: coll. of art.]. Cheboksary, 1990. (In Russ.).

Kondrat'ev M. G. *Chuvashskaya çavra yurä i ee tatarskie paralleli* [Chuvash çavra yura and its Tatar parallels]. Cheboksary, Chuvash National Academy of Sciences and Arts, 1993. (In Russ.).

Kondrat'ev M. G. *Chuvashskaya narodnaya muzykal'naya sistema i ee natsional'nye paralleli: Nauch. doklad ... d-ra iskusstvovedeniya* [Chuvash folk musical system and its national parallels: Sci. report ... of Dr. of Art History]. Moscow, 1995. (In Russ.).

Kondrat'ev M. G. Ob obshchikh komponentakh muzykal'no-poeticheskikh sistem Povolzh'ya i Priural'ya [General components of the musical and poetic systems of the Volga and Ural regions]. In: *Muzykal'naya nauka Srednego Povolzh'ya: Itogi i perspektivy: Materialy yubileyной nauch. konf. (Kazan', 20 iyunya 1996 g.)* [Musical science of the Middle Volga Region: Results and prospects: Materials of the anniversary academic conf. (Kazan, June 20, 1996)]. Kazan, Kazan Conservatory, 1999, pp. 59–64. (In Russ.).

Kondrat'ev M. G. K ponyatiyu Volgo-Ural'skoy muzykal'noy tsivilizatsii [To the concept of the Volga-Ural musical civilization]. In: *Teoreticheskie kontseptsii 20 veka: itogi i perspektivy otechestvennoy muzykal'noy nauki: Materialy Vseros. nauch. Konf., 14–18 noyabrya 2000 g.* [Theoretical concepts of the 20th century: results and prospects of Russian musical science: Proc. of the All-Russian sci. conf. on November 14–18, 2000]. Novosibirsk, M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatory, 2000, pp. 320–329. (In Russ.).

Kondrat'ev M. G. *Chuvashskaya muzyka: ot mifologicheskikh vremen do stanovleniya sovremennogo professionalizma* [Chuvash music: from mythological times to the formation of modern professionalism]. Moscow, PER SE, 2007. (In Russ.).

Mazepus V. V. Muzykal'nye kul'tury Sibiri i printsipy ikh opisaniya [Musical cultures of Siberia and principles of their description]. In: *Muzykal'naya kul'tura Sibiri: V 3 t. Kn. 1. Traditsionnaya muzykal'naya kul'tura korennykh narodov Sibiri* [Musical culture of Siberia: in 3 vols. Bk. 1. Traditional musical culture of the peoples of Siberia]. Novosibirsk, Novosibirsk State Conservatory, 1997, pp. 8–16. (In Russ.).

Shakhov P. S. K izucheniyu lokal'nykh fol'klornykh traditsiy narodov Povolzh'ya avtokhtonogo i sibirskogo bytovaniya (o proekte po sozdaniyu interaktivnogo atlasa zvuchashchikh tekstov) [To the study of local folklore traditions of the peoples of the Volga region of autochthonous and Siberian existence (on the project to create an interactive atlas of sounding texts. *Journal of Musical Science*. 2020, vol. 8, no. 2, pp. 87–101. (In Russ.).

Sheykin Yu. I. *Istoriya muzykal'noy kul'tury narodov Sibiri: Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie* [The history of the musical culture of the peoples of Siberia: a comparative historical study]. Moscow, Vost. lit., 2002, 718 p. (In Russ.).

Soldatova G. E. Kompleksnoe izdanie narodnykh pesen tatar-kryashen [Comprehensive edition of folk songs of the Kryashen Tatars]. Book review: Al'meeva N. Yu. [Pesni tatar-kryashen Songs of the Kryashen Tatars]. I. I. Zemtsovsky (Ed.). St. Petersburg, Kazan', 2007. Iss. 1: Pestrechinskaya (primeshinskaya) gruppa [Pestrechinskaya (Pryyoshinskaya) group]. 311 p. + CD; 2012. Iss. 2: Mol'keevskaya gruppa [Molkeevskaya group]. 472 p. + DVD. *Siberian Journal of Philology*. 2015, no. 3, pp. 264–270. (In Russ.).

Zenkin K. V. Retsenziya na monografiyu "Chuvashskaya narodnaya muzykal'no-poeticheskaya sistema v zerkale regional'nykh paralleley: K probleme Volgo-Ural'skoy muzykal'noy tsivilizatsii" [Review of the monograph "Chuvash folk musical-poetic system in the mirror of regional parallels: On the problem of the Volga-Ural musical civilization"]. Cheboksary, Chuvash. kn. izd., 2018, 466 p. In: *Problemy izucheniya istorii i teorii muzyki narodov Rossii: Materialy Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch.-prakt. Konf. (Cheboksary, 2–3 oktyabrya 2018 g.)* [Problems of studying the history and theory of music of the peoples of Russia: Proceedings of the All-Russian (with intern. participation) sci.-pract. conf. (Cheboksary, October 2–3, 2018)]. L. I. Bushueva (Comp., Sci. ed.). Cheboksary, ChGIGN, 2020, pp. 280–282. (In Russ.).

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
13.12.2020*

Сведения об авторе

Исмаилова Екатерина Игоревна – кандидат искусствоведения, научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

E-mail: zhimul@inbox.ru

ORCID 0000-0001-5135-865X

Information about the Author

Ekaterina I. Ismagilova – Candidate of Art Studies, Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: zhimul@inbox.ru

ORCID 0000-0001-5135-865X

ХРОНИКА

УДК 092.(-05).(-055.2)
DOI 10.25205/2312-6337-2020-2-128-132

Талант – быть Человеком (к 85-летию Светланы Павловны Рожновой)

Е. Н. Кузьмина

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Для цитирования

Кузьмина Е. Н. Талант – быть Человеком (к 85-летию Светланы Павловны Рожновой) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 2 (вып. 40). С. 128–132. DOI 10.25205/2312-6337-2020-2-128-132

The talent of being Human (on the 85th birthday of Svetlana Pavlovna Rozhnova)

E. N. Kuz'mina

Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia

For citation

*Kuz'mina E. N. Talant – byt' Chelovekom (k 85-letiyu Svetlany Pavlovny Rozhnovoy) [The talent of being Human (on the 85th birthday of Svetlana Pavlovna Rozhnova)]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2020, no. 2 (iss. 40), pp. 128–132. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2020-2-128-132*

22 ноября исполнилось 85 лет нашей коллеге Светлане Павловне Рожновой. Незаметно подступила дата, когда нужно оглянуться назад и обозреть жизненный путь. И мы вместе со Светланой Павловной вглядываемся в прожитые ею годы и удивляемся, насколько интересной и насыщенной была ее жизнь! Судьба уготовила девочке Свете, родившейся в г. Харькове и свое детство проведшей в маленьком украинском городке Шостки, захватывающие повороты и увлекательные события и встречи.

Светлане шел шестой год, когда грянула Великая Отечественная война. Бомбежки, эвакуация, голод, разлука с отцом и его гибель на фронте пали на долю мамы и дочери... От отца осталась только маленькая фотография, которую мама бережно сохранила и затем передала своей дочери. Заботливая мама, как могла, оберегала дочь от ужасов военного времени. После окончания войны им удалось благополучно вернуться в г. Шостки, и девочка продолжила учебу в женском классе и весьма успешно завершила школьное образование. Любимым предметом Светы была литература, хотя и по физике, математике, химии она училась с интересом. Мама поддерживала ее тягу к чтению. Она сделала

© Е. Н. Кузьмина, 2020

ISSN 2312-6337
Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 2 (вып. 40)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2020. No. 2 (iss. 40)

подписку на «Литературную газету», и Света пристрастилась к чтению литературоведческих статей, в которых давалась детальная оценка литературных произведений. Это способствовало развитию в ней вдумчивости и критического осмысления прочитанного. Уже к концу школы Светлана знала, что филология может стать ее профессией.

С 1953 по 1958 г. шла учеба на филологическом факультете Ленинградского государственного университета, куда Светлана поступила, блестяще сдав все экзамены. Училась с большим прилежанием

и поэтому была удостоена именной Крыловской стипендии. Ее преподавателями были Б. М. Эйхенбаум, В. Я. Пропп, у которого Светлана писала свою первую курсовую работу, удостоенную похвалы самого Владимира Яковлевича. Предваряя рассказ о последующих событиях в жизни Светланы Павловны, скажу, что эта похвала глубоко символична: уже в зрелом возрасте Светлана Павловна занималась именно фольклором, причем традиционным фольклором, сохранившимся во всех своих формах у народов Сибири.

(Фото. С. П. Рожнова на своем рабочем месте в секторе фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН. Новосибирск, 2011 г. Фото К. А. Сагалаева)

После вузовского образования ей была уготована учеба в аспирантуре, но, по причине отсутствия прописки в Ленинграде, Светлане и всем, кто окончил университет, нужно было отправляться по распределению на два года в Среднюю Азию – учить детей русскому языку. Светлане вместе с ее одноклассницей выпал Таджикистан. Приехали они в Сталинабад (так тогда назывался Душанбе, столица Республики), откуда их направили в отдаленный кишлак. Везли они с собой связки книг, которые потом им даже и не

понадобились, а у Светланы был еще и «Таджикско-русский словарь», купленный ею по случаю и сыгравший с ней впоследствии шутку. Курьез состоял в том, что перед первой встречей со своими учениками-таджиками, не знавшими ни слова по-русски, Светлана подготовила речь на таджикском (ей так казалось) языке по этому словарю. Ученики замерли, когда услышали ее слова, удивленно распахнули глаза, а потом все как один попадали на свои парты, зайдясь в хохоте... Долго тогда не могла Светлана успокоить свой класс, она поняла, насколько ее речь была «таджикской».

Работа в Таджикистане оставила неизгладимый след в душе Светланы Павловны. Сколько было необычного, чудесного в той жизни, как в восточной сказке! «А какими были красивыми люди! – вспоминает Светлана Павловна. – Высокие, со стройным станом, черноглазые, улыбчивые. И все неизменно вежливые, уважительно относящиеся к учителю». Удивлялась она тому, что в ее классе сидели рядом две девочки, почти ровесницы: одна – дочь селянина, другая – его жена; они много и радостно болтали между собой, мешая вести урок. Другой необычный случай: однажды коллеге по школе, учителю физики, нужно было помочь «купить жену». Когда он собрался жениться, всем учительским коллективом складывались из своей зарплаты, чтобы собрать ему нужную сумму для выплаты калыма. В Таджикистане Светлана училась добру, терпимости к недостаткам людей, навсегда усваивая жизненный урок: не надо считать себя лучше всех, в каждом, даже, казалось бы, идеальном человеке могут быть недостатки, и надо быть терпимей к ним, ибо у каждого своя правда!..

Проработав год, Светлана вернулась в Шостки, где начала преподавать в вечерней школе, поскольку была уже осень и все учительские нагрузки в средней школе были распределены. Вечерняя школа тогда была такой, какой она и задумывалась: после работы учились в ней взрослые люди. Некоторые из них были намного старше своих учителей. К юной Светлане относились очень доброже-

лательно, она в силу своих знаний и любви к литературе пользовалась среди учеников глубоким уважением. По прошествии двух лет обязательной отработки вновь встал вопрос об аспирантуре. Но опять вмешался случай. Одна из подруг рассказала об Академгородке в Сибири и убедила Светлану ехать туда.

Глубокой осенью 1960 г. Светлана Павловна приехала в Академгородок. Морской проспект, ныне красивый, ухоженный, с высокими красивыми деревьями, ярко расцвеченными магазинами, тогда в октябре предстал улицей без тротуаров, с огромными грязными лужами, через которые были переброшены доски, даже не настилы! Пронизывающий холод, шквальные ветры, тогда на улице не было ни одного дерева, как не было и обещанной квартиры... Сотрудники в то время ездили в город на маленьком автобусе и вечером возвращались на нем же. Другого транспорта между Городком и Новосибирском не было. В отчаянии Светлана решила возвращаться назад, домой. Когда по телефону она решила сказать об этом маме, та в ответ растерянно сообщила, что она уже выслала ей всю теплую одежду на зиму. Это обстоятельство определило всю дальнейшую жизнь Светланы Павловны в Сибири, в Академгородке.

В год приезда Светлана начала работать в 130-й школе пионервожатой, поскольку в октябре были заполнены все учительские ставки, но на следующий год ей дали 7-й класс, который она довела до выпускного. Позже сформировали старшие классы. Так началась ее учительская жизнь. Потом ей доверили классное руководство, с ребятами она ходила в походы, проводила фестивали и конкурсы, вела литературные кружки. Вместе с другими помогала строить вторую школу, ныне 162-ю, с французским уклоном. Школьная жизнь бурлила, и не было времени на скуку. Те бывшие ученики помнят ее до сих пор, поздравляют и с Днем учителя, и с Днем ее рождения. Многие сейчас живут за границей – в США, Италии, Канаде, Франции и тем не менее устраивают встречи, съезжаясь в какую-нибудь одну страну и приглашая Светлану Павловну к ним. Только настоящий Человек может оставить в душе других неизгладимый, благодарный след, вызывая ответный всплеск доброты, внимания и любви!

Хотя поначалу в научном центре не было места гуманитариям, с развитием университетского образования стала развиваться филология. И здесь в сфере высшего образования Светланой Павловной сделано немало. Она долгое время работала в Новосибирском государственном университете и в Физико-математической школе при НГУ, преподавая литературу и влюбляя в нее своих учеников. Академгородок явил миру успешный гармоничный симбиоз науки и образования. Сегодня научный центр славен не только естественно-научными и техническими разработками, но и своими филологическими проектами.

Потом наступил следующий этап. Светлану Павловну пригласили работать в райкоме комсомола третьим секретарем, отвечающим за школьную сферу. Все школы большого Советского района были под ее опекой, и в каждой она бывала не раз, вникая в школьные проблемы и помогая решать их. Через некоторое время Светлану Павловну выбрали уже вторым секретарем, отвечающим за идеологию. Академгородок расширялся, наполняясь молодыми, энергичными учеными, строителями, рвущимися к знаниям. Стали появляться многочисленные клубы по интересам. Светлана Павловна организовала литературный клуб «Гренада», члены которого отовсюду доставали интереснейшие книги, обменивались ими между собой, устраивали диспуты и обсуждения. Для реализации научных идей создали научно-производственное объединение «Факел», собравшее вокруг себя новаторов. Заметным событием стало открытие легендарного клуба «Под интегралом», неразрывно связанное со знаковой фигурой Академгородка – Германом Петровичем Безносковым. Вице-президентом «Интеграла» была избрана и Светлана Павловна. Правда, она об этом не знала, но в то время присутствие ее имени в составе членов клуба и ее статус второго секретаря райкома по идеологии были необходимы, несмотря даже на то, что шло время оттепели. Сколько было организовано интересных встреч в этом клубе! Приезжали знаменитые певцы и барды из Москвы, устраивались диспуты на политические темы, состоялась встреча с редакцией журнала «Иностранная литература», выступал опальный А. Галич на фестивале бардовской песни, названном конкурсом молодежной песни. В клубе был организован первый в стране конкурс красоты «Мисс Интеграл». Не без юмора Светлана Павловна вспоминает этот легендарный конкурс. Опасаясь, что девушки побоятся выступить на столь экзотичном тогда для нашей страны конкурсе, организаторы тайне решили, что в образе претендентки на

звание «Мисс» выступит «Министр страных дел» клуба «Интеграл» Герман Петрович Безносков, а для придания всему мероприятию некоей интриги пустили слух о том, что в конкурсе примут участие артистки балета из оперного театра. Из театра привезли наряды, Герману сделали соответствующий макияж – и началось выступление конкурсантов. Самой откровенной в конкурсе была демонстрация ног участниц, причем верхняя часть тела и лица конкурсанток были закрыты плотной завесой. Первое место и звание «Мисс Интеграл» было присуждено... Герману! По условиям конкурса, победительница должна была танцевать первый танец с Председателем клуба А. Бурштейном. Очевидцы вспоминали, что после танца Анатолий недоуменно сказал: «Как эту корову танцоры балета поднимают?» Он не узнал Министра своего клуба! Надо сказать, что с этим клубом у Светланы Павловны сложились не только общественные дела. Она нашла здесь свою половину в лице Германа Петровича Безноскова, ставшего спутником ее жизни. Это была замечательная пара, понимающая и поддерживающая друг друга во всех начинаниях. А главное, их дом стал приветливым местом встречи интереснейших людей! Любовь к жизни, неподдельный интерес к людям, креативность в делах они сумели передать и двум своим прекрасным дочерям, Анастасии и Марианне, унаследовавшим их таланты. Теперь они продолжают поддерживать дух клуба «Под интегралом», дух всего тогдашнего Академгородка.

Свою мечту о научной работе Светлана Павловна решила реализовать, поступив в аспирантуру Объединенного Института истории, филологии и философии СО АН СССР (ОИИФиФ СО АН СССР) по специальности «Русская литература». В связи с поступлением в аспирантуру Светлану Павловну с большой неохотой освободили от обязанностей второго секретаря райкома комсомола. Всем аспирантам полагалась командировка в библиотеки и архивы Москвы и Ленинграда. Собиралась в такую поездку и Светлана Павловна. Накануне ее отъезда ей сообщили, что готовится обращение научного сообщества Академгородка к руководителям страны о прекращении преследования инакомыслящих. В силу обостренного чувства справедливости и духа вольнолюбия она согласилась подписать обращение, но окончательного текста так и не успела увидеть. Уже в Москве она узнала, что это обращение получило большой политический резонанс.

На излете оттепели, в 1968 г., наступило драматическое для Светланы Павловны время, связанное с подписанием этой петиции к властям страны. «Письмо сорока шести» (как его позже назвали) из сотрудников Объединенного Института истории, филологии и философии СО АН СССР подписали трое: Майя Ивановна Черемисина, Марина Михайловна Громыко и Светлана Павловна Рожнова. Это было протестное письмо с требованием гласности в стране, против возобновившихся политических судебных процессов в отношении диссидентов. Письмо попало за рубеж, его зачитывало радио «Голос Америки». В результате громких обсуждений во всех инстанциях Светлана Павловна была исключена из рядов КПСС, куда она была принята за полтора года до этого.

Из аспирантуры Светлана Павловна не была отчислена, но она ушла работать снова в школу. В эти трудные годы Светлану Павловну сильно поддержали педагоги. Они доверили ей математический класс, где учились одаренные дети. Это был 8-й класс, который она довела до 11-го и выпустила из школы. Дружба с этим классом продолжается до сих пор!

Когда в секторе литературоведения ОИИФиФ СО АН СССР началась подготовка издания «Очерки русской литературы Сибири» в двух томах, Светлану Павловну пригласили принять в нем участие. Так она снова влилась в коллектив литературоведов, увлеченно работавших над этим фундаментальным изданием.

В 1983 г. в составе ОИИФиФ СО АН СССР был организован научно-координационный сектор, призванный заниматься подготовкой и изданием многотомной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Заместитель главного редактора этой серии доктор филологических наук, литературовед А. Б. Соктоев тщательно подбирал сотрудников, на которых возлагалась эта трудоемкая работа. Наслышанный о литературоведческих возможностях Светланы Павловны, он уговорил ее заняться переводческой работой в томах Серии. Так Светлана Павловна стала сотрудницей нового сектора, ответственной за русские переводы в томах серии. Поскольку тексты в томах должны были предстать на национальных языках более чем тридцати народов Сибири и в русском переводе, то необходимо было скрупулезно и профессионально передать на русском языке художественное своеобразие и красоту национальных произведений, причем дать не литературный

перевод, а сохранить специфику фольклорного произведения. Работая над томами Серии, решая свои профессиональные задачи, мы, сотрудники сектора фольклора народов Сибири, столкнулись с тем, что дело имеем не только с текстами, но и с самыми разными людьми, со сложными характерами, с трудной судьбой, порой очень робкими, а иногда и непомерно горделивыми или суровыми. Светлана Павловна умела найти для каждого нужный тон и слова, найти особую тропочку к сердцу и душе. И все, кто работал бок о бок со Светланой Павловной, до сих пор шлют ей сердечные приветы, спрашивают о ее здоровье. В ней всегда подкупали ее внимание к людям, скромность и такт. Для коллектива сектора фольклора народов Сибири она стала душой и совестью. Известна ее любовь ко всему живому: животным, птицам. Помню, во время большой экспедиции по Дальнему Востоку в июле мы собирали фольклор нанайцев в селе Троицкое, и в нем по длинной улице (село построено вдоль Амура) бродили три лошади. В какой-то момент я заметила, что как только мы выходили из гостиницы, направляясь в сторону столовой, где обычно обедали, лошади шли за нами, а затем они просовывали свои головы в окно столовой (из-за жары оно было открыто) и ждали нас. Оказывается, Светлана Павловна собирала со всех столов остатки еды и кормила ими лошадей. Они так привыкли к этому, что узнавали Светлану Павловну и сопровождали нас в ожидании угощения.

Серия «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» стала широко известной в научном сообществе. В 2001 г. за разработку концепции и подготовку первых 18 томов Серии коллективу исполнителей была присуждена Государственная премия Российской Федерации в области науки и техники, в число лауреатов вошла и Светлана Павловна Рожнова. Еще раз с удовлетворением отметим, что во всех стадиях развития Академгородка: становлении школы, высшего гуманитарного образования и науки – Светлана Павловна приняла самое активное участие! Пожелаем ей здоровья!

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
24.11.2020*

Сведения об авторе

Кузьмина Евгения Николаевна – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

E-mail: kuzmina.evgenia2010@yandex.ru

ORCID 0000-0002-7389-7811

Researcher ID K-2471-2017

Information about the Author

Evgenia N. Kuz'mina – Doctor of Philology, Professor, Principal Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: kuzmina.evgenia2010@yandex.ru

ORCID 0000-0002-7389-7811

Researcher ID K-2471-2017

УДК 092. (-05). (-055.2)
DOI 10.25205/2312-6337-2020-2-133-135

**Полвека – это много или мало?
(к 75-летию Ираиды Яковлевны Селютиной)**

Т. Р. Рыжикова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Для цитирования

Рыжикова Т.Р. Полвека – это много или мало? (к 75-летию Ираиды Яковлевны Селютиной) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 2 (вып. 40). С. 133–135. DOI 10.25205/2312-6337-2020-2-133-135

**Half a century is it much or not?
(on the 75th birthday of Iraida Yakovlevna Selyutina)**

T. R. Ryzhikova

Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

For citation

*Ryzhikova T. R. Polveka – eto mnogo ili malo? (k 75-letiyu Iraidy Yakovlevny Selyutinoy) [Half a century – is it much or not? (on the 75th birthday of Iraida Yakovlevna Selyutina)]. *Yazyki i fol'klor korenykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2020, no. 2 (iss.40), pp. 133–135. (In Russ.).
DOI 10.25205/2312-6337-2020-2-133-135*

30 октября исполнилось 75 лет нашей дорогой Ираиде Яковлевне Селютиной! К сожалению, из-за сложившейся эпидемиологической ситуации в стране и в мире поздравить именинницу лично получилось не у всех. Однако современные интернет-технологии позволили сделать это виртуально в режиме конференции. Друзья, коллеги, ученики со всех уголков нашей Родины и ближайшего зарубежья спешили выразить самые теплые и душевные пожелания. География участников этого мероприятия простиралась от восточных границ – Благовещенска, до западных – Москвы, от северных – Якутска, до южных – Астаны! Вспоминались как трогательные, так и забавные случаи из жизни Ираиды Яковлевны.

30 октября 1945 г. в семье Селютиных родилась девочка, которой дали редкое и необычное имя – Ираида, а через несколько лет у нее появился маленький братик. К сожалению, он вскоре умер. В послевоенные годы вся страна вставала из руин, но особо кровопролитные и разрушительные бои, сравнявшие с землей многие города и села, шли в центральной части СССР, в том числе – в Курской области в нескольких километрах от д. Прохоровка, где проходило знаменитое танковое сражение, и откуда родом И. Я. Селютина. Специалистов разного профиля не хватало, поэтому, получив в 1952 г. назначение редактором газеты на далеком острове Сахалин, отец Ираиды Яковлевны принял решение перевезти семью в приморский город Холмск. Путешествие вышло долгим: сначала 8 суток на поезде

© Т. Р. Рыжикова, 2020

ISSN 2312-6337
Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 2 (вып. 40)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2020. No. 2 (iss. 40)

от Москвы до Владивостока, а потом еще трое – на знаменитом пароходе «Крильон», попав при этом в 9-балльный шторм.

Холмск – потрясающий город на берегу Японского моря в окружении великолепных холмистых террас. Однако изумительные дальневосточные красоты мало помогали в выживании: семью Селютиных поселили в старую японскую лачугу с тонкими деревянными стенами, продуваемыми всеми морскими ветрами. Осенью температура в комнате мало отличалась от температуры на улице. Мебели практически не было – спали на полу. И лишь спустя некоторое время отцу Ираиды Яковлевны выделили квартиру в японском деревянном доме с печкой. А еще через несколько лет появилась Шу-рочка – племянница, оставшаяся сиротой после смерти ее родителей и ставшая полноправным членом семьи Селютиных.

В 1953 г. Ираида Яковлевна пошла в первый класс в только что открытую новую школу № 6, которую и закончила в 1964 г. с золотой медалью и партбилетом. После окончания школы выпускница поехала в Москву поступать в МГУ, но не прошла по конкурсу, а вернувшись в ставший уже родным город, работала в детском саду.

Год спустя по рекомендации своего одноклассника, студента мехмата НГУ, Ираида Яковлевна отправилась в новосибирский Академгородок. По ее воспоминаниям, когда она пришла в приемную комиссию, там ее уже ждали и повели к профессору Кириллу Алексеевичу Тимофееву: он хотел посмотреть на девочку с Сахалина, у которой была золотая медаль и партийный билет в столь юном возрасте: дело в том, что обычно так рано в ряды компартии не принимали, но в 11-м классе группу выпускников холмской школы приняли кандидатами, а затем и членами партии. Именно Кирилл Алексеевич стал научным руководителем курсовых и дипломной работ Ираиды Яковлевны.

После окончания НГУ Ираида Яковлевна с годовалым сыном уехала к своему мужу в город Псков, но через год, в 1971 г., они вернулись в Сибирь одни. В этом же году Кирилл Алексеевич порекомендовал Ираиду Яковлевну выдающемуся специалисту по монгольским и тюркским языкам, заведующему Лабораторией экспериментально-фонетических исследований (ЛЭФИ), сподвижнику и основателю новосибирской лингвистической (и фонетической) школы Владимиру Михайловичу Надеяеву. Это была судьбоносная встреча! С тех пор и до настоящего времени Ираида Яковлевна вот уже почти полвека является бессменным сотрудником ЛЭФИ, а с 1985 г. – и ее руководителем, правда, пришлось сменить специализацию и стать специалистом по фонетике и тюркологии.

Гуманитарные экспериментальные исследования требуют постоянной полевой работы. Занимаясь изучением артикуляторно-акустической базы кумандинцев – одной из групп северных алтайцев, – Ираида Яковлевна неоднократно ездила в места их компактного проживания в Алтайский край и республику Алтай. А учитывая труднодоступность этих мест, сложности с транспортом в 1970-90-е гг., громоздкость оборудования, такие поездки становились настоящим приключением. До некоторых населенных пунктов иногда приходилось добираться на телеге, запряженной лошадейю.

Расшифровка полученных полевых данных в лабораторных условиях тоже была увлекательной: катушечный магнитофон постоянно ломался, проигрывал катушки на разной скорости, зажевывал ленту или просто переставал работать, и тогда приходилось обращаться за помощью к специалистам-технарям из соседних институтов.

Разработанная Владимиром Михайловичем Надеяевым методика описания рентгенограмм и ден-топалатограмм была очень трудоемкой. Рентгено снимки обводились на негатоскопе на кальке, потом проводилась их расшифровка и описание. Дентопалатографирование тоже требовало сначала изготовления искусственного твердого неба, потом кропотливой перерисовки полученных оттисков на шаблоны, а учитывая, что в те годы просто не существовало современной копировальной техники, задача сильно усложнялась. Расшифровка километров распечатанных на бумажных лентах осциллограмм и спектрограмм также выполнялась вручную.

Тем не менее, результатом этой кропотливой работы стала кандидатская диссертация И. Я. Селютиной «Кумандинский консонантизм (экспериментально-фонетическое исследование)» (Алма-Ата, 1980 г.), а затем докторская – «Фонетика языка кумандинцев как историко-лингвистический источник (экспериментально-фонетическое исследование)» (Якутск, 2000 г.).

Благодаря ее усилиям Лаборатория смогла выжить в трудные 1990-е гг. и выйти на новый уровень, а многочисленные ученики Ираиды Яковлевны разъехались по республикам и продолжили экспериментальное изучение фонетики своих родных языков и диалектов.

Подробную информацию о научных работах, достижениях, наградах и заслугах можно узнать в любой статье, посвященной Ираиде Яковлевне Селютиной, здесь же хотелось бы рассказать о человеке, который стоит за всем этим, о Человеке с большой буквы!

То, что поражает в Ираиде Яковлевне, – это потрясающая организованность, удивительная работоспособность и ответственность за свое дело! Все эти качества позволяют ей справляться со своей работой на самом высоком уровне. Восхищает также ее трепетное и преданное отношение к своим учителям и, в первую очередь, к Владимиру Михайловичу Надеяеву. До сих пор Ираида Яковлевна с уважением и пиететом вспоминает о нем, его работе, учениках. Только благодаря ее стараниям увидели свет диссертационные работы его учеников, выпущенные в виде монографий под редакцией Ираиды Яковлевны Селютиной (<https://www.philology.nsc.ru/departments/lefi/books/index.php>). До сих пор они не потеряли актуальности, а во многих случаях – предвосхитили свое время.

Говорят, что учитель продолжается в своих учениках. Именно Ираида Яковлевна на своем примере заложила в нас уважительное отношение и к нашим ученикам, готовность поддержать, прийти на помощь, иногда похвалить, иногда поругать. Для многих она стала кумиром и образцом для подражания.

К Ираиде Яковлевне часто обращаются за помощью по совершенно разным темам: от решения чисто бытовых проблем до получения экспертного мнения по научным вопросам. Никому она не отказывает в содействии, старается поддержать человека, помочь решить его проблему и при этом выкладывается по максимуму.

Не забывает Ираида Яковлевна и своих бывших коллег, друзей, одноклассников, учеников. Со многими сохраняет связь через социальные сети. Всегда поздравит в радостный момент и посочувствует в трудный.

По замечанию Вии Васильевны Субраковой, «от Ираиды Яковлевны исходит столько душевной силы, что можно одарить ею всех людей вокруг». И это действительно так! Только человек с несгибаемым внутренним стержнем способен столько отдавать, но при этом не растратить и не потерять себя.

Хотелось бы пожелать нашей дорогой Ираиде Яковлевне, чтобы эти полвека в науке были лишь первой половиной, чтобы душевных и физических сил хватало на все задуманное, ведь впереди столько интересных планов, новых возможностей и потрясающих перспектив как в жизни, так и в любимом деле – в фонетике!

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
15.12.2020*

Сведения об авторе

Рыжикова Татьяна Раисовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

E-mail: tanya12@mail.ru

ORCID 0000-0001-6337-725X

Researcher ID C-1207-2019

Information about the Author

Tatiana R. Ryzhikova – Candidate of Philology, Senior Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: tanya12@mail.ru

ORCID 0000-0001-6337-725X

Researcher ID C-1207-2019

**Светлой памяти Натальи Николаевны Широбоковой
(28.01.1946 – 13.11.2020)**

**To the blessed memory of Natalia Nikolaevna Shirobokova
(28.01.1946 – 13.11.2020)**

13 ноября 2020 г. на 75-м году ушла из жизни замечательный человек, блестящий ученый, крупный исследователь тюркских языков, заведующая Сектором языков народов Сибири, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН, доктор филологических наук Наталья Николаевна Широбокова.

Н. Н. Широбокова родилась 28 января 1946 г. в Новосибирске. В 1963 г. она поступила в Новосибирский государственный университет, на недавно открывшееся отделение языков народов Сибири. На гуманитарном факультете НГУ в то время работала известный тюрколог, исследователь якутского и долганского языков Елизавета Ивановна Убрятова, которая стала ее научным руководителем и оказавшая большое влияние на формирование Натальи Николаевны как ученого. В дальнейшем в исследованиях Н.Н. Широбокова последовательно развивала научные идеи своего учителя. С большой любовью она относилась и к объекту своего исследования – якутскому языку, который сохранил черты древних тюркских языков и впитал некоторые особенности контактных языков Сибири.

Научная деятельность Н. Н. Широбоковой началась в 1968 г. После окончания Новосибирского государственного университета она была принята в аспирантуру Института истории, филологии и философии СО АН СССР, а в 1971 г. стала младшим научным сотрудником этого института. В это время она участвует в широкомасштабном проекте – составлении Диалектологического атласа тюркских языков СССР (ДАТЯ) и Диалектологического атласа тюркских языков Сибири (ДАТЯС). Материал этих атласов охватывал более чем 30 тюркских языков СССР. Данные атласа широко использовались Натальей Николаевной в исследованиях, посвященных фонетике, лексикологии, морфологии сибирских языков в сравнительно-историческом аспекте. Научные работы Н. Н. Широбоковой по исторической фонетике якутского языка и в такой важнейшей для тюркологии области, как формирование языкового ландшафта Сибири, языковые контакты и проблема субстрата, широко известны среди российских и зарубежных лингвистов. Она автор и соавтор около 200 работ, в том числе пяти монографий, которые отличаются системным, комплексным подходом.

В 1992 г. Н. Н. Широбокова защитила кандидатскую диссертацию на тему «Историческое развитие якутского консонантизма». В этом же году она стала заведующей Сектором языков народов Сибири, возглавляя ареальные исследования и направляя работу лингвистов института по сибирским тюркским языкам. После защиты докторской диссертации «Отношение якутского языка к тюркским языкам Сибири» в 2000 г. она стала заместителем директора Института филологии СО РАН.

Большие усилия прикладывала Наталья Николаевна для поддержания работы Диссертационного совета при Институте филологии, в котором с 1991 по 1999 г. принимались к защите диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности «Языки народов Российской Федерации», с 2002 г. по настоящее время – по специальности «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание». С 2003 г. Диссертационный совет при Институте филологии СО РАН приобрел статус докторского. «Институт без совета – не институт», – часто повторяла Наталья Николаевна.

Н. Н. Широбокова вела также подготовку кадров высшей научной квалификации из числа представителей коренных народов Сибири. В 1991 г. по инициативе доктора филологических наук М. И. Черемисиной и доктора исторических наук Н. А. Алексеева на гуманитарном факультете НГУ была образована кафедра языков и фольклора народов Сибири. Первым ее заведующим стала М. И. Черемисина, с 1996 по 2018 г. кафедрой руководила Н. Н. Широбокова. Она разработала и читала ряд основных теоретических курсов по тюркологии: «Введение в тюркологию», «Древняя история тюрков», «Морфонология тюркских языков Сибири», «Морфология тюркских языков», «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков», «Тюркская диалектология». Цель, которая изначально была поставлена при создании кафедры – воспитать новое поколение исследователей-тюркологов, носителей сибирских языков, которые имели возможность узнать языки друг друга, – может считаться осуществленной. На протяжении более 20 лет существования кафедры было выпущено около 60 студентов, из них кандидатами наук стало 22 человека. По окончании аспирантуры и защиты диссертации большинство выпускников вернулись в свои регионы, где стали ведущими специалистами: заведующими кафедр университетов, руководителями отделов и лингвистических подразделений научных институтов, представителями властных структур, работниками средств массовой информации. Под руководством Натальи Николаевны были успешно подготовлены и защищены восемь кандидатских и одна докторская диссертации.

За огромный вклад в подготовку специалистов для вузов и научно-исследовательских институтов Сибири и за фундаментальные результаты исследований сибирских тюркских языков Н. Н. Широбокова награждена Почетными грамотами РАН, СО РАН, правительственными грамотами, грамотами вузов и научных учреждений Якутии, Алтая, Хакасии, Тывы, Кемеровской области, медалью Академии наук Республики Саха (Якутия). Ей присвоено звание «Почетный профессор ТувГУ» (Тувинского государственного университета). Н. Н. Широбокова была членом Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук РАН, экспертом РАН, РГНФ, РФФИ, РНФ, заместителем председателя диссертационного совета при Институте филологии СО РАН и членом диссертационного совета при Институте гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск).

Наталья Николаевна была активным участником научной жизни, происходящей во всех тюркоязычных регионах, исследовательских коллективах, занимающихся языками коренных народов Сибири. К ней часто обращались за консультацией при подготовке и выполнении научных проектов, при выборе тем диссертационных исследований и их написании. Она была мудрым наставником и надежным другом; поддерживала начинания и деятельность разных коллективов ученых.

Наталья Николаевна заряжала исследовательским азартом и вдохновением своих учеников и тех, кто работал с ней. Ее невероятно широкий кругозор, глубокие знания по истории и культурам тюркских народов, которыми она щедро делилась, было и остается бесценным даром тем, кто ее окружал.

Светлая память и огромная благодарность Наталье Николаевне Широбоковой.

Коллектив Института филологии СО РАН

**ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ**

2020. № 2 (выпуск 40)

В оформлении обложки использована репродукция картины
Любови Арбачаковой «Нежность»

Раздел «Лингвистика»:

редактор *Е. В. Тюттешева*, оператор электронной верстки *А. В. Байыр-оол*

Раздел «Фольклористика»:

редактор и оператор электронной верстки *Т. В. Дайнеко*

Корректор текста на английском языке *Е. В. Давыдова*

ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090
Институт филологии СО РАН

E-mail: yaz_fol_sibiri@mail.ru

Официальный сайт журнала: <http://www.philology.nsc.ru/journals/ykns/index.php>

Подписано в печать 17.12.2020. Печать цифровая.
Бумага офсетная. Формат 60 × 80/8. Усл. печ. л. 17,25
Тираж 50 экз. Заказ № 261
Дата выхода в свет 12.02.2021

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре НГУ
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090